

НА СНИМКЕ – ТРЕТИЙ

18+

Арион

На снимке — третий

«Автор»

2026

Арион

На снимке — третий / Арион — «Автор», 2026

После смерти отца судебный фотограф Вера Ланская возвращается в приморский Керн. В запертой домашней лаборатории она находит мокрый негатив: на первых кадрах у заброшенного санатория стоят двое подростков, а на последнем между ними возникает третья фигура. На следующий день одного из снятых находят мёртвым. Положение тела повторяет старую фотографию, а рядом появляется новый снимок, которого никто не делал. Двадцать лет назад в «Прибое» исчезла тринадцатилетняя Лида Резник. Теперь Вере предстоит восстановить ту ночь, отделить подстроенные чудеса от настоящих улик и понять, что успел обнаружить её отец. Но чем ближе расследование к затопленным подвалам санатория, тем чаще камера замечает то, чего нет перед объективом.

© Арион, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мокрый негатив	5
Глава 2. Человек на волнорезе	13
Глава 3. Красный свет	22
Глава 4. Те, кто ходил в «Прибой»	31
Глава 5. Кожа под ногтями	41
Глава 6. Четвёртая дверь	50
Глава 7. Фотограф Мерц	59
Глава 8. Соль на языке	68
Глава 9. Аптечный журнал	77
Глава 10. Время 4:17	85
Глава 11. Комната без окон	93
Глава 12. Чужая вина	101
Глава 13. Отлив	110
Глава 14. Край кадра	118
Глава 15. Дом отца	126
Глава 16. Тепло чужого тела	133
Глава 17. Партия препарата	141
Глава 18. Белая крошка	149
Глава 19. Внутрь циферблатом	157
Глава 20. Тринадцатая ступень	165
Глава 21. Второе тело	172
Глава 22. Кассета	179
Глава 23. Запах гвоздики	186
Глава 24. Резервуар	193
Глава 25. Четыре минуты воды	200
Глава 26. Неразрезанный край	209
Глава 27. После проявки	216

Арион

На снимке — третий

Глава 1. Мокрый негатив

Отец лежал в закрытом гробу, и это злило Веру сильнее, чем его смерть.

Крышку обтянули серым сукном. По краю шёл серебряный шнур, на одном углу уже распутившийся в грязную кисточку. Человек из похоронной службы дважды предлагал всё поправить, но тётка Нина отмахивалась: какая теперь разница.

Разница была.

Вера много лет снимала то, от чего другие отворачивались. Разбитые лица, руки из-под брезента, комнаты после пожара. Она знала цену последнему взгляду и знала другую вещь: закрывают обычно не для мёртвого.

— Сердце, — сказал Илья Корсаков, будто отвечал на вопрос. — Соседка увидела свет утром. Он сидел в лаборатории.

Вера посмотрела на его форменную куртку. На плечах темнели капли. Илья успел располнеть, сбрил рыжую школьную бороду, обзавёлся двумя складками у рта. Глаза почти не изменились — серые, близко посаженные, всегда виноватые за то, чего он ещё не сделал.

— Врач был?

— Был.

— Кто?

Илья помедлил на четверть секунды.

— Шевцов.

За окном поселкового клуба море толкало ветер в стекло. Август в Керне всегда притворялся осенью. На крыльце курили портовые, пряча огонь в ладонях. Дым просачивался внутрь вместе с мокрыми людьми и запахом дешёвой гвоздики из венков.

— Почему закрытый?

— Вера.

— Я спросила.

— Упал лицом на ванну с раствором. Потом на пол. Там... цвет плохой.

Он сказал это тихо, без служебной осторожности. По-дружески. Вот только друзья не сообщают о смерти отца через дежурного городского отдела через восемнадцать часов после того, как найдено тело.

Вера коснулась крышки двумя пальцами. Сукно было сухим и тёплым от душного зала.

— Раствор какой?

— Не знаю.

— Ты заходил?

— До порога.

— Значит, видел кюветы.

— Я не фотограф.

— Антон Ланской тоже не был фотографом.

— Последние годы был.

Вера отняла руку. На подушечках осталась серая пыль.

У стены кто-то всхлипнул. Тётка Нина бросила на них взгляд, полный церковного осуждения, хотя отпевать Антона не повезли. Он сам просил. Или тётка так сказала.

Вера не плакала. В самолёте ей казалось, что начнёт, когда увидит дом. Потом — когда увидит гроб. Теперь она ждала кладбища, словно слёзы могли задерживаться из-за плохой дороги.

— Ключи у тебя? — спросила она.

— Дом опечатан не был.

— Это не ответ.

Илья достал из кармана связку. Между двумя плоскими ключами висел белый кит из пластмассы. Вера выиграла его в тире, когда ей было двенадцать. Тогда кит был синим.

— Нашёл у него в руке, — сказал Илья. — Лаборатория запирается изнутри. Дверь пришлось выбить.

— А это ты решил оставить на потом?

— Смерть признали естественной.

— Запертая комната, ключ в руке.

— В доме никто не прятался.

— Ты искал?

Илья сжал челюсть.

Вошла тётка Нина. Поправила на груди чёрный платок, хотя тот лежал ровно.

— Люди прощаться пришли, а вы допрос устроили. Даник, Господи прости, мог бы хоть сегодня форму снять.

Илью Даником не звали. Тётка путала имена всех мужчин младше шестидесяти и считала это их недостатком.

— Мы закончили, — сказал он.

— Нет, — сказала Вера.

Но гроб уже подняли.

На кладбище дождь пошёл по-настоящему. Глина липла к каблукам, чёрные зонты стали кивались, и священник из соседнего посёлка торопился к машине. Вера смотрела, как серый прямоугольник опускается между мокрых стенок могилы. Верёвка скрипнула. Один из носильщиков выругался сквозь зубы.

Вот тогда внутри что-то дрогнуло — не горе, а телесная тревога. Как в секунду перед падением тяжёлого шкафа, когда уже понимаешь, куда он пойдёт, но ещё можешь убрать ногу.

Крышка скрылась внизу.

К могиле подошёл Шевцов. Он снял перчатку и бросил землю голой рукой. На внутренней стороне запястья белела полоса кожи от часов; сами часы были повернуты наружу.

— Антон был упрямым человеком, — сказал он Вере. — Иногда это спасало людей.

— А иногда?

— Иногда мешало ему остановиться.

— Вы виделись перед смертью?

— Он приходил в пансионат. Хотел поднять старые журналы. Я объяснил, что архив утрачен.

К ним подошла Марина Резник. Зонт она не раскрывала.

— Хорошим следователем был? — спросила она. — Скажи это Лиде.

Шевцов не посмотрел на неё.

— Сегодня не место.

— Место подходящее. Земля уже открыта.

Илья встал между ними. Марина отступила сама.

— Дом не продавай, — сказала она Вере. — Пока не найдёшь, что он спрятал.

— Что именно?

— Если бы знала, уже забрала бы.

Она ушла. Шевцов задержался.

- Горе делает людей жестокими.
- Двадцать лет — это уже не горе?
- Это привычка жить внутри него.

Он произнёс фразу как диагноз. Большой палец дважды потёр нижний коренной зуб через щёку.

Павел стоял у ограды, мокрый без зонта. Встретился с Верой глазами и отвернулся. Светлана села в машину, не подойдя. Все трое снова оказались рядом и сделали вид, что друг друга нет.

Павел изменился сильнее Ильи. В школе он был тонким, быстрым, всегда первым лез на пирс в шторм. Теперь плечи раздалились, на лбу появилась белая полоска старого шрама. На нём была форма спасательной станции, хотя дежурство закончилось утром. Он держал в руке телефон и не смотрел на экран, пока тот не погас.

Светлана завела машину, но не уехала. Дворники прошли по стеклу один раз, второй. Через мокрое боковое окно Вера увидела её профиль и красную заколку над ухом. Не бабочку, обычную пластмассовую полоску. Светлана заметила взгляд, выдернула заколку и бросила на соседнее сиденье.

Павел подошёл к машине. Светлана приоткрыла окно. Их разговор занял несколько секунд. Вера не слышала слов, только увидела, как Павел показал на неё подбородком, а Светлана резко повернула ключ. Машина рванула с места и обдала могильную ограду водой.

- Они знали, что Антон нашёл плёнку? — спросила Вера.

Илья проследил за машиной.

- Спроси у них.

- Павел убежит.

- Павел вытаскивает людей из моря. Бегают он плохо.

Шутка не получилась. Илья первым отвёл глаза.

Вера вспомнила отцовское сообщение, пришедшее три недели назад.

«Нашёл твою плёнку. Здесь вас трое».

Она не ответила. Решила, что он опять хочет завести разговор о прошлом обходным путём. Отец никогда не просил прямо. Присылал фотографию ржавой калитки, если скучал. Спрашивал, не знает ли она хорошего кардиолога, когда хотел, чтобы приехала. Однажды отправил пустое сообщение, и Вера целый вечер ждала второе. Не дождалась.

После кладбища люди вернулись в клуб. Тётка Нина велела Вере ехать с ними, но та сказала, что переоденется, и села в машину Ильи.

- Ты выпила, — сказал он.

- Полрюмки.

- Я поведу.

- Поэтому и села.

Он включил печку. Из решётки пахнуло пылью и мокрой собачьей шерстью. Машина медленно поползла между заборами. Керн за двадцать лет усох. Дом культуры заколотили, рыбный магазин стал аптекой, на месте школьного стадиона лежали штабеля контейнеров. Сопки стояли прежние — близкие, тёмные, будто посёлок построили на дне зелёной чаши и забыли сделать выход.

- Что было на плёнке? — спросил Илья.

Вера повернулась к нему.

- Откуда ты знаешь?

- Антон последние дни спрашивал про старые негативы. Ходил к Мерцу.

- Мерц жив?

- После инсульта. Дочь забрала бы, а он упирается.

- Отец показывал тебе снимок?

— Нет.

Он ответил слишком быстро, но Вера не стала давить. Впереди показался дом — низкий, обшитый доской, с тремя окнами на улицу. Отец перекрасил крышу в зелёный. На крыльце провалились две ступени.

Илья заглушил мотор.

— Я зайду первым.

— Зачем?

— Там после вскрытия двери ничего не убирали.

— Ты сказал, смерть естественная.

— Естественная смерть тоже выглядит как смерть.

— Спасибо. Я могла забыть.

Он выдохнул носом, но спорить не стал.

В сенях висела отцовская куртка. На рукаве засохла грязь, в кармане прощупывался складной метр. Вера зачем-то вынула его, раскрыла одно звено и вернула обратно.

В кухне всё осталось как перед коротким выходом. Чашка с чайной плёнкой на дне. Хлеб под полотенцем. Три таблетки в блюде. На календаре крестом отмечено двенадцатое августа — день, когда отец умер. Рядом его почерком: «отлив 04:11».

Таблетки были разными: белая сердечная, синяя от давления, половинка жёлтой без насечки. Вера сняла блюдо сверху и сбоку. Отец всегда раскладывал лекарства на неделю в пластиковую коробку. Коробка стояла у холодильника, отделение за двенадцатое было пустым.

— Фельдшер смотрел таблетки? — спросила она.

— Шевцов сказал, обычная схема.

— А жёлтая?

Илья наклонился, но не взял.

— Не знаю.

— Значит, уже двое не знают, что лежало рядом с умершим, и оба решили, что знать не нужно.

Она нашла чистый стакан, накрыла им блюдо и написала на календаре время. Илья не остановил. Только сфотографировал её действие своим телефоном.

Вера достала телефон и сняла календарь.

— Ты теперь всё будешь фотографировать? — спросил Илья.

— Да.

Она открыла холодильник. На верхней полке стояла кастрюля с гречкой, ниже — две небольшие ампулы, хотя инъекционных препаратов Антону не назначали. Вера не стала брать их в руки. Сняла маркировку через стекло. На одной этикетке значился ветеринарный препарат для соседской собаки, на другой надпись расплылась от конденсата.

— У отца была собака?

— У соседки. Он делал уколы, когда она работала в порту.

Удобное объяснение и потому опасное. Вера записала фамилию соседки на обороте магазинного чека. Позже можно будет спросить, сколько ампул оставляли и когда. Пока это были просто лекарства в чужом холодильнике.

На столе лежал квиток из поликлиники. Антон пропустил кардиолога пятого августа, затем записался повторно на тринадцатое. Между датами карандашом стояло: «Мерц — после отлива». Он планировал прожить как минимум до следующего дня.

— С естественной смертью это не спорит, — сказал Илья, прочитав.

— Я и не спору. Запоминаю.

Она сняла квиток и поставила на место. Вера уже видела, как следователи превращали желание человека купить хлеб на завтра в доказательство, что тот не мог покончить с собой. Будущее в календаре ничего не обещало. Оно лишь показывало, чего человек ожидал.

В дверь постучала соседка, Галина Петровна. Та самая, что вызвала скорую. Она принесла кастрюлю с поминальной кашей и остановилась на пороге, увидев блюдо под стаканом.

— Я не трогала, — сказала она.

— Что именно?

— Таблетки. Аркадий Львович велел оставить как есть, потом сам поднял с пола.

По словам соседки, свет в лаборатории загорелся около половины пятого. Она не спала из-за дождя и видела красное окно через занавеску. В кухне было темно. Через несколько минут у дома остановилась машина без фар. Какого цвета, не разобрала.

— Шевцов приехал?

— Он уже был внутри, когда я пришла. Дверь в сени открыта. Я позвала Антона, врач вышел и сказал звонить в скорую.

— Вы слышали, как он вошёл?

— Нет. Слышала голоса раньше. Думала, телевизор.

Один голос принадлежал Антону. Второй был тише и доносился рывками, будто из телефона или магнитофона. Галина не могла сказать, разговаривал ли отец с живым человеком. Зато помнила запах в сенях.

— Сладкий такой. Как у зубного. Я ещё подумала, Антон опять курит эти свои гвоздичные.

Антон никогда не курил гвоздичные сигареты. Вера не поправила. Попросила повторить всё Илье при включённой записи и не обсуждать машину с соседями. Галина обещала слишком охотно. Через час описание уже знала тётка Нина.

До лаборатории Вера дошла не сразу.

Илья остался в кухне отвечать на звонок, а она открывала двери одну за другой. Комната отца. Гостиная с продавленным креслом. Маленькая спальня, где раньше стояла её кровать. Антон ничего не переставлял, только заменил детскую мебель взрослой и сложил старые вещи в картонные коробки.

В коробке «Вера. Не выбрасывать» сверху лежала отцовская штормовка — та самая, которую она носила летом две тысячи шестого. Рукава всё ещё были подвернуты и схвачены нитками. В кармане нашлись засохшая ракушка, автобусный билет и кусок красного пластика.

Заколка в форме бабочки. Одно крыло отломано.

Светка носила такие парами. Красные бабочки сидели над ушами и дрожали, когда она смеялась. В ночь у санатория одна пропала. Светка потом сказала, что потеряла её на пляже.

Вера положила заколку на крышку коробки и сняла телефоном. Не как улику — просто руки сами выбрали знакомое действие.

На дне лежал школьный альбом. Страница Веры оставалась пустой. Её портрет вырезали неровным прямоугольником.

— Ты сама вырезала, — сказал Илья от двери.

— Зачем?

— После исчезновения Лиды в школе написали, что ты её убила. Под твоим снимком.

— Кто?

— Не знаю. Когда я увидел, фотография уже лежала в мусорном ведре.

Вера закрыла альбом.

— Почему ты не говорил со мной после отъезда?

— Звонил два раза. Антон сказал, ты не хочешь слышать никого из Керна.

— Он сказал мне, что никто не звонил.

— Возможно, хотел отрезать тебя от посёлка.

— У него получилось.

— Ты и сама хорошо резала.

Вера посмотрела на пустое место в альбоме.

— Фотографы обрезают то, что мешает кадру.

— А потом удивляются, куда делись люди.

Из внутреннего кармана отцовского кителя торчал конверт. В нём оказалась квитанция из ателье Мерца. Заказ приняли двадцать восьмого июля, за две недели до смерти отца. В графе «работа» стояло: «контакт, старый негатив, без резки». Ниже Мерц написал: «НЕ ПРО-ЯВЛЯТЬ ОДНОМУ».

— Отец ходил к Мерцу?

— Последние недели — несколько раз. Спрашивал про плёнки, приливы, санаторий.

— Ты мог спросить.

— Спрашивал. Он ответил, что хочет прибраться перед смертью.

Из коридора тянуло сыростью и слабым металлическим запахом.

Дверь лаборатории находилась в конце коридора. Раньше там была кладовка. Отец обил её чёрным дерматином, а щель под порогом закрыл резиновой полосой. Косяк у замка расщепился. Щепки лежали на полу, некоторые кто-то отодвинул носком.

— Кто входил после тебя?

— Врач. Фельдшер. Двое похоронных.

— Перчатки?

— Вера, мы не оформляли место происшествия.

— Я вижу.

Красная лампа не горела. Илья щёлкнул обычным выключателем.

Комната оказалась меньше, чем помнила Вера. Отец поставил вдоль стен столы, завесил окно, протянул над раковиной леску с деревянными прищепками. На полу у крайней кюветы темнело бурое пятно. Его вытирали, но растворившаяся кровь ушла в щели между досками.

Запах стоял кислый, металлический. Стоп-ванна, старый фиксирующий раствор, сырость. Под ними — сладковатая гвоздика.

Вера нагнулась над кюветой. На белом пластике бурел отпечаток ладони: отец хватался за край, когда падал. Два пальца соскользнули внутрь. На столе лежали ножницы, увеличитель, коробка фотобумаги и часы без ремешка.

— Его часы? — спросила она.

— Были на руке.

— Тогда эти чьи?

Илья подошёл, не касаясь стола.

— Мерца, может. Антон таскал от него всякое барахло.

Циферблат был квадратный, мутный. Стрелки застыли на 4:17.

Вера сняла часы с четырёх сторон. Потом — кювету, пол, дверную ручку, стол целиком. Рабочая привычка успокаивала: выбрать точку, убрать лишнее из края, удержать горизонт. Мир в видоискателе соглашался иметь границы.

— Тело где лежало?

Илья показал.

Вера встала на колени. Доска холодила через колготки. Под столом валялась прищепка. Дальше, почти у стены, белел угол бумаги.

— Фонарик.

Илья включил телефон.

Вера просунула руку. Бумага не поддавалась, словно прилипла. Она достала из сумки перчатки.

— Ты на похороны с ними ходишь?

— Я с ними живу.

Лист вышел с влажным звуком. Это был не отпечаток, а широкая полоска плёнки, ещё не высохшая. Вера подняла её к лампе.

Эмульсия набухла и стала мягкой. По краям остались следы пальцев, но не свежие: жир вьелся до проявки и лёг светлыми овалами. Отец держал плёнку без зажимов. Значит, торопился или боялся, что металлическая прищепка повредит край.

Вера осмотрела конец. Ровного заводского среза не было. Полосу оторвали от длинного рулона руками, потом подправили ножницами. Один угол оставили шире. Там сохранилась часть заводской маркировки края.

— Он проявлял не весь ролик, — сказала она.

— Остальное где?

— Не здесь.

Под столом лежала только одна мокрая дорожка от плёнки к стене. Никакой коробки, бумажного ракорда, обрезков. Кто-то убрал всё, кроме этой полосы, или Антон сам спрятал остальное до того, как упал.

На четырёх кадрах стоял санаторий «Прибой».

Главный корпус она узнала сразу: бетонные балконы, лестница к пляжу, круглый фонарь над входом. На первом кадре — пустая площадка. На втором у разбитого окна темнели две детские фигуры. На третьем одна повернулась к камере.

Вера.

Четырнадцатилетняя, худая, в отцовской штормовке до колен. Рядом Павел Гринь держал что-то у груди. Наверное, украденную камеру.

На четвёртом кадре между ними стояла девочка в светлом платье.

Лица не было. Вместо него плёнку пересекала белая царапина.

— Лида, — сказал Илья.

Вера едва не выронила негатив.

— Ты же его не видел.

Он смотрел на кадр. Не на неё.

— Кто ещё там мог быть?

— Лиды с нами не было.

— Была.

— Она пошла позже. Мы уже вошли в корпус.

Илья провёл ладонью по лицу.

— Дай плёнку.

— Нет.

— Это материал старого дела.

— Дело закрыто.

— Может, уже нет.

Вера поднесла негатив ближе. Фигура казалась слишком высокой для Лиды. Светлое «платье» на самом деле могло быть засвеченной дверью. В области лица шла не царапина — тонкая полоска была частью изображения, отражением на стекле.

За фигурой виднелась ещё одна рука.

Взрослая.

Вера повернула плёнку эмульсией к свету. В нижнем поле последнего кадра блеснула капля. Не вода. Густая, красновато-бурая.

Она поднесла каплю к носу, не касаясь. Фиксаж перебивал почти все запахи, но железо чувствовалось. Кровь попала на эмульсию после проявки: края пятна были резкими, изображение под ним не изменилось.

— Если кровь не отца, её оставил тот, кто забирал остаток, — сказала Вера.

— Или ты только что перенесла её с пола.

— Перчатки чистые. Посмотри.

Илья посмотрел. На прозрачном материале не было бурых следов.

— Положи плёнку на стекло.
— Сначала чистый пакет.
— У меня в машине.
— Значит, принеси.
— Отец порезался? — спросила она.
— На руках крови не было.

В доме что-то щёлкнуло.

Оба замерли.

Звук донёсся из кухни. Негромкий, знакомый — будто сработал механический затвор.

Илья вынул пистолет. Вера автоматически погасила верхний свет, и лабораторию залило красным: старая лампа над дверью вдруг ожила сама.

В красноте лицо Ильи стало плоским, чужим.

— Оставайся здесь.

Он вышел в коридор.

Вера услышала, как он толкнул кухонную дверь. Потом дверь в сени. Его шаги прошли вокруг дома и затихли под окном.

Она осталась одна с негативом.

На леске над раковиной качнулась прищепка. К ней был подвешен свежий отпечаток, которого минуту назад не было.

Вера подошла.

На снимке Павел Гринь стоял на волнорезе спиной к морю. Голова была запрокинута, рот открыт. За его плечом поднималась светлая фигура без лица.

Внизу отец написал карандашом:

«Следующий отлив — 04:17».

Глава 2. Человек на волнорезе

В четыре утра море не шумело. Оно билось о бетон коротко и тяжело, будто за стеной двигали мебель.

Илья поставил машину за закрытой аптекой в бывшем рыбном магазине. Дальше дорога к причалу была перегорожена цепью. На табличке поверх старой синей краски белело: «Проход запрещён. Аварийный участок».

— Останься в машине, — сказал он.

Вера открыла дверь.

— Я двадцать лет выполняла это указание.

Ветер сразу забрался под пальто. Дождь почти кончился, но в воздухе висела мелкая морось. Она оседала на ресницах и делала фонари рыхлыми, окружёнными жёлтым туманом.

Илья достал из багажника фонарь и сигнальный жилет.

— Если там Павел, ты не подходишь к телу.

— Если он жив, я подойду.

— Тогда я сам решу.

Он перехватил её взгляд и добавил:

— Пожалуйста.

Это слово остановило спор. Вера застегнула пальто до горла.

К волнорезу вела бетонная дорожка вдоль порта. Слева за сеткой темнели контейнеры. Справа вода отступила, обнажив чёрные камни, спутанные водоросли и ржавую трубу ливневого стока. От неё тянуло тухлой капустой.

Вера знала эту дорожку босыми ногами. В детстве бетон прогревался к полудню и резал ступни ракушками. Теперь вдоль парапета поставили новые фонари, но половина не горела. Между опорами оставались тёмные промежутки по двадцать шагов. Человек мог идти рядом и появляться только на секунду, когда пересекал свет.

Илья проверял каждый промежуток фонарём. Один раз луч зацепил светлую ткань у сетки. Вера вздрогнула, но это оказался разорванный мешок, набитый мокрой изоляцией. Такие мешки лежали у ремонтной площадки целой грудой. Белая крошка липла к сетке и летела по дороге.

— Здесь работы идут? — спросила она.

— Меняют ливневый коллектор. Днём.

— Кто имеет доступ ночью?

— Порт, подрядчик, спасатели.

Павел входил во все три группы: служебный пропуск спасательной станции открывал ворота порта, а подрядчикам он проверял воду перед сбросами. Если его вызвали сюда, он пришёл без подозрений.

У будки охраны горел монитор. Человек внутри спал, положив голову на сложенную куртку. Илья постучал в стекло. Охранник поднялся не сразу, увидел форму и открыл окошко.

— Кто проходил после полуночи?

— Никто.

— Журнал.

В журнале стояла запись Павла: 01:52, «проверка волнореза». Подпись была похожа на его, но время вписали другой ручкой. У выхода строки не было.

— Вы видели его?

Охранник потёр лицо.

— Пропуск пикнул. Камера показала куртку спасателей. Я шлагбаум поднял.

— Лицо?

— Капюшон. Дождь.

К журналу был привязан карандаш. Запись сделали синей шариковой ручкой. Та лежала у края стола, колпачок погрызли. Илья попросил охранника не трогать её и вызвал сотрудника к будке. Вера смотрела через стекло на монитор: камера у ворот снимала сверху. Высокий человек в Павловой куртке и низкий выглядели бы одинаково, если оба наклонят голову.

— Архив есть? — спросила она.

— Неделя.

— Тогда не выключайте питание.

Охранник обиделся:

— Я двадцать лет тут.

— Поэтому знаете, как легко случайно выключить не тот автомат.

Илья забрал журнал только после того, как сотрудник снял страницы и пломбы на корпусе регистратора. До волнореза они дошли на три минуты позже. Павел всё это время стоял в темноте.

Павел был на дальнем конце волнореза.

Сначала Вера увидела только светлое пятно куртки. Мужчина стоял у самой кромки, спиной к морю, нелепо прямой. Фонарь Ильи скользнул выше. Голова Павла была запрокинута. Подбородок торчал в небо.

Точно как на отпечатке.

— Павел! — крикнул Илья.

Фигура не шевельнулась.

Илья пошёл быстрее. Вера за ним. Бетон блестел, в выбоинах шевелилась вода. Когда до Павла осталось метров двадцать, волна ударила снаружи и рассыпалась за его спиной белым веером. Он не качнулся.

— Стой, — сказал Илья.

Вера остановилась.

Теперь она видела, что удерживало тело. Из-под мышек Павла выходила тонкая верёвка. Концы были заведены назад и привязаны к железной скобе в парапете. Колени подогнулись, пятки не касались бетона. Со стороны казалось, будто он сам стоит, выгнувшись навстречу ветру.

Илья коснулся шеи. Потом взял Павла за плечо, стараясь не менять положение головы.

— Холодный.

Вера посмотрела на часы в телефоне. 04:09.

Телефон спешил. На диспетчерском табло у порта красными цифрами горело 04:08. Вера сняла оба экрана одним кадром и попросила Илью свериться по рации. Точное время: четыре восемь тридцать семь. Тридцать три секунды разницы могли стать ложным маршрутом, если позже кто-то начнёт считать шаги от ворот.

Она исправила подпись к первому кадру. На календаре Антона рядом со словом «отлив» стояло 04:11, на отпечатке — 04:17. Пока это были три разных времени, а не одно предсказание.

— Отпечаток был готов до трёх.

— Я помню.

— На нём он уже так стоял.

— Вера.

— Кто-то снял это раньше. Или поставил его сюда раньше.

Илья осветил верёвку. Обычный белый капрон, мокрый и чистый. Узел находился под правой рукой Павла, почти спрятанный рукавом.

— Не подходи.

Она уже достала телефон.

Первый кадр взяла издали: тело, скоба, край волнореза, линия прибоя. Второй — ниже, чтобы в кадр попали ноги. На правом ботинке грязь лежала двумя ровными полосами, одна над другой. Между ними кожа была почти чистой.

— Ты сейчас уничтожаешь место, — сказал Илья.

— Я стою в двух метрах от тебя.

— Ты вообще не должна здесь быть.

— А человек, который повесил отпечаток в доме, должен?

Он отвернулся и вызвал дежурную группу.

Вера надела перчатки. Не приближаясь, опустила на корточки. На бетоне вокруг Павла было слишком мало следов. Мелкая морось смягчила края отпечатков, но не смыла их. Широкие подошвы Ильи. Её каблуки. Рифлёные следы ботинок Павла шли от берега и обрывались в трёх шагах от тела.

Последние три следа были глубже предыдущих. Носки развернуты наружу, будто Павел нёс вес перед собой или его тянули сзади. В правом отпечатке собралась вода, в левом лежала сухая песчинка. Они появились не одновременно: один успел принять морось, второй был прикрыт чем-то до их прихода.

Вера провела лучом от ботинок к телу. На бетоне виднелись две параллельные полосы, едва темнее поверхности. Шириной с полозья узкой тележки. Они начинались у внешней лестницы и исчезали там, где Павла подняли.

— Его привезли снизу, — сказала она.

Илья наклонился, не переступая следы.

— Или рыбаки катили ящики вчера.

— Тогда полосы пересекли бы его следы. Они сверху.

Он сфотографировал место своим телефоном и вызвал ещё одного сотрудника, чтобы перекрыть лестницу со стороны воды.

Чужих следов не было.

— Илья.

Он говорил по телефону и поднял ладонь.

Вера перевела фонарь на парапет. С внешней стороны бетон был мокрым до самого верха. На внутренней оставалась тонкая сухая полоса. Верёвка пересекала её и тянулась к скобе.

Человек мог пройти по воде, если знал отлив. Мог подняться по лестнице с морской стороны. Следов на бетоне тогда не осталось бы.

Она наклонилась ниже. От верёвки пахло морем, машинным маслом и чем-то сладким. Гвоздикой.

Запах был слабый, почти домашний. Так пахло из открытого пузырька у зубного врача, когда Вере было девять.

— Не трогай, — сказал Илья за спиной.

— Я не трогаю.

Он закончил разговор.

— Группа будет минут через сорок. Районный эксперт едет из Заречья.

— Егор?

Илья посмотрел на неё.

— Ты следишь за районной судмедэкспертизой?

— Я работаю во Владивостоке. Мы пересекались.

Она не добавила, насколько близко.

Вдали, за туманом, хлопнула дверь автомобиля. Илья направил фонарь к берегу. На дорожке никого не было.

— Уведи меня отсюда, если хочешь сохранить место, — сказала Вера. — Только сначала посмотри ему под волосы.

— Зачем?

— Не знаю. На снимке голова запрокинута не ради красоты.

Илья помедлил. Потом осторожно поддержал Павла за затылок и отвёл мокрые волосы. Под правым ухом темнела точка. Не порез и не ссадина — круглый прокол с тонким красным ободком.

— Инъекция, — сказала Вера.

— Вижу.

Он отпустил волосы. Тело качнулось на верёвке. Из открытого рта Павла вытекла вода, прозрачная и вязкая от слюны.

Вера отступила.

— Его утопили?

— Не начинай вскрытие на волнорезе.

— В лёгких вода. Иначе она не стояла бы во рту после смерти.

— Ты фотограф, не эксперт.

— Поэтому я спрашиваю.

Илья потёр большим пальцем подбородок. В школе он делал так перед дракой, будто проверял, на месте ли челюсть.

— На фотографии Павел был в этой куртке?

— Да.

— Отпечаток у тебя?

Вера не ответила.

— Господи. Куда ты его положила?

— В пластиковый файл. Файл в сумке. Сумка в машине.

— Ты забрала возможную улику из дома, где мог быть посторонний.

— Я сохранила её от постороннего.

Илья выругался тихо, без злости. Скорее устало.

В 04:17 внутри волнореза что-то загудело.

Звук пришёл снизу. Бетон дрогнул под ногами. Из ржавой трубы у берега вырвалась мутная вода. Она прокатилась по обнажившимся камням и прорезала грязь серой бороздой.

Одновременно верёвка на груди Павла ослабла.

Тело рухнуло.

Илья успел подхватить его за плечи. Голова ударилась о его предплечье, ноги скользнули к краю. Вера ухватила Илью сзади за жилет. Волна поднялась за парашютом, перелетела через него и накрыла всех троих.

Ледяная вода ударила Веру в лицо. Она зажмурилась, но не отпустила жилет. Под каблуком ушёл камень. Колено встретилось с бетоном.

Когда вода стекла, Павел лежал на боку. Верёвка тянулась от его груди к скобе. Перерезанный конец бился на ветру.

— Назад! — крикнул Илья.

Они оттащили тело к середине волнореза. Вера села прямо в воду. Ладони дрожали. Она не чувствовала правого колена.

Илья нагнулся над Павлом, хотя проверять уже было нечего.

— Верёвка была надрезана, — сказала Вера.

— Да.

— Сброс воды должен был уронить его в море.

— Да.

— Значит, нас ждали ровно в четыре семнадцать.

Илья поднял голову.

На берегу, у цепи, стоял человек.

Светлая одежда, руки опущены. Туман скрывал лицо.

Илья вскочил.

— Полиция! Стой!

Человек повернулся и исчез за рыбным магазином.

Илья побежал. Вера осталась с телом.

Она слышала его шаги, потом удар железа и далёкий окрик. Через минуту всё стихло. Только вода продолжала выливаться из трубы.

Павел лежал лицом к ней. После падения рот закрылся, и от этого он стал похож на себя в школе сильнее, чем когда стоял у парапета. Вера вспомнила, как он однажды вытащил её из прибоя за волосы, потом весь вечер извинялся не за боль, а за то, что видел её испуганной.

— Ты мог уйти, — сказала она мёртвому.

Вода из трубы заглушила голос.

На левой щеке Павла осталась полоска чистой кожи. Всё лицо было мокрым, в солёных брызгах, а под скулой кожа сухая. Там прижималась широкая лента или край маски. Вера сняла участок с масштабом, положив рядом линейку из своего набора.

За ухом, ниже прокола, виднелось ещё одно красное пятно. Не укол: след давления от пальца. Кто-то удерживал голову, пока вводил препарат. Правой рукой, если стоял сзади.

Она не касалась Павла. Обошла по дуге, фиксируя каждый угол. На внутренней стороне левого ботинка обнаружилась зелёная водоросль, свежая и влажная. На волнорезе таких не было; они росли ниже, у устья коллектора.

Вера заставила себя встать. Колготки на колене порвались, кожа под ними была содрана. Она включила камеру телефона и обошла Павла по дуге.

После падения поза разрушилась, но детали остались. Капроновая верёвка. Прокол за ухом. Две полосы грязи на ботинке. Левый рукав пропитан водой до локтя, правый почти сухой. На запястье часы, дешёвые электронные, остановились в 02:38.

Под ногтями правой руки темнели волокна кожи.

Павел дрался.

На груди куртки Вера заметила серое пятно. Наклонилась. Это был не песок и не бетонная пыль. Тонкая крошка, лёгкая, как высохшая пена.

Она сняла крупный план.

Экран на миг потемнел, подстраивая выдержку. В чёрном стекле отразились море и светлая фигура за плечом Веры.

Она резко обернулась.

Никого.

Телефон пискнул. Снимок сохранился.

Вера открыла его. За телом Павла, у парапета, стояла девочка. Мокрые волосы закрывали лицо. Подол светлого платья не шевелился на ветру.

Следующий кадр был пуст.

Илья вернулся через пять минут. На ладони у него была кровь.

— Ушёл через дворы. Там машина ждала.

Вера показала экран.

Он долго смотрел, потом провёл пальцем по фотографии, увеличивая изображение.

— Это блик.

— Блик не отбрасывает тень.

— Здесь три фонаря.

— И тень у неё одна.

Илья вернул телефон.

— Никому не показывай, пока не получим оригинал.

— Оригинал перед тобой.

— Цифровой файл можно изменить.

— За те пять минут, пока ты бегал?

— Я не это сказал.

— Ты это подумал.

На подъезде к причалу вспыхнули синие маяки. Туман начал редеть, открывая чёрную линию берега.

Илья стянул жилет. На спине ткань была рассечена узкой полосой.

— Он ударил тебя?

— Зацепился за сетку.

Вера посмотрела на его окровавленную ладонь. Порез шёл поперёк, чистый и глубокий. Сетка оставила бы рваные края.

— Как выглядел тот человек?

— Высокий. Светлая куртка. Капюшон.

— Мужчина?

Илья посмотрел на море.

— Не знаю.

* * *

Пока ждали группу, туман закрыл берег.

Диспетчер порта позвонил Илье сам. По таблице ливневый сброс должен был начаться в 04:11 и закончиться до их прихода к телу. Автоматика не сработала: датчик уровня показывал пустой резервуар. Поток в 04:17 запустили вручную с технического терминала.

— Какого терминала? — спросил Илья.

— В журнале «П-4». У нас такого пункта нет с девяностых. Старый адрес остался в контроллере после объединения систем.

Сигнал пришёл по медной линии со стороны санатория, но кабель проходил через порт и имел десятки ответвлений. Диспетчер мог назвать маршрут провода, не руку на кнопке.

Илья попросил сохранить весь журнал, не распечатывать отдельную строку и отключить удалённый доступ. Диспетчер ответил, что уже отправил снимок экрана начальнику. Копия ушла за пределы группы раньше, чем место оградили.

Вера записала: 04:17 может быть временем ручной команды или номером старого терминала. Вторую возможность пока никто не проверял. Она сама всё ещё смотрела на остановившиеся часы Павла и хотела, чтобы цифры были простой подписью убийцы.

Илья натянул сигнальную ленту между скобами и записал положение тела после падения. Вера продиктовала номера кадров. Он фиксировал всё, включая её перемещения, и события обретали порядок, который можно проверить.

Дежурный принёс из машины термоодеяло. Вера завернулась, но дрожь не прошла. Колено распухало. Илья промыл ладонь водой из бутылки; три раза морщился, пока отдирав ткань жилета от пореза.

— Покажи нож, — сказала Вера.

— Не видел.

— Ты сказал, он ударил.

— Почувствовал удар. Потом кровь.

— Значит, это могла быть кромка металла.

— Могла.

Он впервые допустил это вслух. Вера посмотрела на рассечённую ткань: разрез шёл снизу вверх. Сетка оставила бы зацепы, нож — более ровную щель. Но мокрая ткань расползлась, и выбирать версию по виду было рано.

— Когда ты видел Павла в последний раз?

— Вчера после похорон. Он не подошёл к тебе.

— Я видела.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Смотреть и знать — разное.

Илья сел на корточки у ленты. Ладонь продолжала кровить.

— Павел хотел поговорить с Антоном. Опоздал на два дня. Спросил, что осталось от дела Лиды и кто забрал вещи Антона.

— Ты ответил?

— Что дом опечатан до твоего приезда.

— Но дверь лаборатории вскрывали.

— После смерти. Врач, фельдшер, похоронные. Я проверял дом последним.

— И не увидел негатив.

— Не увидел.

Вера посмотрела на Павла. В четырнадцать лет тот не умел молчать. Любую тайну превращал в обмен: сигарету на спичку, фотографию на обещание, страх на чужой страх.

— У него семья?

— Был женат. Дочь живёт с матерью в Находке. Они не общались почти год.

У тела зазвонил телефон. Старая мелодия повторилась трижды. Илья не прикоснулся, только наклонился к экрану под мокрой тканью.

— «Дочь», — прочитал он.

Звонок оборвался.

— Позвони ей до того, как посёлок позвонит первым.

— После установления личности по процедуре.

— Ты знаешь, кто это.

— Знаю. Но если сейчас ошибусь в одном слове, она запомнит его на всю жизнь.

Со стороны порта донёсся мотор. Фары разрезали туман.

Егор Савельев приехал вместе с рассветом.

Он вышел из серого фургона без зонта, в расстёгнутой куртке поверх синего медицинского костюма. Волосы стали короче, в бороде появилась седина. В остальном время обошлось с ним несправедливо бережно.

Он увидел Веру и остановился.

Последний раз они встречались в коридоре краевой больницы. Вера снимала последствия ошибки хирурга, Егор защищал заключение коллеги. Спор закончился в гостинице, где они сначала кричали, потом молчали до рассвета. Утром он сказал, что не может жить с человеком, который превращает любую боль в доказательство. Она ответила, что не может жить с человеком, который прячет доказательства ради чужого покоя.

Теперь между ними лежал Павел, и старый спор получил тело.

— Тебя вызвали?

— Нет.

— Тогда почему ты мокрая рядом с трупом?

— Верёвку перерезало сбросом.

Илья показал упакованный конец. Егор присел у границы отмеченной зоны.

— Надрез сделан заранее. Осталось меньше трети волокон.

— Сколько выдержала бы?

— Без воды — часами. При рывке — секунды.

Он попросил осветить спину Павла. Под курткой обнаружилась широкая полоса давления. Тело перевозили на жёсткой поверхности, привязанным поперёк груди.

— Не легковая машина, — сказал Егор. — Нужен фургон или тележка.

Илья записал. Вера сняла полосу, край одежды и складки ткани.

— На отпечатке этого не видно.

— Отпечаток показывает позу. Не путь до неё.

— Поэтому путь надо восстановить.

Егор посмотрел на неё поверх тела.

— Ты всё ещё думаешь, что если снимешь достаточно, событие перестанет быть твоим.

— А ты всё ещё разговариваешь во время осмотра.

Их голоса вернулись в прежний ритм раньше, чем кто-либо был готов.

— Доброе утро.

Егор перевёл взгляд на Илью.

— Она трогала тело?

— Помогла не унести его в море.

— Это не ответ.

— Не трогала, — сказала Вера. — До падения.

Егор закрыл глаза на секунду.

— Конечно.

Он натянул перчатки и подошёл к Павлу. Работал молча. Осмотрел рот, веки, прокол за ухом. Понюхал ворот куртки и нахмурился.

— Что? — спросил Илья.

— Фотохимия. Или гвоздичное масло. На месте не скажу.

Вера встретила с Ильёй глазами.

Егор заметил две линии грязи на обуви, взял соскобы в разные пробирки. Потом отрезал участок верёвки и упаковал отдельно.

— Предварительно смерть наступила между часом и тремя, — сказал он. — Отёк лёгких есть. Причина после вскрытия. Прокол свежий.

— Его могли сначала усыпить, потом утопить? — спросила Вера.

— Его могли сначала накормить пирогом. Я не гадаю на берегу.

— Ты всегда гадал увереннее.

Егор выпрямился.

— А ты всегда приезжала после того, как место оградят.

Илья встал между ними не телом, а голосом:

— На правой руке материал под ногтями.

Егор присел снова.

— Вижу.

Он осторожно раскрыл пальцы Павла. Под ногтем указательного пальца застрял тонкий прозрачный лоскут.

— Похоже на кожу? — спросил Илья.

— Похоже на латекс или нитрил.

— Перчатка?

— В лаборатории скажут.

Егор снял лоскут пинцетом. На его краю виднелась синяя печать — две цифры или половина буквы.

Он положил материал на чёрную подложку. Под увеличительным стеклом синяя метка оказалась частью окружности и короткой прямой чертой.

— Может быть логотип, — сказал Егор. — Или след маркера.

— На перчатке есть кровь? — спросил Илья.

— Увидят в лаборатории. Сейчас блеск похож на биологический материал, но я не буду называть его кровью ради удобства.

Вера сняла, как прозрачный лоскут лежит между делениями линейки. На снимке он почти исчезал. Улика, на которой хотелось построить лицо нападавшего, пока была клочком длиной меньше ногтя.

Вера приблизилась на шаг.

— На медицинских перчатках печатают размер на коробке, не на самих перчатках.

Егор взглянул на неё.

— А на хозяйственных бывает рисунок. Отойди.

Она отошла.

Когда тело подняли на носилки, из кармана Павла выпал металлический предмет. Он звякнул о бетон и откатился к ноге Веры.

Это был ключ. Длинный, старый, с овальной головкой. К нему проволокой была прикручена алюминиевая бирка.

На бирке выбито: «П-4».

Илья наклонился, но Егор остановил его рукой.

— Сначала снимок.

Вера уже подняла камеру.

— Не ты, — сказал Егор.

Штатный криминалист сделал три кадра, положил ключ в пакет и подписал время.

— Что такое «П-4»? — спросил Илья.

Ответила Вера:

— Четвёртая дверь в «Прибое».

Оба посмотрели на неё.

— Мы так её называли, — сказала она. — В старом крыле было три двери в коридоре. Четвёртая была нарисована на стене мелом.

— И что за ней? — спросил Егор.

— Ничего.

Вера вспомнила мокрую ладонь на штукатурке. Скрежет, который шёл из стены. Павла, прижавшего палец к губам.

— Тогда — ничего.

Глава 3. Красный свет

К восьми утра дом отца стал местом происшествия.

Жёлтая лента прошла от калитки к крыльцу. Молодой криминалист в бахилах снимал дверные ручки. Второй ползал по кухне с фонарём, собирая грязь из щелей. В лаборатории щёлкала камера. Каждый звук заставлял Веру оборачиваться.

Свежий отпечаток лежал в пакете для улик. Негатив — в другом. Илья оформил изъятие при ней и заставил расписаться на двух листах.

Пакеты поставили на разные края стола. На одном время изъятия было 07:12, на другом 07:14. Между ними уместились двадцать лет, одно тело на волнорезе и чужая рука, которая успела пройти через дом, не оставив грязи.

Вера попросила отдельный пакет для перчаток, в которых поднимала негатив. Криминалист удивился, но выдал. Потом она сдала пальто и туфли. На колене осталась засохшая соль, на рукаве — волокно страховочного жилета Ильи. Всё, что они принесли с волнореза, могло оказаться здесь раньше нападавшего и испортить сравнение.

— До твоего приезда дом не охраняли, — сказала она Илье. — Список всех, кто входил, есть?

— Собираем.

— «Похоронные» не список.

— Двое из службы, фельдшер, Шевцов, Денис, я. Соседка была на кухне, когда вызвала скорую. Потом ушла.

— Кто закрыл дом?

— Я.

— Кто проверил чердак?

Он не ответил. Вера посмотрела на покрашенный люк в коридоре. Если его открывали через крышу, краска не треснула бы. Если камера стояла там давно, вопрос становился другим: кто знал, куда тянуть леску.

— Теперь доволен? — спросила Вера.

— Нет.

— Уже лучше.

Он сидел за кухонным столом, прижимая к ладони салфетку. Врач скорой наложил три шва, но кровь снова проступила.

— Тебе надо в отделение.

— Мне надо понять, как человек вошёл в дом.

— Через дверь.

— Наружные камеры соседей никого не сняли. Замок цел. Окна закрыты изнутри.

— Ты был снаружи семь минут.

— Шесть.

— Хватило бы.

— Кому?

Вера посмотрела в коридор. Красную лампу сняли со стены. На её месте остался светлый круг и два отверстия от шурупов.

— Тому, кто знал дом.

— Кроме тебя и Антона?

— Ты здесь бывал.

— Двадцать лет назад.

— Раскладка половиц не изменилась.

Илья убрал салфетку. По краю бинта выступила кровь.

— Ты подозреваешь меня?

— Я замечаю, когда человек врёт о порезе.

— Он ударил ножом через сетку. Я не хотел записывать в ориентировку, что упустил подозреваемого на расстоянии вытянутой руки.

— Какой нож?

— Узкий. Складной, наверное.

— Ты схватил его?

— Куртку. Ткань разошлась. Он вывернулся.

— Запах?

Илья усмехнулся без веселья.

— Море. Дождь. Моя кровь.

— Гвоздика?

Он покачал головой.

В дверях появился криминалист.

— Илья Сергеевич, следов обуви нет. На кухне окно снаружи поддевали, но давно. Пыль в пазу целая.

— Чердак?

— Люк закрашен. Подпол откроем сейчас.

Вера вспомнила шелчок. Он донёсся из кухни, но звук в старом доме ходил по трубам и пустотам. Отец переделывал водопровод сам. Вдоль стены лаборатории шёл вентиляционный короб, зашитый фанерой.

— Подождите, — сказала она. — За раковиной есть вытяжка.

Криминалист посмотрел на Илью.

— Проверим.

— Она выходит на чердак, — сказала Вера. — Не на улицу.

— Тем более.

Илья встал.

— Ты остаёшься здесь.

— Я хозяин помещения.

— Ты свидетель и дочь хозяина. Это две причины не лезть под ноги.

Вера взяла сигареты со стола.

Пачка была отцовская, запечатанная. Антон бросил семь лет назад и держал её в шкафу «для гостей», хотя гостей в доме почти не бывало. Вера сорвала плёнку, вышла на крыльцо и закурила.

Первый вдох обжёг горло. Второй вызвал кашель. Молодой полицейский у калитки отвёл глаза, делая вид, что не заметил.

— Антон Сергеевич ругался за курение, — сказал он.

— Поэтому держал пачку?

— Иногда доставал одну, крутил в пальцах и убирал. Говорил, если зажжёт, придётся признать, что снова начал.

Полицейского звали Денис. В ночь смерти Антона он дежурил у администрации и приехал на вызов вторым.

— Дверь лаборатории была закрыта?

— Илья Сергеевич уже выбил. Врач стоял внутри.

— Какой врач?

Денис замялся.

— Аркадий Львович.

— Шевцов нашёл тело?

— Он вызвал скорую. Сказал, привёз документы и увидел свет.

— Илья говорил, соседка увидела свет утром.

— Соседка тоже звонила. Позже.

Вера затушила сигарету.

— Во сколько приехал Шевцов?

— Около пяти. В журнале есть.

— Он трогал что-нибудь?

— Проверял пульс. Выключил воду. Потом нашёл таблетки на полу.

— Их изъяли?

— Смерть естественная. Зачем?

Денис понял ответ по её лицу.

— Запиши рапорт сейчас, — сказала Вера. — Точное время и кто был в комнате.

— Меня уволят.

— Если запись пропадёт, будет хуже.

Он посмотрел на дом. Потом достал блокнот и начал писать, прикрывая страницы ладонью.

— Пиши не вывод, — сказала Вера. — Что увидел первым. Где стоял. Что было в руках.

Денис кивнул и зачеркнул первую строку.

— Аркадий Львович был без куртки. Рукава закатаны. На правой перчатке бурое.

— Медицинская перчатка?

— Да. Голубая. Он снял её в раковине.

— Куда положил?

Денис замер с ручкой над бумагой.

— Не помню. Наверное, выбросил.

— «Наверное» не пиши. Напиши, что не проследил.

Он снова кивнул. Вера не спросила про часы. Если подсказать деталь, позже любой ответ будет заражён её вопросом.

За соседским забором скрипнула дверь. Показалась женщина в вязаной шапке, посмотрела на ленту и исчезла. Через минуту в посёлке уже знали, что в доме Ланского убийство.

Телефон Веры завибрировал.

Номер был местный, незаписанный.

— Да.

Сначала в трубке шёл ровный треск. Потом женщина сказала:

— Ты опять оставила его одного.

Голос был тихий, сдавленный, будто говорили через ткань.

— Кого?

— Павку.

— Кто это?

— На этот раз он дождался воды.

Связь оборвалась.

Вера перезвонила. Телефон сообщил, что номер не обслуживается.

Она сохранила снимок экрана, включила запись заметки и повторила услышанное дословно. На третьем повторе заметила короткий металлический щелчок перед словом «Павку». Не помеха связи: одинаковый по громкости с голосом, будто в помещении закрыли дверцу.

В фоне не было моря. Ни ветра, ни чаек. Только ровное гудение и один далёкий сигнал. Вера включила запись Денису.

— Похоже на морозильник, — сказал он.

— Или вентиляцию.

— У нас полпосёлка так гудит.

Это было полезнее красивой догадки. Звук не указывал на место. Пока он только доказывал, что звонили из помещения.

Она затушила сигарету о мокрую ступень и сразу разозлилась на себя. Окурочек подняла салфеткой, завернула и сунула в карман.

Илья вышел из дома.

— Что случилось?

— Ничего.

Он посмотрел на пачку в её руке.

— Ты же бросила.

— А ты не порезался о сетку.

— Отличный у нас теперь способ здороваться.

Вера показала журнал вызовов.

— Женщина. Сказала, что я опять оставила Павла одного. Номер уже отключён.

Илья взял телефон, переписал цифры.

— Дословно.

Она повторила.

— Голос узнала?

— Нет.

— Возраст?

— От тридцати до шестидесяти. Говорила через что-то.

— Почему сначала сказала «ничего»?

— Потому что ты спрашивал как друг.

— А отвечаешь ты как кто?

— Как человек, которого ты подозреваешь.

Он вернул телефон.

— После звонка никому не перезванивай. Я запрошу соединение.

— Уже перезвонила.

Илья прикрыл глаза.

— Конечно.

Он позвонил дежурному и продиктовал номер. Пока ждали ответ оператора, Денис принёс черновик рапорта. На первой странице время приезда Шевцова стояло 04:56. Соседка вызвала скорую в 05:08. Получалось, врач вошёл в дом раньше женщины, которой Илья приписал обнаружение света.

— Почему Шевцов приехал? — спросила Вера.

— Говорил, Антон Сергеевич оставил у него папку, — ответил Денис. — Хотел вернуть перед работой.

— Папку нашли?

— На кухонном стуле была синяя.

— Что внутри?

— Не смотрел.

Криминалист из дома услышал их и сообщил, что синяя папка пуста. На картоне остался светлый прямоугольник от наклейки и влажный след круглого дна. Папку упаковали отдельно.

— В журнале вызовов Шевцова есть звонок Антону? — спросила Вера.

— Телефон изъяли, — сказал Илья. — Проверят.

— Его телефон или отца?

— Отца. На личный телефон Шевцова оснований пока нет.

Основания не появлялись сами. Кто-то должен был записать, что человек прибыл до вызова, вошёл без свидетелей и назвал причину, которую нельзя подтвердить пустой папкой.

Ответ оператора пришёл через десять минут. Номер, с которого звонили Вере, принадлежал не человеку, а виртуальной линии, оплаченной наличными через терминал на автостанции. Подключили её вчера в 22:14, использовали один раз и отключили сразу после разговора.

— Камера у терминала? — спросила Вера.

— Смотрит на кассу, не на экран, — сказал Илья. — И ты туда не поедешь.

— Не собиралась.

Он посмотрел так, будто собирался записать это отдельным протоколом.

Из дома позвали. Вера пошла следом, и на этот раз он не остановил.

Фанеру за раковиной сняли. За ней открылся узкий кирпичный канал. В пыли лежал обрывок чёрной нити и дохлая мышь, высохшая до плоской шкурки. Канал уходил вверх, но человек не пролез бы даже плечами.

— Отсюда можно спустить что-нибудь на леске, — сказала Вера.

Криминалист посветил внутрь.

— Можно. Только сначала надо попасть на чердак.

Люк в коридоре вскрыли вместе со слоями краски. На чердаке пахло стекловатой и мышиным помётом. Пыль лежала ровно. Следов коленей, ладоней, обуви не было.

Зато прямо над вентиляционным каналом стояла отцовская камера.

Перед тем как подняться, криминалист сменил бахилы и перчатки. Первую пару запечатал у Веры на глазах. На лестнице уже были следы его подошв, а по краю люка — волокна рукавов двух сотрудников, которые вскрывали краску. Чистого прохода на чердак больше не существовало.

— Запишите порядок, — сказала Вера.

— Пишем.

— Кто первым коснулся рамы?

Криминалист назвал фамилию. Второй сотрудник поправил: сначала раму держал Денис. Денис отрицал, потом вспомнил, что снимал кусок краски с петли. В журнал внесли всех троих и время. Ошибка заняла четыре минуты, но именно из таких четырёх минут защита потом собирала целую чужую версию.

Старая «Москва-5», гармошкой, на складном штативе. Спусковой тросик уходил к отверстию в доске. Второй конец был привязан к леске, протянутой через чердак к слуховому окну.

Штатив стоял не над самой вытяжкой, а на полметра в стороне. К объективу прикрутили небольшое зеркало под углом. Через него камера видела стол лаборатории и участок за спиной человека, стоящего у кюветы. Пыль на зеркале протёрли прямоугольником, остальная поверхность оставалась серой.

— Система старая, — сказала Вера. — Её мог собрать отец.

— Зачем снимать собственную лабораторию?

— Проверять, кто входит. Или ловить того, кто уже приходил.

Криминалист показал на прозрачную леску.

— Узел свежий. А тросик старый. Здесь две установки, одна поверх другой.

Отец поставил камеру. Кто-то другой заставил её сработать сегодня. Вера почувствовала короткое раздражение на Антона: даже ловушку он оставил без объяснения, будто рассчитывал после смерти стоять рядом и подсказывать.

Илья присел у камеры.

— Не трогать.

Криминалист снимал каждую деталь.

Вера смотрела на пыль. Ножки штатива утонули в ней на одинаковую глубину. Камера стояла здесь давно. Леска была новой, прозрачной, без пыли.

— Щелчок в кухне был отсюда, — сказал Илья.

— Эта камера не печатает фотографии.

— Зато могла напугать и выманить нас из лаборатории.

— Кто натянул леску?

Криминалист проследил её до окна. Рама была закрыта, но в нижнем углу стекла не хватало треугольника. Через отверстие леска уходила наружу.

Илья высунулся.

— Там водосточная труба. Конец можно дёрнуть с земли.

— Камеры соседей?

— С этой стороны дома кусты. И участок выходит к оврагу.

Вера посмотрела на «Москву». Такой камерой снимал Мерц. Отец предпочитал узкий формат и презирал складные аппараты за мягкие углы кадра.

— Это не его камера.

— Ты уверена?

— На его технике были метки. Он царапал букву «Л» внутри задней крышки.

Илья велел криминалисту снять аппарат со штатива. Тот открыл замок крышки пинцетом.

На чёрной эмали изнутри белела свежая царапина.

«Л».

Вера наклонилась ближе. Буква была слишком аккуратной. Отец царапал одним движением, и нижняя черта всегда уходила вверх: рука дрожала после старой травмы.

Эту метку сделали, глядя на другую.

— Подделка, — сказала она.

— Или ты плохо помнишь.

— Я училась проявлять раньше, чем делить столбиком.

В камере оказалась плёнка. Криминалист снял роликовый задник и убрал его в светонепроницаемый пакет.

— Проявлять будем в районе, — сказал Илья.

— Там машина царапает средний кадр.

— Откуда ты знаешь?

— Я с ней работала весной. У вас ролик повреждён.

— Вера, ты не будешь проявлять улику у себя дома.

— Тогда везите во Владивосток.

Криминалист кашлянул.

— Ролик правда царапает. Заявку на ремонт подали.

Илья посмотрел сначала на него, потом на Веру.

— Оформляем осмотр, видеозапись без остановки, двое понятых. Она ничего не касается без команды.

— Я умею работать в перчатках.

— Сегодня ты уже показала.

* * *

До полудня Веру опрашивали трижды.

Между опросами она сидела в бывшем кабинете труда, куда временно перенесли стол следственной группы. На стене висели выцветшие плакаты о безопасной работе с рубанком. Телефон отдали только для копирования журнала вызовов и фотографий. Сотрудник выгружал файлы при ней, сверял контрольные суммы и каждый раз спрашивал, обрабатывала ли она снимки.

— Автоматическая коррекция включена, — сказала Вера. — Оригиналы хранятся отдельно. Метаданные покажут.

— Фигура тоже автоматическая?

— Если узнаете, какая функция добавляет мёртвых девочек, запишите название.

Он перестал задавать вопросы, но на экран смотрел дольше, чем требовало копирование.

Сначала молодой следователь попросил рассказать, как она нашла негатив. Потом потребовал повторить, не пользуясь первым протоколом. В третий раз поставил перед ней схему дома и попросил отметить, где находился каждый человек в момент щелчка.

Вера отметила себя в лаборатории, Илью в коридоре. Чужую фигуру поставить было некуда.

— Вы уверены, что отпечатка не висело раньше?

— Уверена.

— Осматривали леску сразу после входа?

— Нет.

— Тогда на чём основана уверенность?

— Прищепка качалась. Мокрая бумага отражала красный свет. Я бы увидела.

— Вы употребляли алкоголь.

— Полрюмки.

— Раньше случались провалы памяти?

— В четырнадцать лет после исчезновения Лиды мне ввели успокоительное. Несколько часов я помню кусками.

Следователь записал это особенно тщательно.

— Кто вводил?

— Не знаю.

— Диагноз?

— Спросите у санатория.

— Санаторий закрыт.

— Владелец жив.

Илья повернулся от окна.

— Закончили на сегодня.

— Решать не вам, — сказал следователь. — Она пока свидетель.

Вера остановила Илью взглядом.

— Продолжайте.

Следователь спросил о Павле. Она отвечала точно: двадцать лет не виделись, на похоронах не разговаривали, распорядка не знала.

— Но сразу узнали место на фотографии.

— Волнорез в посёлке один.

— И время отлива совпало.

— Его написал отец.

— Умерший человек подготовил отпечаток с ещё живым мужчиной?

— Я не утверждала, что подготовил отец. Я сказала, почерк похож.

Следователь закрыл блокнот.

— Вот теперь формулировка точная.

Когда он ушёл, Илья поставил перед Верой воду.

— Не обязана была рассказывать про провал памяти.

— Обязана. Иначе он найдёт позже и решит, что скрывала.

— Решит в любом случае.

— Тогда пусть ошибается на полном материале.

К полудню лабораторию вернули Вере на два часа.

В дверях поставили камеру. За спиной стояли Илья, криминалист и две понятые — соседка в вязаной шапке и водитель школьного автобуса. Красную лампу подключили через переноску. Старый увеличитель Вера не использовала: плёнка была широкая, контактная печать сохраняла края кадра.

Она объясняла каждое действие вслух.

— Проверяю упаковку. Повреждений нет. Вскрываю по шву. Роликовый задник формата шесть на девять. Пломбы отсутствуют. Вынимаю ролик.

Плёнка пахла металлом и старой тканью.

— Эмульсия наружу, — сказала Вера. — Её перематывали неправильно.

— Что это значит? — спросил Илья.

— Тот, кто заряжал задник, либо торопился, либо никогда не снимал этой камерой.

Она заправила плёнку в бачок. Растворы приготовила при всех из запечатанных упаковок. Термометр показывал двадцать градусов.

В темноте время измерялось звуками. Плеск проявителя. Стук доньшка о стол. Чужое дыхание за спиной. Кашель соседки.

Когда плёнку можно было вынуть на свет, Вера подняла спираль.

На ней было восемь кадров.

Вера не стала сразу печатать контакты. Сначала провела плёнку над световым столом, не снимая со спирали, и продиктовала плотность каждого кадра. Экспозиция менялась скачками. Третий и четвёртый получили одинаковый свет, шестой был снят почти вплотную к красной лампе. Восьмой имел другую зернистость, будто исходное изображение сначала пересняли с бумаги.

— Значит, подделка, — сказал Илья.

— Значит, копия. Подделкой она станет, когда поймём, что именно изменили.

Криминалист снял плёнку с двух сторон. На краях не было отпечатков, только тонкая полоса клея. Два фрагмента могли соединять в темноте. Шов проходил между седьмым и восьмым кадрами и был невидим, пока Вера не повернула эмульсию к боковому свету.

Восьмой кадр добавили отдельно.

Первые два — чердак. Камера снимала вниз, в отверстие вентиляционного канала. На третьем виднелась красная лаборатория: Вера стояла у стола с найденным негативом. Илья был в дверях.

Четвёртый кадр сделан через секунду или две. Ильи уже не было. За Верой, почти касаясь её плеча, стоял человек в светлом халате.

Лицо закрывала хирургическая маска. На голове — резиновая шапочка. Правая рука держала прищепку со свежим отпечатком.

Соседка охнула.

— Он был там? — спросил водитель.

— Нет, — сказала Вера.

Она помнила красный свет, качнувшуюся прищепку, собственные шаги. Между её спиной и стеной оставалось меньше полуметра. Человек не мог там стоять.

— Это двойная экспозиция, — сказал Илья.

— На современную плёнку в этой камере? Только если взводить затвор, не переводя кадр.

— Значит, так и сделали.

— Тогда почему он держит отпечаток, который появился в эту минуту?

Пятый кадр был почти чёрным. На шестом светлая рука тянулась к объективу. На запястье блестели часы, надетые циферблатом внутрь.

Седьмой показывал пустую лабораторию.

На восьмом Вера лежала на полу.

Она увидела подошвы собственных туфель, вывернутую руку, тёмные волосы на досках. У виска растекалось чёрное пятно. Рядом на коленях сидел Илья и прижимал пальцы к её шее.

— Это снято не ночью, — сказала Вера.

Голос прозвучал чужим.

— Ты же на полу не лежала? — спросила соседка.

— Не лежала.
Илья подошёл ближе к плёнке.
— Кадр можно было сделать заранее с похожими людьми.
— В моём пальто. В моих туфлях. Здесь.
— Поза лица не видна.
— У тебя на правой руке повязка.
На негативе белела узкая полоска бинта.
Илья посмотрел на свою ладонь.
В комнате стало тихо. Даже соседка перестала кашлять.
Криминалист первым нашёл объяснение:
— После волнореза. Кто-то мог снять постановку утром.
— Когда? — спросила Вера. — Дом всё время был под охраной.
— Тогда подделали плёнку.
— Она была запечатана при вас.
— Задник могли подготовить заранее.
— Повязка появилась два часа назад.
Илья наклонился к восьмому кадру. Его лицо в красном свете стало серым.
— Хватит. Заканчиваем процедуру. Плёнку упаковать.
— Остался край, — сказала Вера.
— Какой край?
— Если ролик заряжен криво, часть изображения уходит на служебный край. Там может остаться ещё несколько миллиметров.
Она осторожно развернула конец плёнки.
За восьмым кадром, там, где не должно быть изображения, проступала половина детского лица. Один глаз был открыт. Второй закрывала мокрая прядь.
Вера узнала Лиду Резник.
Не тринадцатилетнюю.
Так выглядела бы Лида сейчас.
В доме погас свет.
Камера у двери продолжала снимать от аккумулятора. На её экране Вера увидела, как в коридоре за Ильёй открылась дверь кухни.
— Не двигайтесь, — сказал он.
В темноте щёлкнул затвор.
Потом ещё раз, уже ближе.
Вера нащупала край стола. Чья-то ладонь легла ей на затылок. Перчатка была холодной и мокрой.
Она рванулась вниз. Пальцы соскользнули по волосам. Рядом вскрикнула соседка. Илья ударился о стул, выхватывая оружие.
Красная лампа вспыхнула.
У двери никого не было.
На полу лежала хирургическая маска. По белой ткани расплзлось бурое пятно.
Из вентиляционного канала над раковиной свисала прозрачная трубка.
На её конце блестела игла.

Глава 4. Те, кто ходил в «Прибой»

Игла не успела коснуться Веры.

Прозрачная трубка дёрнулась вверх, ударила о край вентиляции и исчезла в канале. Илья выстрелил в потолок не сразу. Сначала толкнул Веру за стол, поднял голову, увидел пустое отверстие. Только потом рука с пистолетом напряглась — и опустилась.

— Чердак, — сказал он криминалисту.

Тот уже бежал в коридор.

Вера встала. На затылке осталось ощущение чужих пальцев. Она провела ладонью по волосам и нашла мокрый след.

— Не трогай.

Илья взял ватную палочку из раскрытого чемодана и провёл по прядям. Палочка пожелтела.

— Чем пахнет?

Вера понюхала воздух.

— Спиртом. И пластиком.

Соседка плакала у стены, закрыв рот обеими руками. Водитель школьного автобуса держал табурет перед грудью, как щит.

С чердака крикнули:

— Пусто! Окно открыто!

— Оно было закрыто, — сказала Вера.

Илья посмотрел на кухонную дверь, потом на вентиляцию.

— Всех из дома. Сейчас.

* * *

К полудню двор вытоптали люди в бахилах. В овраге за домом нашли один след — смазанный каблук на глине — и короткий кусок лески. Дальше начинался ручей. Он уходил под дорогой в трубу, а за трубой открывалась россыпь камней, где следов уже не было.

Иглу нашли в водосточном желобе. Шприца не было.

На металле сохранилась прозрачная капля. Криминалист втянул её в стерильную пробирку, промыл иглу раствором и упаковал отдельно. Экспресс-полоска показала лекарственное соединение, но не название. Вере дважды осмотрели кожу головы. Прокола не нашли.

Трубку растянули на белой подложке. Длина — метр восемьдесят шесть, на одном конце срез ножницами, на другом стандартный соединитель. Такие ставили на капельницы, системы промывания и лабораторные дозаторы. Серийной маркировки не было. На внутренней стенке остались пузырьки жидкости и тонкая белая взвесь.

— Отпечатки? — спросила Вера.

— Поверхность ребристая, — ответил криминалист. — Попробуем. Но её тянули по кирпичу и желобу.

На внешней стороне трубки нашли две бурые полосы. Одна совпадала с ржавчиной водостока. Вторая реагировала как кровь, но была настолько мала, что её отложили для лаборатории. Если нападавший порезался, след мог дать профиль. Если трубка касалась иглы, кровь могла принадлежать прежнему пациенту или самой Вере, хотя прокола не обнаружили.

Илья велел Денису обзвонить клинику, скорую, ветеринарный пункт и аптеку: где используют такой диаметр, кому выдавали системы, не пропадали ли упаковки. Вера слушала, как список разрастается. Один предмет открывал десятки законных путей. Это было честнее, чем сразу вести его к единственному врачу в посёлке.

— Образец с волос тоже отдельно, — сказала она.

— Уже.

Криминалист показал две пробирки. На первой стояло время 09:41, на второй — 09:39. Палочку сняли раньше жидкости с иглы, но номера присвоили в обратном порядке. Он зачеркнул время одной чертой, вписал правильное и расписался рядом. Исправление осталось видимым.

— Он хотел усыпить тебя или только испугать, — сказал Илья.

— Для испуга хватило бы пустой трубки.

— Мы не знаем, была ли доза смертельной.

— Зато тот, кто её набирал, знает.

Она попросила снять жёлтый след с волос до того, как его смоют. На фотографии палочка выглядела чистой. Только номер на бирке доказывал, что образец существовал.

Илья отвёз Веру в старое здание администрации порта. После пожара в участковом пункте полиция занимала две комнаты на втором этаже. На первом пахло мокрыми робами и дешёвой лапшой. За стеной гудел копировальный аппарат.

В комнате для опросов стояли четыре разных стула. Вера выбрала тот, что был обращён к окну.

— Кого ты собираешь? — спросила она.

— Всех, кто ходил с вами в «Прибой».

— Павел мёртв.

— Поэтому остальных осталось двое.

— Трое.

Илья положил на стол блокнот.

— Лида пришла позже. Ты сама сказала.

— Она не ходила с нами.

— Но оказалась там.

— Мы этого не видели.

— Зато Антон записал.

Вера подняла голову.

— Где?

— В протоколе твоего опроса.

— Я не помню опроса.

— Тебя опрашивали дома. В присутствии отца.

— Значит, он сам и отвечал.

Илья не спорил. Отодвинул блокнот и открыл дверь.

Вера удержала папку ладонью.

— Покажи протокол.

— Он в архиве старого отдела.

— Ты его читал.

Илья сел обратно. Достал из внутреннего кармана сложенную копию. Бумага разошлась на сгибах, нижний угол был обожжён.

В графе «опрашиваемая» стояло имя Веры. Ответы были напечатаны машинкой. «В санаторий не входила». «Лиду после школы не видела». «О существовании камеры не знала». Под текстом — подпись, похожая на её детскую, и росчерк Антона как законного представителя.

— Я так не подписывалась, — сказала Вера.

— Подпись проверяли в две тысячи седьмом, когда Марина пожаловалась в прокуратуру. Эксперт написал: могла выполнить ты, могла быть имитация.

— Великолепная точность.

На обороте карандашом стояла фраза: «Ребёнок дезориентирован после препарата. Повторный опрос нецелесообразен». Название препарата отсутствовало. Врач не указан.

— Кто решил, что нецелесообразен?

— Антон. И начальник отдела.

— Шевцов?

— Его подписи нет.

Вера вернула копию. Бумага оставила на пальцах серую пыль.

Первой пришла Светлана Юдина.

Она вошла быстро, стряхивая воду с короткого плаща. Волосы были собраны на затылке, губы накрашены слишком ярко для полудня. Вера узнала не лицо, а привычку: Светка и в школе сначала осматривала комнату, потом людей.

Её взгляд задержался на Вере.

— На похороны приехала, а попала в старый кружок.

— Садись, — сказал Илья.

— Я на работе. У нас ревизия.

— Павла нашли мёртвым.

Светлана сняла плащ. Под ним был серый костюм, на левом рукаве — капля тонального крема.

— Я слышала.

— От кого?

— В Керне это вопрос? От всех.

Она села напротив Веры.

Между ними стоял стол шириной меньше метра. Светлана положила телефон экраном вниз, сумку не сняла с плеча. От неё пахло дорогими духами и табачным дымом. Под запахом угадывался влажный бетон, тот же, что в коридоре санатория после прилива. Возможно, Вера просто ждала его и потому находила везде.

Илья включил диктофон, назвал время и предупредил, что разговор пока добровольный. Светлана кивнула, но взгляд задержался на красной лампочке записи.

— «Пока» мне понравилось, — сказала она.

— Тогда отвечай так, чтобы не пришлось менять статус.

— Как?

— Утопление пока не подтверждено, — сказал Илья. — Тело выставили на волнорезе.

Светлана посмотрела в окно.

— Он всегда туда ходил.

— Ночью?

— Когда выпьет.

— На этот раз не пил.

— Значит, начал бегать по утрам.

Илья открыл прозрачный файл. Внутри лежала распечатка старого кадра, сделанная с цифровой копии. Он положил её перед Светланой.

— Узнаёшь?

Она не прикоснулась.

— «Прибой».

— Людей.

— Веру. Павку.

— Третьего?

Светлана чуть наклонилась. Красные губы сжались.

— Засветка.

— Ты там была?

— Нет.

Вера услышала ложь сразу. Не по голосу — по слову. В четырнадцать лет Светка называла повреждённые кадры белыми, сожжёнными, испорченными. «Засветку» она узнала позже.

— Камеру искали втроём, — сказала Вера. — Ты шла с нами до ограды.
— Я передумала.
— Где?
— У котельной.
— Там не было прохода.
— Был пролом за угольным складом, — сказала Светлана. — Его потом заложили. Илья раскрыл старую схему корпуса.
— Угольный склад с северной стороны. Котельная с западной. Между ними забор. Светлана даже не посмотрела на схему.
— В четырнадцать лет стороны света меня не интересовали.
— Зато сейчас ты бухгалтер порта и каждый день работаешь с планами складов, — сказала Вера.

Светлана медленно повернулась к ней. На секунду в лице появилась прежняя девочка, пойманная с чужой сигаретой. Потом губы снова сложились в аккуратную линию.

— Был. Ты просто не помнишь.
— Зачем вы пошли в санаторий? — спросил Илья.
— Из-за камеры. Павка сказал, что Мерц спрятал её в старом крыле.
— Почему спрятал?
— Не знаю.
— Откуда Павел узнал?
— От Веры.

Теперь лгала уже осторожнее. С паузой, оставляя себе выход.

Вера сказала:

— Я узнала о камере у самой ограды. От тебя.

Светлана взяла распечатку двумя пальцами. Ногти были короткие, кожа вокруг большого пальца содрана.

— Ты уехала и забыла половину жизни. Удобно.
— Ты помнишь вторую половину. Расскажи.
— Мы не заходили внутрь.
— Павел на снимке у окна.
— Значит, зашли вы. Я ушла.
— Одна?
— Одна.
— Лиду видела?
Светлана положила снимок. На глянце остался влажный отпечаток пальца.
— Нет.

Дверь открылась без стука.

Марина Резник вошла в белом аптечном халате под расстёгнутой курткой. В одной руке держала сложенный зонт, в другой — полиэтиленовый пакет с чем-то тяжёлым.

— Вызывали не меня, — сказала она. — Поэтому пришла сама.

Илья встал.

— Марина, подожди в коридоре.
— Двадцать лет ждала.

Она увидела распечатку и шагнула к столу. Светлана отодвинулась так резко, что ножка стула скрипнула.

— Откуда это?
— Материал проверки, — сказал Илья.

Марина взяла снимок. Долго смотрела на светлую фигуру между Верой и Павлом.

— Это не Лида.

— Почему? — спросила Вера.

— Лида была ниже тебя. И платьев не носила с десяти лет. Особенно светлых.

— Тогда кто?

— Спроси у отца.

— Он умер.

— Я знаю. Видела, как его закапывали.

Марина бросила пакет на стол. Внутри звякнул металл. Илья раскрыл его в перчатках.

Там лежала жестяная коробка из-под чая. Крышка проржавела по краям. В коробке — три кассеты с магнитофонной плёнкой и сложенный лист бумаги.

Коробку поставили на чистый лист. Ржавчина осыпалась мелкими чешуйками. На дне пакета лежали две сухие еловые иглы и крупинка белой штукатурки. У дома Марины елей не было; у дома Антона росла одна, возле заднего забора.

— Пакет твой? — спросил Илья.

— Из аптеки. Я переложил коробку щипцами.

— Значит, исходная упаковка осталась под дверью?

— Там не было упаковки.

— И дождь не намочил бумагу.

Марина выдержала взгляд.

— Я сказала: под навесом.

На её левом рукаве темнела полоса ржавчины. Вера заметила, но промолчала. Марина могла задеть коробку, несмотря на щипцы. Могла принести её не от двери. Оба объяснения пока стоили одинаково мало.

— Это было у меня под дверью сегодня утром, — сказала Марина. — На бумаге адрес дома Ланского.

Илья развернул лист. Адрес написан печатными буквами. Ни подписи, ни даты.

— Ты открывала кассеты?

— Я похожа на человека с магнитофоном?

— Коробка сухая, а у тебя зонт мокрый.

— Она лежала под навесом.

— Почему не позвонила сразу?

— Потому что в прошлый раз позвонила сразу. Потом исчезло дело, одежда Лиды и человек, который видел её внизу.

Светлана встала.

— Я пойду.

Марина повернулась к ней.

— Сядь.

— Не командуй мной.

— Ты последняя видела мою сестру.

— Это Павел тебе сказал?

— Павел мне двадцать лет ничего не говорил. Теперь уже точно не скажет.

Светлана побледнела под тональным кремом.

Илья шагнул между ними.

— Марина, кто видел Лиду внизу?

Она не отвела взгляда от Светланы.

— Антон Ланской.

Вера почувствовала, как стол упёрся в её ладони. Она не помнила, когда наклонилась.

— Отец сказал, что нашёл только её сандалию у дренажа.

— Тебе сказал.

— А тебе?

— Что на решётке была кровь. Что снизу слышали удары. Потом пришёл через два дня и отказался от своих слов.

— Ты лжёшь.

— Конечно. Здесь все лгут, кроме мёртвых. А мёртвым твой отец не дал заговорить. Марина ткнула пальцем в фотографию.

— Он знал, кто стоит на снимке. Поэтому плёнка двадцать лет лежала у него, а не в деле.

— Её могли проявить недавно.

— Он ходил к Мерцу. Спрашивал, как вытащить второй кадр из первого. Через неделю умер.

Илья записал фразу.

— Когда ходил?

— В конце июля.

— Откуда ты знаешь?

— Я слежу за Мерцем.

Это признание прозвучало буднично.

— Зачем?

— Потому что камера была его. Потому что он до сих пор хранит то, что осталось от той ночи.

Светлана дошла до двери.

— Если вы закончили, у меня работа.

— Не закончили, — сказал Илья. — Где ты была сегодня с часа до четырёх?

— Дома.

— Одна?

— Да.

— Машина?

— Во дворе.

— Камеры на доме есть?

— Нет.

— На звонки отвечала?

Светлана взялась за ручку.

— Телефон разрядился.

Марина тихо засмеялась.

— Она и в тринадцать лет так врала. Только тогда краснела до ушей.

Светлана обернулась.

— А ты и тогда рылась в чужих вещах.

— В каких вещах?

Светлана поняла ошибку. Пальцы на ручке побелели.

— В любых. Ты всегда за нами следила.

Она вышла.

Через окно Вера увидела, как Светлана пересекла двор. У ворот остановилась, достала из сумки телефон и включила его.

Экран загорелся сразу.

Батарея не была разряжена.

Светлана дошла до ворот, но не уехала. Её машина стояла через дорогу от администрации. Она села за руль, закрыла двери и несколько минут держала телефон у лица, не набирая номер.

Илья попросил Дениса переписать номер машины и время выезда. Светлана услышала через открытое окно, вышла обратно и положила телефон на крышу автомобиля.

— Забирайте, если уже решили, что я убийца.

— Добровольно? — спросил Илья.

— А если нет?

— Тогда верни себе и дождись постановления.

Она не ожидала, что он откажется от лёгкой улики. Несколько секунд телефон лежал между ними под дождём. Вода стекала по экрану.

— Там банковские клиенты, — сказала Светлана.

— Поэтому я не возьму его без оформления.

— А её телефон вы забрали.

— Вера передала данные звонка и копии снимков. Сам аппарат при ней.

Светлана схватила телефон и вытерла о плащ. Вера заметила на внутренней стороне прозрачного чехла маленький белый прямоугольник — пропуск в архив порта. Дата печати была вчерашняя.

— Ты работала ночью? — спросила она.

— Ревизия.

— С которого часа?

— С десяти до двух.

Это уже было алиби, которое можно проверить. Светлана поняла и добавила:

— После часа я была одна. Остальные ушли.

Она сама сузила промежуток до времени смерти Павла. Илья ничего не записал при ней. Только попросил Дениса сохранить запись камеры у входа в архив и журнал электронного замка.

Вера вышла во двор.

— Света.

Стекло опустилось на ладонь.

— Я всё сказала.

— Ты сказала, что ушла у котельной. Потом — что у пролома. Это разные стороны корпуса.

— За двадцать лет тропу перенесли?

— Тропу — возможно. Корпус нет.

Светлана достала сигарету. Зажигалка щёлкнула трижды, прежде чем появился огонь.

— Думаешь, если работаешь с трупами, живые стали прозрачными?

— Нет. Живые лгут лучше.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хочу услышать, какую ложь выберешь второй раз.

Светлана втянула дым и сразу выпустила в щель окна.

— Мы пошли за камерой. Павка сказал, внутри есть снимки взрослых. Не голые тётки, как он потом рассказывал. Люди из санатория выносили ночью коробки. Он хотел продать плёнку газете.

— Откуда узнал?

— От Мерца. Подслушал в ателье.

— В комнате ты сказала, что узнал от меня.

— Значит, ошиблась.

— Ты не ошибаешься там, где боишься.

Светлана посмотрела на вход. За стеклом первого этажа двигалась Марина.

— Она следила за нами ещё до Лиды. Проверяла мои карманы, читала записки, караулила у школы. Если кто-то и умеет хранить чужие вещи двадцать лет, то Марина.

— Зачем она следила?

Светлана выдохнула дым через нос.

— Лида таскалась за нами. Марина считала, что мы её дразним.

— Дразнили?

— Павка дразнил всех. Ты делала вид, что не замечаешь. Я иногда защищала. Иногда нет. Нормальные дети.

— Лида пошла за вами потому, что хотела вернуть камеру?

Светлана стряхнула пепел в лужу.

— Откуда мне знать, зачем она пошла?

— Ты только что сказала «пошла».

Огонёк сигареты дрогнул.

— Мы все знаем, что она оказалась у санатория.

— У санатория или внутри?

Светлана подняла стекло на несколько сантиметров.

— Ты задаёшь вопросы так, будто ответ уже снят крупным планом.

— Нет. Поэтому я и стою под дождём.

— Какие вещи?

— Заколку. Ключ. Что угодно.

— Красную бабочку?

Сигарета замерла у губ Светланы.

— Ты нашла?

— Почему решила, что речь о ней?

Светлана выбросила сигарету в лужу.

— Потому что потеряла её тогда. И потому что ты приехала не хоронить отца. Ты приехала разбирать нас по кускам.

— Я приехала слишком поздно.

— Вот в этом мы похожи.

Она завела двигатель. Прежде чем поднять стекло, сказала:

— Если Марина покажет дневник, смотри даты. Лида писала задним числом. Любила делать вид, что знала всё заранее.

Машина выехала со двора.

Вера подняла окурок в салфетке. На фильтре остался след яркой помады. Она не знала, зачем сохраняет его, но положила в отдельный карман.

Вернувшись, она застала Марину у окна.

Марина тоже увидела.

— Следующей будет она, — сказала она.

— Почему? — спросил Илья.

— Павел боялся воды. Светка боится темноты.

— Кто это знает?

— Все, кто был внизу.

Вера посмотрела на Марину.

— Ты сказала, Лиды на снимке нет. Но говоришь так, будто знаешь, что было внутри.

Марина застегнула куртку.

— Я нашла её дневник.

— Где он?

— Там, где ваш следователь уже не сожжёт.

Она ушла, оставив коробку с кассетами.

Через минуту в комнату заглянул Денис.

— На улице люди собрались. Требуют сказать, правда ли Павла убила Марина.

Слух успел появиться раньше официальной версии. Кто-то передал содержание опроса почти дословно: коробка под дверью, исчезнувший дневник, обвинения в адрес Антона.

Илья проверил телефоны сотрудников. Никто не признавался, что звонил наружу. Диктофон всё время лежал на столе, окно было закрыто, дверь дважды открывалась: когда вошла Марина и когда вышла Светлана.

— В коридоре сидели двое портовых, — сказал Денис. — Могли услышать.

— Они знают про дневник? — спросила Вера.

Денис нахмурился. Про дневник говорили негромко, уже после того, как портовых увели с этажа.

Илья осмотрел вентиляционную решётку под потолком. За ней шёл общий канал в соседнюю комнату, где стоял старый проводной телефон и копировальный аппарат. Если положить рядом диктофон или включённый мобильный, разговор можно было слышать целиком.

Они нашли только свежую царапину на одном винте.

Денис принёс из соседней комнаты служебный телефон и положил его рядом с копировальным аппаратом. Илья остался у решётки, Вера вернулась к столу и прочитала вслух первые две строки протокола. Через открытую связь слова доходили с металлическим гулом, но фамилии и числа различались. Когда дверь в коридор закрыли, голос стал даже чище: пустой канал работал как труба.

Потом Денис убрал телефон на подоконник. Реплики превратились в шорох. Значит, аппарат должен был лежать почти вплотную к вентиляции. Случайно подслушать разговор из соседней комнаты не получалось.

На пыльной крышке копира нашли прямоугольный чистый след размером с небольшой мобильный. Рядом тянулась свежая полоска от провода. Розетки там не было; устройство питалось от собственного аккумулятора или внешней батареи. Отпечатков не осталось, зато в углу застряла крупинка белой изоляции.

— Кто заходил сюда утром? — спросил Илья.

Дежурная назвала уборщицу, Дениса и мастера, который проверял проводку после ночного скачка напряжения. Мастер расписался как «Н. Беляев», удостоверение показал издали и ушёл до приезда полиции. Заявки на ремонт никто не подавал.

Денис побледнел.

— Я его видел. Думал, порт прислал.

— Запиши не то, что думал, — сказал Илья. — Запиши одежду, руки, сумку и время.

Описание давало человека среднего роста в светлом дождевике. Правую руку он держал в кармане. Лица Денис почти не запомнил: мастер стоял спиной и задавал обычные вопросы про автоматы в щитке.

Убийца мог услышать весь опрос и выпустить наружу только ту часть, которая направляла толпу к Марине. Он не следил за расследованием со стороны. Он уже входил в их комнаты под именем, которое пока ничего им не говорило.

Илья вышел к крыльцу. Вера наблюдала через окно. У ленты стояли рыбаки, две аптечные работницы и мать школьника, которого Марина однажды обвинила в краже лекарств. Люди не хотели фактов. Им требовалось имя, после которого можно разойтись по домам.

— Никто не задержан, — сказал Илья. — Павел Гринь погиб. Остальное — тайна следствия.

— Марина двадцать лет грозилась! — крикнули из толпы.

— Угрозы проверяются. Самосуд тоже расследуется.

После этой фразы заговорили тише.

Вера заметила мужчину в светлом дождевике у дальнего забора. Он снимал окна администрации на телефон. Когда она подняла собственную камеру, мужчина отвернулся и ушёл между складами.

Денис побежал следом, вернулся без него. На месте остался окурок без фильтра и след обуви с двумя полосами влажной грязи.

— Приливная? — спросила Вера.

— Или лужа в два слоя, — ответил Илья. — Сначала образец.

Она уже начинала слышать его голос внутри своей головы, возвращающий каждому наблюдению границы.

Илья закрыл дверь и включил старый магнитофон из шкафа. Первая кассета зажевала плёнку. Вторую удалось прокрутить.

Вера остановила его через три секунды.

— Сначала копия.

— У нас нет второго аппарата.

— Тогда не проигрывай оригинал на механизме, который уже съел одну ленту.

Денис принёс цифровой диктофон и кабель. Кассету прокрутили вручную до неповреждённого участка, прижали крышку магнитофона резинкой. Вера сняла положение плёнки, номер кассеты и царапину на корпусе. Только после этого Илья нажал клавишу.

Из динамика послышался голос Антона Ланского. Далёкий, хриплый, перебитый шумом моря.

«Проверка звука. Двадцать восьмое июля. Мерц утверждает, что на плёнке наложены два времени. Если разделить...»

Щёлкнуло. Запись оборвалась.

Потом заговорил другой мужчина:

«Антон, не надо было снова это проявлять».

Вера узнала голос. Вчера он произносил речь у могилы её отца.

Аркадий Шевцов.

Глава 5. Кожа под ногтями

На следующий день в морге пахло хлоркой, холодным железом и кофе.

Егор пил его из бумажного стакана, стоя у раковины. На нём был чистый халат. Рукава закатаны до локтей. Вера заметила старый белый шрам у запястья и заставила себя смотреть на стол.

Павел лежал под лампой. После воды кожа посерела, губы стали тонкими. Верёвку с груди сняли, но две полосы вдавления остались под мышками и сходились на спине.

— Официально ты здесь как специалист по фотодокументации, — сказал Егор. — Не как дочь Ланского, подруга погибшего или человек, на которого напали утром.

— Мы с Павлом не были друзьями двадцать лет.

— Телу всё равно.

Илья стоял у двери. Повязку на руке сменили, но он продолжал держать ладонь полусогнутой.

— Начинай, — сказал он.

Егор включил диктофон.

Вера снимала по схеме: общий вид, одежда, повреждения, масштабная линейка. Рабочее движение вернуло рукам точность. Через объектив Павел перестал быть мальчишкой, который однажды бросил её одну в тёмном коридоре. Осталось тело, искажённое чужими действиями.

Егор не позволил срезать одежду до рентгена. Они переворачивали Павла втроём, подкладывая чистую плёнку под каждую сторону. На спине к ткани прилипли две бурые крупинки и короткий светлый волос. Волос оказался синтетическим, из щётки или дешёвого меха. Крупинки упаковали отдельно.

В карманах нашли мокрый кошелёк, связку ключей от спасательной станции, две монеты и сложенный чек. Чек выцвел, но время читалось: 00:16, круглосуточный магазин у порта. Хлеб, консервы, лук, вода. Павел покупал один и расплатился наличными.

— Камера в магазине есть, — сказал Илья.

— Была, — ответил Егор. — Сначала запроси, потом радуйся.

На внутренней стороне куртки обнаружилась прорезь. Не разрыв от борьбы: края ровные, подкладку распустили заранее. В узком кармане ничего не осталось, только квадратный след пыли и полоска клея.

— Носил что-то плоское, — сказала Вера.

— Карту памяти, снимок, пропуск, — перечислил Илья.

— Или сложенный негатив.

Егор поставил номерную табличку и попросил её снять карман до того, как ткань расправят.

На затылке была неглубокая ссадина. Под правым ухом — прокол. На предплечьях синяки от пальцев. На правой ладони два пореза и сломанный ноготь.

— Он сопротивлялся до укола? — спросила Вера.

— Или после. Кровоподтёки прижизненные.

Егор взял соскоб из-под ногтей. Из указательного извлёк ещё один прозрачный фрагмент. Под лампой он оказался не кожей, а тонким полимером с синей полосой.

— Перчатка, — сказал Илья.

— Вероятно.

— Медицинская?

— Нитрил используют врачи, уборщики, парикмахеры и половина людей, которые не хотят пачкать руки.

Егор положил фрагмент в контейнер.

— Биологический материал на внутренней стороне может дать профиль. Если убийца носил перчатку раньше или вывернул её при борьбе.

— Под ногтями есть кожа? — спросил Илья.

— Есть эпителий. Чей — после анализа.

Егор сделал разрез. Вера отвела взгляд лишь на секунду, чтобы сменить положение. Она видела вскрытия раньше. Труднее было узнавать на столе знакомые шрамы: круглый след ожога на плече, который Павел получил у школьной печи; кривой мизинец после драки на пирсе.

В лёгких была вода. Не морская, сказал Егор после первого теста. Слишком мало соли, другой состав взвеси.

Он набрал воду из бронхов в две пробирки. В одной плавала тонкая рыжая взвесь, во второй осели тёмные точки.

— Ржавчина и угольная пыль, если на глаз, — сказал он. — Но глаз в протокол не пойдёт.

На слизистой рта остались микроскопические зелёные волокна. Такие могли быть водорослью из стоячей воды или материалом старой верёвки. В носовых ходах — белая минеральная крошка. Егор собрал её до промывания.

— Если резервуар связан с морем, почему вода почти пресная? — спросила Вера.

— Сброс мог произойти после дождя. Или это накопительная ёмкость выше прилива. Нам нужен образец с каждого стока.

Илья записал: портовая ливнёвка, санаторий, спасательная станция, клиника. Список получился длиннее удобной версии.

— Пресная? — спросил Илья.

— Техническая. Возможно, резервуар или ливневый сток. Песок мелкий, есть ржавчина.

— Его утопили не на волнорезе.

— Да.

— Потом привезли и выставили.

— Да.

— Время?

— Между двумя и тремя часами. Седативное могло сдвинуть обычные признаки. Точнее после химии.

Егор разрезал ткань вокруг прокола и взял образец.

— Игла тонкая. Вводили в мышцу за ухом или промахнулись по вене. Есть кровоизлияние по ходу канала.

— Чем?

— Экспресс-тест показывает бензодиазепин. Похоже на мидазолам.

Илья записал название.

— Где его взять?

— В стационаре, стоматологии, машине скорой. Иногда в аптеке по спецучёту. Если знаешь, что красть.

— У Шевцова есть частная клиника, — сказала Вера.

Егор поднял на неё глаза.

— А у Марины аптека.

— Марина не врач.

— Зато заведующая. Не выбирай подозреваемого по голосу на плёнке.

Илья рассказал ему о заднике с плёнкой. Не всё: не упомянул дневник Лиды и фразу Светланы про чужие вещи. Когда дошёл до голоса Шевцова, Егор снял перчатки и выбросил их.

— Он мог говорить с Антоном о чём угодно.

— «Не надо было снова это проявлять», — повторила Вера.

— Значит, знал о плёнке. Это ещё не убийство.

— Ты его защищаешь?

- Я защищаю разницу между подозрением и результатом анализа.
- Егор подошёл к столу с образцами.
- Здесь запах сильнее.
- Он поднёс к носу пакет с воротом куртки Павла.
- Гвоздичное масло. Эвгенол. Бывает в стоматологических материалах, антисептиках, парфюмерии. И перебивает часть запахов.
- Фотохимию? — спросил Илья.
- Может смешаться. На берегу я принял одно за другое.
- Вера вспомнила сладкий запах на верёвке.
- Убийца был близко к Павлу. Запах мог перейти с рук или одежды.
- Мог, — сказал Егор. — Или Павел лечил зуб.
- Он осмотрел рот. На нижнем коренном зубе белела свежая временная пломба.
- Вот и простое объяснение.
- Когда поставили?
- Спроси у стоматолога.
- Кто лечит в Керне?
- Два раза в неделю приезжает врач из клиники Шевцова.
- Егор произнёс фамилию ровно. И всё же пауза перед ней была.
- Илья заметил.
- Ты знаком с Аркадием Львовичем?
- Он подписывает часть районных договоров. Мы все знакомы.
- Временные пломбы с эвгенолом сейчас часто ставят?
- Реже, чем раньше. Дёшево и работает.
- Вера сняла зуб крупно. На соседней десне была царапина, свежая, как от инструмента.
- Павел мог выдрать пломбу у убийцы ногтем?
- Егор посмотрел на неё, затем снова в рот.
- Пломба у Павла целая.
- Я не про его пломбу.
- Ты хочешь найти у него под ногтями стоматологический цемент?
- Хочу, чтобы ты поискал.
- Егор ничего не ответил. Взял новый инструмент и повторно собрал материал.
- Через час пришёл предварительный результат по содержимому желудка. Павел ел около полуночи: хлеб, рыбные консервы, лук. Алкоголя почти не было. В крови подтвердился мидазолам, доза достаточная, чтобы нарушить координацию, но не выключить сознание сразу.
- Он мог идти сам, — сказал Илья.
- Несколько минут. Потом стал бы сонным, слабым. При фиксации сопротивлялся бы плохо.
- Почему не ввести больше?
- Большая доза могла убить раньше времени.
- Значит, убийца рассчитал дозу? — спросил Илья.
- Рассчитать по росту на глаз можно плохо. Здесь человек знал массу Павла или дал меньше с запасом. Препарат вводили не один раз: в мышце два канала, почти совпавших. Первый укол мог быть пробным или Павел дёрнулся.
- Егор показал Вере два тонких кровоизлияния. Второе лежало глубже и шло под другим углом.
- Кололи правой рукой, стоя сзади, — сказала она.
- Вероятно. Если Павел сидел.
- Почему сидел?
- След от жёсткого края под коленями. Его прижали к спинке или борту. Посмотри.

На задней поверхности бёдер шли две параллельные полосы. Вера сняла их с линейкой. Расстояние совпадало с поперечными прутьями сетчатой каталки, но Егор велел не записывать совпадение до контрольного измерения.

Егор отодвинул лоток.

— Утопили лицом вниз. На шее нет захвата, зато синяки на лопатках и тазу. Его прижимали к неглубокой воде коленом или доской.

Вера представила ржавый резервуар. Павел приходит в себя, чувствует воду у рта, пытается подняться. Чужой вес давит на спину. Руки скользят по металлу.

Она убрала камеру от лица.

— Перерыв? — спросил Егор.

— Нет.

— Ты побледнела.

— Свет такой.

— Свет белый.

Илья вышел ответить на звонок. Егор выключил диктофон.

Тишина в морге оказалась громче записи. Работала вытяжка, щёлкала реле холодильника. Егор сменил перчатки, хотя не касался ничего нового.

— Ты ночевала в доме? — спросил он.

— Два часа на кухонном стуле.

— После иглы тебя должны были оставить под наблюдением.

— Меня оставили под наблюдением камеры и молодого сотрудника, который заснул раньше меня.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Егор открыл шкаф, достал маленький фонарь и стерильный пакет.

— Вера, если тот же человек убил Павла и пришёл в дом, он не предупреждает. Он проверяет доступ.

— Поэтому я не уеду.

— Я не просил уехать.

Она посмотрела на него. Раньше он просил именно это, только другими словами: оставить чужую смерть специалистам, закрыть камеру, вернуться в номер. Сейчас Павел лежал между ними и делал старый совет невозможным.

— На затылке есть прокол?

— Ты только что его снимала.

— У меня.

Он замер.

Вера наклонила голову и раздвинула волосы. Егор подошёл с фонарём. Его пальцы не коснулись кожи.

— Ссадина. Две параллельные линии. Перчатка или ногти.

— Игла была в сантиметре.

— Поэтому ты здесь, а не на соседнем столе.

Он взял образец с её волос.

— В трубке мог остаться препарат. Иглу уже отправили?

— Да.

— Результат проси быстрее. Если это тот же мидазолам, нападение и убийство связаны без фотографий и привидений.

— А если другой?

— Тогда у тебя два человека, которые хотят воткнуть тебе иглу в голову.

Вера посмотрела на него.

— Ты умеешь утешать.

— Ты всегда выбирала честных.

Илья вернулся с листом в руке. Ночные образцы успели отвезти во Владивосток вместе с первой машиной.

— В аптеке Марины не достача двух ампул мидазолама. Ревизия была вчера.

— Кто сообщил? — спросила Вера.

— Она сама. Пять минут назад.

— Почему сейчас?

— Говорит, после нашего разговора проверила журнал.

Егор включил диктофон.

— Когда пропали?

— По журналу не пропадали. Приход и расход сходятся. Физически двух нет.

— Как препарат хранят? — спросила Вера.

— В металлическом шкафу, журнал у ответственного, остатки ампул сдают, — сказал Егор. — Но в маленьких учреждениях ключ часто лежит в верхнем ящике, а подписи ставят вечером за весь день.

— В клинике Шевцова?

— Запрос покажет.

— Ты там проводил проверки.

Егор выдержал паузу.

— Две. По документам всё сходилось. Фактический пересчёт делала комиссия клиники до моего приезда.

Илья записал и это.

— Получается, не достача могла быть и там.

— Получается, вы должны считать, а не выбирать аптеку, потому что Марина кричит громче других.

— Значит, подменили записи, — сказала Вера.

— Или Марина создаёт себе алиби честностью, — ответил Илья.

Он положил перед ними второй лист. Распечатка входящего вызова на телефон Веры.

— Номер оформлен на Лиду Резник.

Вера перечитала строку.

Дата рождения совпадала. Паспорт значился выданным через пять лет после исчезновения.

— Это невозможно.

— Документ поддельный. Сим-карту купили месяц назад во Владивостоке.

— Камеры?

— Запросили.

Егор посмотрел на тело Павла.

— Кто-то хочет, чтобы вы расследовали месть мёртвой девочки.

— Или чтобы мы так думали, — сказал Илья.

Перед окончанием Егор вернулся к рукам Павла. На левом запястье под часами обнаружился квадрат более светлой кожи.

— Там что-то носили поверх ремешка, — сказал он.

Вера увеличила снимок. По углам квадрата оставались следы клея.

— Датчик?

— Медицинский пластырь. Или маленький пакет.

Под ремешком нашли крупинку фотобумаги и обрывок прозрачной ленты. Павел мог прикрепить к руке ключ, карту памяти или кусок негатива, чтобы не потерять в воде. Предмет сняли после смерти.

Клей на коже ещё сохранял запах растворителя. Егор взял контрольный образец с чистого участка ремешка. Квадрат был размером с маленькую карту памяти в пластиковом адаптере.

— Если он спрятал запись, убийца её нашёл, — сказал Илья.

— Или Павел снял сам перед встречей, — ответила Вера. — В мастерской надо искать упаковку, устройство, след пыли такого же размера.

— После уведомления семьи.

— После постановления, — поправил Егор. — Семья может не разрешить.

Илья раздражённо захлопнул блокнот. Вера понимала его: пока они называли правильные процедуры, человек, знавший гараж Павла, мог убрать всё остальное. Но именно спешкой Антон однажды объяснил подменённый протокол.

На ладони сохранился отпечаток сетчатой поверхности. Егор приложил масштаб: рисунок напоминал пол старой медицинской тележки.

— Его перевозили на каталке, — сказала Вера.

— Возможно. Такой металл бывает и в грузовых фургонах.

Илья запросил машины клиники, скорой, санатория и порта. В Керне оказалось семнадцать каталок с похожей сеткой. Половина списана, четыре исчезли после закрытия «Прибоя».

Одна числилась у спасательной станции Павла.

— Убийца мог взять его же оборудование, — сказал Илья.

— Или Павел приехал к нему сам.

В кармане брюк нашли песчинки красного гранита. На волнорезе такого камня не было. Им отсыпали двор клиники и дорожку к аптеке Марины.

Версии снова расходились в две стороны.

Осмотр закончили после двух. Тело накрыли, лампы над столом погасили одну за другой. В тёмном металле шкафов Вера увидела своё отражение: халат велик, волосы выбились, на щеке серый след от перчатки.

Она сняла халат над отдельным пакетом. На манжете обнаружилась капля крови, которой не должно было быть: во время вскрытия руки были закрыты, к столу этим местом она не прикасалась. Егор посмотрел запись. На двадцать третьей минуте Павла переворачивали, и кровь с повреждённого ногтя попала на край плёнки, затем на рукав Веры.

— Контакт объяснён, — сказал он.

— Запиши до анализа.

Если позже на халате найдут ДНК Павла, оно не станет доказательством её прикосновения к телу до осмотра. Маленькая капля могла превратить специалиста в часть версии, если забыть минуту, когда появилась.

Вера вымыла руки. Вода сначала шла розовой от проявляющего маркера и антисептика, не от крови. Она тёрла ладони дольше нужного, пока Егор не закрыл кран.

— Кожа уже чистая.

— Я знаю.

Он подал бумажное полотенце и вышел первым. Дал ей минуту без камеры, тела и людей, которые ждали ответы в коридоре.

В коридоре ждала дочь Павла.

Ей было шестнадцать. Такая же узкая челюсть, те же светлые глаза. Девочка приехала с матерью из Находки и отказалась входить в комнату опознания.

— Я видела фотографии в интернете, — сказала она Илье. — Это он.

— В интернете ничего не публиковали официально.

— В поселковой группе выложили волнорез. Потом удалили.

Илья записал адрес группы.

Девочка заметила Веру.

— Вы Ланская?

— Да.

— Папа хранил вашу фотографию.

Мать резко повернулась к ней.

— Кира, не сейчас.

— А когда? Он уже умер.

Кира достала телефон. На экране Павел стоял в своей мастерской, за ним висела фотография трёх подростков у моря. Край был обрезан, лица почти неразличимы.

Вера попросила не пересылать снимок, а сохранить телефон до копирования исходного файла. Кира прижала аппарат к груди.

— Вы его заберёте?

— Только если согласишься или будет постановление. Сейчас можно записать, когда сделан кадр и кем.

— Я снимала весной. Папа не хотел вставать перед фотографией. Я специально поставила его туда.

— Он объяснял, кто на ней?

— Сказал, трое трусов и одна мёртвая девочка. На фотографии трое. Я спросила, где четвёртая. Он выгнал меня из мастерской.

Мать Киры закрыла глаза. Очевидно, этот разговор она слышала впервые.

— У него были приступы? — спросил Егор. — Потери памяти, паника, бессонница?

— Он не спал во время дождя, — сказала Кира. — Включал воду в ванной и сидел на полу. Я думала, из-за работы спасателем.

— Когда началось?

— Не знаю. Мама говорит, всегда.

Вера записала ответ без толкования. Страх воды объяснял Павла. Не убийцу.

Кира попросила показать список вещей, найденных в карманах. Илья зачитал: кошелёк, ключи, монеты, чек. На слове «часы» девочка подняла голову.

— Они чёрные, с треснувшей кнопкой?

— Да.

— Не его.

Мать Киры сказала, что Павел много лет носил одни и те же электронные часы. Кира покачала головой.

— Папины лежат в мастерской. Ремешок порвался весной. Он говорил, часы нельзя выбрасывать, потому что они остановились правильно.

— На каком времени? — спросила Вера.

— Не помню. Он прятал их в жестяной кружке с болтами.

Часы на теле остановились в 02:38. Если они принадлежали не Павлу, их надели после встречи или он взял чужие добровольно. Илья внёс уточнение в протокол и отдельно попросил мать описать прежний ремешок, не показывая найденный. Она назвала зелёную ткань и металлическую пряжку.

— В телефоне папы есть их фотография, — сказала Кира. — Он однажды прислал, когда просил купить такой ремешок.

Снимок нашли в переписке за март. На экране лежали другие часы: круглый циферблат, потёртый зелёный ремешок, носились внутрь запястья. В правом нижнем углу кадра попала жестяная кружка. Из неё торчал край чёрной фотоплёнки.

Илья попросил разрешения скопировать переписку. Кира согласилась только после того, как мать прочитала форму. Подпись поставили обе: дочь как владелица телефона, мать как законный представитель.

— Вы всё равно пойдёте в гараж? — спросила Кира.

— После постановления или с вашим согласием, — сказал Илья.

Она сняла с шеи тонкую цепочку. На ней висел маленький плоский ключ.

— Папа дал на прошлой неделе. Сказал, если пропадёт, открыть не раньше пятницы.

Сегодня была среда.

— Почему пятницы?

— Не сказал. Я подумала, он опять драматизирует.

Кира не отдала ключ сразу. Потребовала, чтобы при осмотре присутствовала она или мать и чтобы каждую вскрытую коробку записали. Вера услышала в её голосе Павла — привычку ставить условие даже тогда, когда просишь помощи.

Илья согласился. Ключ сняли с цепочки при видеозаписи, упаковали и выдали расписку.

— Он говорил, вы бросили их после того, как пропала девочка.

Вера вернула телефон.

— А вас на той фотографии четверо? — спросила Кира.

— У моря — четверо. У санатория должно было быть трое.

— Папа сказал наоборот.

Вера посмотрела на экран ещё раз. Снимок мастерской был тёмным, стекло рамки отражало лампу. Она увеличила угол. За обрезанным краем фотографии оставалось плечо человека, которого рамка скрывала почти целиком. Четвёртый мог находиться на исходном снимке или быть отражением Киры, стоявшей с телефоном.

— Нужен оригинал, — сказала Вера. — По этому кадру нельзя решить.

— Вы всегда так отвечаете?

— Когда нельзя решить — да.

— Он говорил неправду.

— Все так отвечают про мёртвых.

Кира села на скамью. Пальцы дрожали, но голос оставался ровным.

— За неделю до смерти папа позвонил. Сказал, скоро сможет объяснить, почему не приезжал. Попросил найти коробку в гараже. Там были задники с плёнкой и ключ. Я приехала — коробки не было.

Илья присел перед ней.

— Кто знал о гараже?

— Мама. Его напарник. Тётя Света.

— Светлана Юдина?

— Она привозила ему еду, когда он болел.

Мать Киры сжала ремень сумки.

— Светлана звонила вчера вечером. Спрашивала, говорил ли Павел что-нибудь о старом санатории.

— Во сколько?

— Около одиннадцати.

— Что вы ответили?

— Что мне надоело их детство. Они прожили в нём всю жизнь и заставляли остальных платить.

Кира закрыла лицо ладонями. Мать впервые коснулась её плеча.

Илья отвёл Веру в сторону.

— Светлана была последней, кто подтвердил разговор с Павлом.

— Подтвердил только звонок. Не встречу.

— И кровь у неё на рукаве.

— Результата ещё нет.

— Будет.

Телефон в его кармане снова зазвонил.

На этот раз он слушал дольше.

— Что? — спросила Вера.

— Анализ материала под ногтями. Женский профиль.

— Марина?

— Сравнения ещё нет.

— Светлана?

Илья посмотрел на прозрачный контейнер с фрагментом перчатки.

— Пока у нас есть только пол. И кровь Павла на рукаве Светланы.

Вера вспомнила бежевую каплю на сером костюме.

Не тональный крем.

Глава 6. Четвёртая дверь

К утру Светлана исчезла до того, как за ней приехали.

В порту она отметилась в восемь двенадцать, вошла в бухгалтерию и через чёрный ход вышла к складам. Камера сняла серый костюм и яркий плащ. Дальше Светлана попала в слепую зону между контейнерами. Телефон остался в ящике стола.

Кровь на рукаве оказалась кровью Павла. Пятно было маленьким, размазанным пальцами. Светлана могла коснуться его накануне. Могла бороться с ним ночью. Могла получить куртку уже после смерти.

Илья объявил розыск без формулировки «подозреваемая».

Её квартиру осмотрели при хозяйке дома. Постель не разобрана, дорожная сумка на антресоли, паспорт в ящике. Из шкафа исчезла только тёплая кофта. На кухонном столе остывал чай, рядом лежал блистер успокоительного с одной пустой ячейкой.

Камера над портовыми воротами сняла светлый фургон, выехавший через семь минут после Светланы. Номер заляпало грязью. За рулём сидел человек в кепке, пассажирское место казалось пустым. Фургон принадлежал подрядчику и днём стоял у «Прибоя» вместе с ещё пятью такими же.

— Она могла уйти между контейнерами и сесть внутрь сама, — сказал Илья.

— Или её уже ждали.

Охранник порта не помнил Светлану. В восемь утра менялась смена, пропуска отмечались автоматически. Живой человек исчез между двумя исправными камерами, и ни одна версия пока не требовала силы.

Из шести фургонов подрядчика два стояли на ремонте, три отмечались у санатория, один выехал за кабелем в районный центр. Диспетчер показал путевые листы, составленные одной рукой в конце смены. На машине, снятой у порта, задний фонарь был заклеен серой лентой. Та же лента виднелась на фургоне, который числился в ремонте.

Машину нашли в боксе без аккумулятора. Двигатель был тёплым, но механик объяснил это сваркой рядом с капотом. На полу кузова лежала белая изоляция, два мокрых ремня и женский волос. Волос мог принадлежать десяткам пассажиров. Ремни использовали для бухт кабеля. Илья опечатал бокс до приезда группы, не объявляя фургон местом похищения.

— Если Светлана была внутри, найдём её следы, — сказал он.

— Если кузов не вымоют через служебный слив.

— Слив перекрыли.

— Кто сообщил подрядчику, что мы ищем фургон?

Ответа не было. Механик уже успел позвонить прорабу, прораб — Шевцову. В маленьком посёлке розыск шёл быстрее официальных распоряжений и медленнее слуха.

Вера не верила ни одному слову, которым он это объяснил.

— Если она убийца, то зачем бежать после добровольного опроса? — спросила она.

— Потому что поняла, что оставила кровь.

— Если она следующая жертва?

— Тогда мы найдём её быстрее, не напугав того, кто за ней идёт.

— Ты уже напугал. В посёлке знают.

Они стояли у ворот «Прибоя». Дождь прекратился. Ветер с моря тянул туман между корпусами длинными полосами.

Санаторий занимал весь мыс. Главный корпус поднимался уступами, бетонные балконы нависали один над другим. На крыше торчали ржавые стойки старой вывески. Круглый знак над входом потемнел, но в центре ещё различался корабль в волнах.

За двадцать лет здание не стало меньше. Вера стала.

У ворот их ждал Аркадий Шевцов.

Рядом стоял тот самый тип фургона: белая «Газель» с логотипом строительной фирмы. В кузове лежали каски, кабель и рулоны белой изоляции. Номер был чистым и не совпадал с машиной у порта, но грязь на задних колёсах засохла двумя полосами.

Илья снял номер и пломбу на дверях кузова.

— Осмотр транспорта в постановление не входит, — сказал Шевцов.

— Пока только фотография снаружи.

— Вера Антоновна фотографирует внутри ограды.

— Тогда откройте ворота шире, — ответил Илья.

Шевцов не улыбнулся.

На похоронах он казался грузным. Здесь, в тёмной куртке и резиновых сапогах, держался прямо. Седые волосы зачёсаны назад. На запястье стальные часы, циферблат наружу.

— Илья Сергеевич, мы договаривались на два часа, — сказал он.

— Сейчас два десять.

— Строители ушли. Объект аварийный. За каждого отвечаю я.

Он посмотрел на Веру.

— А Вера Антоновна в каком качестве?

— Специалист по фотофиксации.

— У полиции нет фотографа?

— Есть.

— Тогда вопрос остаётся.

— А вы в каком качестве встречались с моим отцом двадцать восьмого июля? — спросила Вера.

Шевцов застегнул ворот куртки.

— Выражал соболезнования заранее, можно сказать. Антон плохо выглядел.

— Вы просили его не проявлять плёнку.

— Просил не ворошить старое дело без оснований. Он услышал то, что хотел.

— Откуда вы знали о плёнке?

— От него.

Ответ пришёл слишком быстро, но лицо Шевцова не изменилось.

Илья показал постановление на осмотр.

— Нам нужны старое крыло, котельная, подвалы и дренажные помещения.

— Подвалы затоплены.

— Нас предупредили.

— Карты нет. Архив санатория сгорел в девяносто девятом.

— Тогда пойдём по памяти.

Шевцов открыл ворота.

— Память — худшая карта этого места.

* * *

В вестибюле под ногами хрустело стекло. С потолка свисали провода. Стойка администратора лежала на боку, за ней чернели ячейки для ключей. Почти все пустые.

На пыльной стойке лежал свежий журнал посещений. Последняя запись сделана неделю назад: прораб, инженер, Шевцов. Сегодняшняя строка оставалась пустой.

— Охрана где? — спросил Илья.

— На южных воротах. Этот вход открываю лично.

— Значит, любой, кто вошёл ночью, сорвал замок?

— Или пришёл с моря. Забор там разрушен.

Шевцов произнёс это раньше, чем они спросили про путь без камер. Вера сняла замок крупно. Царапин не было, смазка на дужке свежая. Главным входом пользовались ключом.

За стойкой обнаружилась кружка с засохшим кофе и чек недельной давности. Никаких следов сегодняшнего дежурства. Охрана существовала на словах и в будке у других ворот, слишком далеко, чтобы слышать разбитое стекло.

Шевцов включил переносной фонарь.

— Реконструкцию остановили после обследования. Северная секция просела на восемь сантиметров. К морю не подходить.

Вера сняла общий план.

— Где старое крыло?

— За лечебным корпусом.

— Мы входили не через вестибюль.

— Дети редко пользуются главным входом.

Он повёл их по галерее. Окна с морской стороны были забиты фанерой, но в щелях вспыхивала вода. Под обвалившейся штукатуркой проступала синяя краска. На стенах сохранились стрелки: «Водолечение», «Ингаляторий», «Зал ЛФК».

У первой лестницы Вера остановилась. Поручень был холодный, покрытый липкой пылью. В памяти он оставался белым и гладким. Светлана сидела на нём верхом, Павел тянул её за ногу, Лида стояла внизу и просила прекратить. Теперь голос возник раньше лица.

— Тебе плохо? — спросил Илья.

— Нет.

— Ты перестала дышать.

Вера вдохнула. Воздух вошёл коротко, с запахом сырой извести. Она назвала вслух три предмета, которые видела: зелёный кабель, разбитый плафон, жёлтая каска Шевцова. Приём остался со времён, когда после седативного память возвращалась вспышками. Егор научил её много лет спустя и не знал, для чего она использует.

Шевцов ждал на площадке. Не спрашивал, почему они отстали. Его фонарь освещал ступень с тёмным пятном. Вера сняла пятно до того, как наступить. Оказалось машинным маслом, свежим по краям. Рядом отпечаталась половина подошвы рабочего ботинка.

— Строители были неделю назад? — спросила она.

— В разных корпусах работы прекращали постепенно.

— Когда на этой лестнице?

— Не веду маршрут каждого человека.

Он двинулся дальше. Вера заметила на заднике его правого сапога выщербину. Половина следа на ступени имела ровный край. Совпадения не было. Она не стала искать его там, где не существовало.

На повороте валялась детская сандалия. Новая, розовая, с блестящей пряжкой. Вера остановилась так резко, что Илья врезался в плечо.

— Не Лидина, — сказал он.

— Я вижу.

Размер был на подошве: двадцать девятый. Ремешок чистый, на светлой стельке ни одного отпечатка стопы. Сандалию вынули из коробки и бросили сюда недавно.

— Строители иногда приводят детей? — спросил Илья.

— На аварийный объект? Нет.

Шевцов не удивился. Только посветил дальше, как будто обувь была частью мусора.

Илья упаковал находку. Вера сняла место и след пыли под подошвой. Сандалию положили после того, как по коридору прошли двое взрослых: их отпечатки продолжались под ней.

Вера помнила запах мокрых полотенец и соснового раствора. Помнила женщин в халатах, очередь к кабинету физиотерапии. После закрытия эти запахи исчезли. Осталась сырость, плесень и железо.

У лестницы Шевцов остановился.

— Дальше каски.

Он открыл шкаф. Внутри лежали четыре новые строительные каски и коробка с перчатками. Синие нитриловые, без рисунка.

Илья посмотрел на коробку.

— Такими пользуетесь?

— И такими тоже.

— Кто имеет доступ?

— Строители. Охрана. Я. Любой, кто сорвёт замок.

Вера взяла каску. От внутренней ленты пахло чужим потом и слабой гвоздикой.

Она поднесла её ближе.

— Что? — спросил Шевцов.

— Средство от моли?

— Возможно. Склад обрабатывали.

Илья упаковал каску как образец. Шевцов пожал плечами, будто ему было всё равно.

На втором этаже галерея разветвлялась. Правый проход перекрыли досками. Левый вёл в старое крыло.

Вера узнала поворот по разбитой мозаике. Дельфин на стене потерял половину хвоста. В детстве они считали целые синие плитки на его боку. Павел насчитал сорок одну и соврал, что сорок две приносит удачу.

— Здесь, — сказала она.

Коридор был уже, чем в памяти. Три двери по левой стене: процедурная, кладовая, бывшая комната сестры-хозяйки. Напротив — глухая стена с потёками.

На штукатурке ещё виднелся белый прямоугольник, нарисованный мелом. Высотой с дверь. На месте ручки — круг.

Четвёртая дверь.

Илья достал пакет с ключом «П-4».

— Замка нет.

— Тогда не было тоже, — сказала Вера.

Шевцов посветил на стену.

— Детская игра. Отдыхающие рисовали что угодно.

— В закрытом крыле?

— До закрытия.

Вера приблизилась. Меловая линия была старой, впитавшейся в поры. Но круглая «ручка» выглядела свежее. По ней провели недавно, поверх пыли.

— Кто-то обновил рисунок.

Илья снял пробу. Потом простучал стену рукоятью фонаря. Первые удары отозвались глухо. За серединой прямоугольника звук стал пустым.

Шевцов стоял в трёх шагах. На лице появилось раздражение.

— Там техническая ниша. Трубы вентиляции.

— Карты сгорели, — напомнила Вера. — Откуда знаете?

— Я работал здесь.

— Молодым ординатором.

— И ординаторы иногда видят стены.

Илья осветил пол.

В пыли тянулись следы. Взрослая обувь входила со стороны галереи, подходила к нарисованной двери и возвращалась. Рисунок подошвы был стёрт. Рядом начиналась цепочка маленьких босых отпечатков.

Первый отпечаток лежал поверх взрослого следа, второй пересекал трещину и не уходил в неё. Кто-то прижимал форму сверху, не учитывая рельеф пола. У дальней стены на высоте человеческого бедра виднелась полоса, где рукав стёр пыль.

Вера провела лучом вдоль полосы. Человек двигался боком, наклоняясь к полу каждые семьдесят сантиметров. Конец пришёлся как раз к меловой двери.

— Работал без спешки, — сказала она. — Здесь ему никто не мешал.

Илья посмотрел на Шевцова.

— Камеры внутри?

— Отключены после остановки стройки.

— Сигнализация?

— Только на главном входе.

— Журнал срабатываний запросим.

— Запрашивайте.

Шевцов ответил спокойно. Или знал, что журнал ничего не покажет, или действительно не имел отношения к постановке.

Они шли от дальней стены.

Пять следов. Правый, левый, правый. Пальцы чёткие, пятки едва касались пола. Последний отпечаток упирался в меловой прямоугольник.

— Ребёнок? — спросил Илья.

— Здесь нет детей, — сказал Шевцов.

Вера присела, не заходя за линию следов. Длина стопы около девятнадцати сантиметров. Ребёнку лет восемь-девять. Но расстояние между шагами было взрослым — почти семьдесят сантиметров.

— Их сделали рукой, — сказала она.

Илья наклонился.

— Почему?

— Давление на пальцы одинаковое. При ходьбе большой палец глубже. И нет переноса пыли вперёд.

Она сфотографировала следы сбоку. У пятого отпечатка заметила тонкую борозду, как от края формы.

— Штамп.

— Очередная постановка, — сказал Илья.

Шевцов усмехнулся.

— Или чья-то неумная шутка.

— Когда вы были здесь последний раз? — спросил Илья.

— Неделю назад.

— Один?

— С прорабом.

— Имя.

Шевцов назвал.

Илья записал и вернулся к стене. Провёл фонарём вдоль пола. У плинтуса между штукатуркой и доской темнела металлическая щель.

Ключ «П-4» вошёл в неё наполовину.

На стержне ключа было две зоны износа. Старая доходила до середины, металл там потемнел и сгладился. Свежая царапина шла дальше, к бородке. Раньше ключ вставляли неглубоко и поворачивали скрытый рычаг. Недавно кто-то пытался использовать его как обычный дверной, давил до упора и повредил паз.

— Павел не знал механизм, — сказала Вера. — Если ключ был у него до смерти, он мог прийти сюда и не открыть.

Илья снял слепок щели. Внутри виднелась белая смазка и красное волокно. Смазку нанесли недавно, волокно лежало глубже под старой пылью. Человек в красной одежде или с заколкой был у механизма ещё до закрытия корпуса.

Шевцов смотрел на ключ, не на стену. Большой палец его правой руки повторил короткое движение назад, будто тело помнило правильный способ открыть замок. Вера сняла положение рук общим кадром. Жест не был доказательством знания. Но теперь она знала, какой вопрос задать позже.

— Здесь есть замок, — сказал он.

Шевцов впервые подошёл ближе без приглашения.

— Не поворачивайте. Если механизм связан со старым коробом, обрушите кладку.

— Вы только что сказали, что там ниша с вентиляцией.

— Именно поэтому.

Илья вынул ключ.

— Вскроем со строителями и экспертом.

До старого крыла они проверили лестницу к подвалу. Её перекрывала сварная решётка с новым замком. Шевцов объяснил, что вода подмывает фундамент и проход опасен.

На свежей сварке уже появилась ржавчина. Замок был новым, а петли старые. Решётку не устанавливали целиком: её закрывали и открывали много лет, меняя только запор.

Вера осветила нижний край. Там застряла зелёная нитка, мокрая и чистая. Такая же могла попасть в рот Павла из технической воды. Илья снял её пинцетом и положил в пакет.

Шевцов наблюдал за руками Веры.

— В старых зданиях все волокна похожи, — сказал он.

— Вы правы, — ответила она. — Поэтому сравнивают состав, краситель и разрыв.

Он отвёл фонарь к стене.

На стене рядом висела схема эвакуации. Нижний уровень закрасили серой краской, но под ней проступали линии помещений.

Вера осветила схему сбоку. От лестницы шли два коридора: один к котельной, второй обрывался у прямоугольника без подписи.

— Резервуар? — спросила она.

— Старая насосная, — ответил Шевцов.

— Вы всё-таки помните технические помещения.

— Помню, что насосная существовала. Не знаю, где именно.

Илья снял краску ватным тампоном на краю линии. Под ней обнаружилась цифра семнадцать. Шевцов посмотрел и сразу отвёл глаза.

Из подвала тянуло гвоздикой и застоявшейся водой. Вера подошла к решётке. В пыли за ней лежала свежая медицинская маска. Резинки ещё не пожелтели.

— Рабочие ходят? — спросил Илья.

— Через другой вход.

— Кто запирает этот?

— Охрана.

Ключ на связке Шевцова подошёл к замку, хотя он сперва выбрал два неправильных. Илья отметил это в протоколе, но решётку не открыл без оборудования.

Вера сфотографировала схему, маску и подошвы Шевцова. На его сапогах грязь лежала двумя полосами: нижняя высохла, верхняя блестела.

Так мог выглядеть человек, дважды прошедший по кромке прилива. Или владелец санатория, который утром обошёл собственный берег.

Перед вскрытием замка они осмотрели три настоящие двери.

В процедурной остались шкафы с выломанными ящиками и стол на колёсах. На полу лежали стеклянные трубки, потемневшие от времени. Шевцов держался у порога.

Стол имел сетчатую полку. Расстояние между поперечными прутьями совпадало с полосами на бёдрах Павла. Одно колесо было новым, остальные покрывала старая ржавчина. На резине нового колеса застряла красная гранитная крошка.

— Эту каталку использовали строители? — спросил Илья.

— Возили инструменты. Возможно.

— Кто менял колесо?

— Подрядчик.

Илья не тронул стол до прибытия криминалиста. Отметил комнату на схеме и позвонил группе. Шевцов недовольно взглянул на часы.

— Если вы будете изымать каждый предмет, осмотр закончится через неделю.

— Если на нём везли Павла, неделя — дешёвая цена.

— Здесь проводили промывания и ингаляции, — сказал он. — Ничего интересного.

Вера сняла внутреннюю сторону двери. На лаке сохранились детские царапины: ростовые отметки, имена, кривой кораблик. Под ручкой кто-то вырезал «Л. Р.».

— Лида?

— Сотни пациентов, — ответил Шевцов.

— В закрытом крыле не было пациентов после двухтысячного.

— Дети проникали сюда и раньше.

В кладовой пахло сухой известью. На верхней полке стояли банки из-под фотохимии. Мерц закупал такие в ателье. Одна крышка была закручена поверх куска красной ткани.

Илья велел упаковать банку.

— Фотограф работал для санатория, — сказал Шевцов. — Снимал процедуры, праздники, медицинские карточки. Его расходники были в каждом корпусе.

— Почему вы помните расходники, но не техническую нишу? — спросила Вера.

— Потому что фотографии видел, а в стены не лазил.

Третья комната принадлежала сестре-хозяйке. За столом сохранилась доска выдачи ключей. Крючки были подписаны: «П-1», «П-2», «П-3». Место четвёртого пустовало, но в дереве осталась более светлая полоска от алюминиевой бирки.

— Значит, П-4 существовал, — сказал Илья.

Шевцов осмотрел доску.

— Мог быть подсобный шкаф.

— Или дверь, которой нет на плане.

В ящике стола Вера нашла журнал выдачи. Последние страницы вырвали. На корешке сохранился клочок строки: «Беляев Н. — П-4 — 22:...»

Ниже проступал нажим с вырванного листа. Вера положила бумагу под косой свет. Буквы читались частями: дата, фамилия Шевцова, номер семнадцать. Она не стала обводить след карандашом, только сняла серию кадров с разными углами лампы.

— У вас была смена с Беляевым? — спросила она.

— У меня были смены со всем техническим персоналом.

— В двадцать два часа?

— Я дежурил сутками.

— А семнадцать что означает?

Шевцов посмотрел на вдавленный след.

— Палата. Узел. Номер ключа. Через двадцать лет выбирайте любой ответ.

— Вы уже выбрали «насосную», когда увидели цифру на схеме.

Илья поднял руку, останавливая обмен. В протокол вошли слова обоих, а не вывод.

Шевцов потянулся к журналу, но остановился, увидев перчатки Веры.

— Беляев был завхозом. Имел доступ ко всем техническим помещениям.

— Вы сказали, такой двери не было.

— Я сказал, что не помню.

— Нет. Вы сказали: детская игра.

Илья записал точную фразу.

Шевцов вышел в коридор. На затылке у него выступил пот, хотя в корпусе было холодно.

Вера положила журнал в пакет. Под столом заметила засохший след босой ноги, взрослый по размеру. Он уходил к стене и обрывался у мелового прямоугольника.

— Здесь мы не первые, — сказала она.

Из-за стены донёлся стук.

Один удар.

Пауза.

Ещё два.

Шевцов перестал дышать на мгновение. Вера увидела, как напряглась кожа у него под челюстью.

— Трубы, — сказал он. — Ветер.

Илья приложил ухо к стене.

Стук повторился. Теперь ниже, почти у пола.

Три удара. Пауза. Один.

Вера помнила этот ритм.

В ту ночь Павел стучал ей из темноты: три коротких, один длинный. Их детский сигнал «уходи».

Она отступила.

За спиной скрипнула дверь процедурной.

В проёме никого не было. На полу комнаты стояла деревянная фотокамера Мерца. Та самая, которую они пришли украсть двадцать лет назад.

Мех был раздвинут. Объектив смотрел в коридор.

Вера вошла первой.

— Не трогай, — сказал Илья.

Она остановилась.

На матовом стекле под чёрной тканью проступало перевёрнутое изображение коридора: меловая дверь, Илья, Шевцов.

Камера стояла на трёх ножках, четвертую заменял обломок кирпича. На деревянном корпусе не было пыли, кроме прямоугольника вокруг замка задника. Её принесли недавно. Объектив смотрел точно на меловую дверь, но матовое стекло показывало больше: всю ширину коридора и кусок процедурной.

— Там вставлена пластина, — сказала Вера.

— Не касаться, — повторил Илья.

Она подняла чёрную ткань краем фонаря. В пазу задника виднелось тонкое зеркало. Изображение на стекле шло не прямо через объектив: его подмешивали отражением из боковой щели стены.

Человек мог находиться за штукатуркой. Камера превращала его отражение в фигуру посреди коридора.

И ещё один человек.

Он стоял между ними, хотя в коридоре там было пусто.

Вера наклонилась ближе. Светлая одежда оказалась врачом халатом. Лицо скрывал отблеск. Рука лежала на плече Шевцова.

На запястье были часы, повёрнутые циферблатом внутрь.

— Аркадий Львович, — сказала Вера. — Вы всегда носили часы наружу?

Шевцов посмотрел на своё запястье.

За стеной ударили снова.

На этот раз из пустоты ответил детский голос:
— Не открывай.

Глава 7. Фотограф Мерц

Голос повторил:

— Не открывай.

Те же две секунды. Та же интонация.

Илья отдернул край меловой двери и провёл ладонью по стене. Голос прозвучал в третий раз, теперь прямо под его пальцами.

— Запись, — сказал он.

У плинтуса отставал кусок штукатурки. За ним обнаружилась круглая решётка старой переговорной трубы. Внутри лежал маленький чёрный динамик. Провод уходил вниз, в щель между стеной и полом.

— Не беспроводной, — заметила Вера. — Значит, включили не снаружи.

Илья вытащил динамик пинцетом. К нему был примотан дешёвый проигрыватель размером со спичечный коробок. Кнопку прижимала проволока, заведённая к скрытому замку. Когда ключ входил в щель, проволока натягивалась.

— Павел должен был открыть стену, — сказал Илья. — Услышать голос, испугаться или пойти дальше.

— А ключ положили ему в карман после смерти.

— Или он нашёл его раньше.

Шевцов стоял у окна процедурной. Свет с моря делал его лицо почти бесцветным.

— Кто-то превратил здание в балаган, — сказал он.

— Кто знал про переговорную трубу? — спросил Илья.

— Персонал.

— Конкретно.

— Двадцать лет назад здесь работало больше ста человек.

— Сейчас?

— Я. Старый электрик. Несколько охранников.

— И прораб, с которым вы приходили неделю назад.

Шевцов не ответил.

Камеру Мерца осмотрели на месте. На деревянном корпусе не было свежей пыли. Её протёрли перед тем, как поставить в комнате. Роликовый задник отсутствовал. Объектив был открыт, но матовое стекло не могло удерживать изображение без света: фигура с рукой на плече Шевцова исчезла, как только Вера подняла чёрную ткань.

На ткани нашли слой светочувствительного порошка и слабый рисунок, нанесённый прозрачным лаком. Под определённым углом он отражался в стекле поверх настоящего изображения.

Человека в халате нарисовали заранее.

Часы на его руке — тоже.

Криминалист провёл по ткани ультрафиолетом. Лак вспыхнул голубым, и рисунок стал виден целиком: халат, кисть, прямоугольник часов. Лица не было даже в заготовке. Тот, кто делал фигуру, не хотел подделывать Шевцова точно. Ему хватало профессии и привычки.

Внутри камеры нашли свежую батарейку, тонкий светодиод и магнитный датчик. Когда человек подходил к меловой двери, магнит в скрытом механизме включал подсветку на долю секунды. Рисунок появлялся на матовом стекле и гас, пока наблюдатель поднимал ткань.

— Для призрака много проводов, — сказал Илья.

— Для человека, который знает камеры, ничего сложного, — ответила Вера.

На корпусе сохранился отпечаток половины ладони. Его оставили поверх протёртого дерева, будто намеренно. Пальцы были слишком широкими для Марины, но такую метку

можно поставить чужой рукой или перчаткой. Илья распорядился сравнить со всеми, кто входил в санаторий официально.

— Нас ведут, — сказала Вера, когда они вышли из корпуса. — Показывают, куда смотреть.

— На Шевцова?

— Слишком прямо.

— Тебе не нравится подозреваемый, потому что он удобный?

— Потому что убийца знает о двойной экспозиции. Он понимает, что фигуру на старой плёнке можно принять за отражение. И подсовывает второе отражение с часами.

Илья положил упакованную камеру в багажник.

— Ты только что объяснила, почему Шевцов мог это сделать.

— Чтобы указать на себя?

— Чтобы мы решили, что на него указывают.

Вера посмотрела на него.

— Так можно оправдать любую улику.

— Поэтому улики проверяют, а не выбирают красивую.

Из главного корпуса вышел Шевцов. В руке держал телефон.

— Прораб не отвечает, — сообщил он. — Если найдёте его раньше меня, скажите, что он уволен.

— За что? — спросил Илья.

— За доступ посторонних.

— Или за то, что вы назвали его имя?

Шевцов запер ворота.

— Илья Сергеевич, ваш отец однажды расследовал исчезновение рыболовецкого траулера. Вы ведь не считаете себя ответственным за каждого утонувшего только потому, что знаете море?

— Мой отец не закрывал дело о ребёнке.

— Это сделал Антон.

Вера шагнула ближе.

— При вашей помощи.

Шевцов посмотрел на неё спокойно.

— Ваш отец умел принимать решения без помощи.

Он ушёл к своей машине.

На запотевшем боковом стекле кто-то провёл пальцем четыре цифры: 04:17.

Шевцов заметил их не сразу. Потом быстро стёр рукавом.

Илья задержал его у машины.

— Стекло не трогать.

— Это моя собственность.

— Теперь поверхность для изъятия следов.

Шевцов убрал руку. На манжете осталась влажная грязь.

Криминалист снял отпечатки с цифр. Борозды были проведены голым пальцем, но пригодных папиллярных линий не сохранилось: стекло покрывали силиконовым составом от запотевания.

Под цифрами нашлась вторая надпись. Она проступила, когда поверхность осветили сбоку: «ПОМНИ». Буквы стёрли раньше, чем написали время. На влажном стекле остались направления движений, но не сами линии.

— Кто-то менял сообщение, — сказала Вера.

— Или Шевцов стёр первое и написал цифры сам, — ответил Илья.

Водитель клиники по телефону подтвердила, что обработала стекло утром и не видела надписей. Её смена начиналась в семь. Шевцов забрал машину из закрытого двора в девять. Между этими часами доступ имели дежурный охранник и сотрудники клиники.

Шевцов слушал разговор, не вмешиваясь. Когда Илья попросил журнал выезда, он продиктовал номер администратора и добавил:

— Можете изъять машину по постановлению. До тех пор я уеду.

Он не торопился. Это раздражало Веру сильнее защиты.

— Кто обрабатывал машину? — спросил Илья.

— Мой водитель.

— У вас есть водитель?

— В клинике. Сегодня я приехал сам.

— Имя.

Шевцов назвал женщину, и Вера запомнила короткую паузу перед фамилией.

Пока оформляли образец, она обошла автомобиль. На заднем коврике лежали крупинки белого материала. Обычная строительная пыль или старая изоляция. Снять их без разрешения она не могла.

— Недавно возили стройматериалы? — спросила она.

— Это объект реконструкции.

— Вы приехали на чистой машине в грязный санаторий и испачкали только задний коврик.

— Вера Антоновна, вы ищете композицию, а не причину.

— Причина тоже оставляет рисунок.

Шевцов сел за руль. Перед тем как закрыть дверь, поправил ремень часов. На секунду циферблат оказался на внутренней стороне запястья, затем он повернул его наружу.

Вера ничего не сказала. Только сняла машину целиком, чтобы в кадр попали номер, стекло и положение руки водителя.

* * *

Ателье Мерца стояло между закрытой баней и магазином запчастей. Вывеску сняли, но на кирпиче остались более светлые буквы: «ФОТО ЗА ЧАС». За витриной желтели свадебные портреты людей, давно успевших развестись или умереть.

Дверь открыла женщина лет сорока в домашнем свитере.

За её плечом в ателье работал старый сушильный шкаф. Тёплый воздух пах пылью и уксусом. На прилавке лежали открытые конверты с негативами, подписанные разными годами. Ольга не успела убрать их или специально оставила на виду, показывая, что здесь нечего прятать.

— У вас камера наблюдения есть? — спросил Илья.

— Есть муляж. Настоящую папа снял после инсульта: говорил, камера без человека всё равно врёт.

На витрине муляж смотрел наружу. Провод от него обрывался над дверью. Стекло вокруг объектива протёрли недавно.

— Кто-то мог стоять здесь и видеть улицу, оставаясь незаметным? — спросила Вера.

Ольга показала на тёмную штору у стойки. Из-за неё просматривались дверь, баня и часть переулка. Тот, кто ждал Шевцова снаружи или следил за Мариной, мог делать это из ателье.

— Папа сегодня не говорит, — сказала она.

— Он вчера говорил с Мариной Резник, — ответил Илья.

— С ней он ругается. Для этого слов не надо.

Женщину звали Ольга. Она провела их через ателье в жилую комнату. Николай Мерц сидел у окна в кресле. Левая рука лежала на пледе неподвижно, правая держала лупу. На коленях была контактная копия старой плёнки.

Он не поздоровался. Увидел Веру, поднял лупу и посмотрел через неё, словно проверял резкость.

— Ланская, — сказал он.

Голос был шероховатый, каждое слово давалось отдельно.

— Да.

— Обрезана.

— Что?

Мерц указал на снимок. На нескольких кадрах Вера стояла у края. Плечо срезано, половина лица уходила за рамку.

Контактную копию составили из двенадцати кадров. Между третьим и четвёртым оставался пустой прямоугольник — один кадр вырезали из полосы. На пятом Светлана держала в руках ту самую красную бабочку, на шестом Павел смотрел не в камеру, а за спину фотографа. Лиды не было ни на одном.

— Кто снимал первый кадр? — спросила Вера.

Мерц указал на её руку.

— Я?

Он кивнул. Вера не помнила, как держала камеру у моря. На снимке тень фотографа была короткой, детской. В правой руке угадывался тросик затвора.

— Контакты когда печатали?

— Тогда, — сказал Мерц. — Потом Антон.

Ольга принесла конверт. На нём стояли две даты: август 2006-го и июль нынешнего года. Бумага внутри была свежей. Значит, отец заново печатал весь ряд, проверяя пропущенный кадр.

— Всегда. У края.

— Кто снимал?

— Павел.

Мерц усмехнулся одним уголком рта.

— Плохо снимал.

Илья положил перед ним фотографию камеры из санатория.

— Ваша?

Мерц коснулся корпуса на снимке. Палец остановился на металлической направляющей задника.

— Моя.

— Когда видели последний раз?

— Июль.

— Этого года?

— Да.

Ольга вмешалась:

— Папа путает даты.

Илья выключил диктофон.

— У него есть заключение о состоянии речи?

Ольга принесла папку из кухонного шкафа. После инсульта Мерц понимал обращённую речь, читал короткие фразы и отвечал отдельными словами. Длинные предложения смешивались. Даты называл верно, если видел календарь, и ошибался, когда отвечал по памяти.

Вера поставила перед ним три предмета: лупу, пустой конверт и свежую газету. Попросила показать то, чем увеличивают изображение. Мерц коснулся лупы. Потом попросила выбрать предмет, который лежал у него на коленях до их прихода. Он указал на конверт и покачал головой: на коленях был снимок, не конверт. Поправил вопрос, а не угадал ответ.

Илья написал на двух карточках «ДА» и «НЕТ». Мерц оттолкнул их и произнёс:

— Не идиот.

Ольга впервые улыбнулась. Тут же отвернулась, будто улыбка была неуместна.

— Тогда договоримся, — сказал Илья. — Если не помните, показываете вот сюда.

На третьей карточке он написал «НЕ ПОМНЮ». Мерц взял её, перечитал и положил рядом с правой рукой.

В протоколе отдельно указали способ общения и присутствие дочери. Слова старика нельзя было превращать в гладкий рассказ. Каждое оставалось коротким ответом на конкретный вопрос.

Мерц ударил лупой по подлокотнику.

— Июль. Антон.

— Антон приносил камеру? — спросила Вера.

— Принёс. Без задника.

— Откуда она у него?

Мерц закрыл глаза. Дыхание стало слышнее.

— Украли. Вернули.

Вера почувствовала, как Илья повернулся к ней.

— Кто украл? — спросил он.

Мерц посмотрел на Веру через лупу.

— Обрезанная.

Ольга забрала у него лупу.

— Хватит. Он устал.

— Нам нужен роликовый задник от камеры, — сказал Илья. — Съёмная часть с плёнкой.

Мерц покачал головой.

— Две.

— Что две?

Он показал два пальца.

— Задники. Один пустой. Один с плёнкой.

— Где они?

— Пустой у Антона. Полный был здесь.

— Была?

Мерц посмотрел на дверь в лабораторию.

Ольга встала перед ней.

— Там ничего нет.

— Мы проверим, — сказал Илья.

— С постановлением.

— Оля, — произнёс Мерц.

Она обернулась.

— Дай.

— Папа, ты не понимаешь.

— Дай ключ.

Правая рука у него задрожала. Он сжал пальцы на плече, пока дрожь не прошла.

Ольга достала ключ из кармана и положила на стол.

Лаборатория Мерца сохранилась лучше ателье. Чёрные шторы, увеличитель, стеклянные бутылки с выцветшими этикетками. На полках стояли коробки с негативами, подписанные годами. Илья снимал всё на телефон до прикосновения.

Пол возле шкафа был вымыт полосой. В остальных местах пыль собиралась у плинтуса, а здесь доски оставались темнее и пахли хлоркой. Ольга сказала, что пролила воду. Мерц стукнул лупой по подлокотнику один раз — их условный знак отрицания.

— Что было здесь? — спросил Илья.

Ольга сжала ключ.

— Марина уронила бутылку. Жидкость была тёмная. Я решила, проявитель.

Вера присела. Между досками сохранилась чёрная крупинка фотоэмульсии и короткий волос. Волос был рыжим, жёстким, слишком толстым для человеческого. Возможно, щетина кисти. Возможно, мех рабочей куртки. Они не стали выбирать.

Криминалист должен был приехать отдельно. Илья закрыл участок бумагой и поставил подписи на краях.

На стене висела таблица проявки с пометками Антона. Даты шли с двухтысячного до последнего июля. Вера провела пальцем над строками, не касаясь: отец учился здесь годами, хотя дома говорил, что всё освоил сам.

В шкафу нашлись фотографии сотрудников «Прибоя». Мерц снимал их для пропусков. Шевцов появлялся на четырёх карточках: молодой, худой, без очков. На двух часы были повернуты внутрь.

— Это уже привычка, — сказал Илья.

— Это привычка многих врачей.

Ольга стояла у двери и следила, чтобы они ничего не вынесли без описи.

— Папа боялся его, — сказала она.

— Шевцова?

— После инсульта фамилии путал. Но когда Аркадий Львович приходил, закрывал лабораторию и прятал ключ под подушку.

— Когда приходил последний раз?

— За день до смерти Антона. Они говорили здесь. Я слышала только, как папа повторял: «Край остался».

— Шевцов вошёл один?

— С мужчиной в рабочей куртке. Тот ждал у витрины и рассматривал вентиляцию, будто хотел купить здание.

Ольга описала его: высокий, тёмные волосы с сединой, хромота. Вера вспомнила фигуру у волнореза. Описание подходило, но маска могла быть создана по этому человеку.

В журнале заказов сохранилась подпись посетителя: «Н. Беляев».

Имя пока ничего им не говорило.

Роликовый задник от большой камеры нашли в нижнем ящике. Деревянный корпус, металлическая заслонка и поворотная крышка. Возле приёмной катушки стояла белая точка, возле подающей — красная.

Внутри было пусто.

— Плёнку вынули, — сказала Вера.

— Недавно?

Она провела фонарём вдоль пазов. На чёрном бархате лежала светлая пыль, но у защёлки её пересекал чистый след.

— После июля.

Илья позвал Мерца. Ольга подвезла кресло к двери.

Старик увидел пустой задник и побелел.

— Кто имел ключ? — спросил Илья.

Мерц указал на дочь.

— Я и папа, — сказала она. — Иногда Марина приходила помогать. После инсульта.

— Она заходила в лабораторию?

— Папа пускал.

— Когда последний раз?

— Вчера.

Илья записал.

На рабочем столе стояла вторая камера того же типа, но меньшего формата. Аппарат из санатория криминалист держал рядом в прозрачном контейнере. Мерц следил за его руками.

— Почему на старой плёнке могло наложиться два изображения? — спросила она.

Он оживился. Подозвал её пальцем.

— Затвор. Не перевод.

— Повторный взвод без перемотки?

— Храповик сломан.

На второй камере он показал движение: нажать рычаг, вернуть, снова нажать. На исправном заднике блокировка не позволила бы снять второй раз без перемотки. Потом постучал пальцем по увеличенному снимку аппарата из санатория: маленький зубец там не входил в паз.

— Значит, фигура могла быть снята раньше или позже, — сказала Вера. — В другом месте.

Мерц резко покачал головой.

— Стекло.

— Что стекло?

— Второй кадр. Через стекло.

Он потребовал бумагу. Правой рукой нарисовал прямоугольник, за ним человека, перед ним три короткие линии.

— Отражение? — спросил Илья.

— Дверь. Он смотрел.

— Кто?

Мерц обвёл фигуру. Потом нарисовал на запястье круг и перевернул лист вверх ногами. Часы циферблатом внутрь.

— Вы видели полный кадр? — спросила Вера.

— Да.

— Лицо?

— Нет.

— Почему?

— Край. В заднике.

Он указал на пустой задник.

Полный негатив был шире полоски, которую нашла Вера. Мерц срезал один продольный край целиком и спрятал его в заднике. На нём могло сохраниться отражение часов, руки, части лица.

— Кто забрал плёнку? — спросил Илья.

Мерц посмотрел на Ольгу.

Она покраснела.

— Я не брала.

Старик продолжал смотреть.

— Папа, скажи нормально.

— Марина, — произнёс он.

Ольга закрыла лицо рукой.

— Она приходила ночью. Я пустила. Папа не спал, кричал. Марина сказала, что Антон спрятал фотографию её сестры и теперь кто-то убил Павла. Она хотела только посмотреть.

— Во сколько? — спросил Илья.

— Около двенадцати.

— До смерти Павла.

— Я не знала, что он умрёт.

— Марина ушла с задником?

— Я не видела.

Мерц ударил ладонью по подлокотнику.

— Взяла.

— Ты видел? — спросила Ольга.

Старик показал на зеркало над раковиной. Из кресла он не мог видеть ящик напрямую, но в зеркале отражались стол и руки человека у шкафа.

— Она открыла задник? — спросила Вера.

Мерц кивнул.

— На свету?

Он покачал головой и закрыл ладонью глаза. Марина погасила лампу. Потом он показал, как что-то прячет под одежду.

— Она знала, что делает, — сказал Илья.

— Или Мерц научил её, — ответила Вера.

Ольга села на табурет.

— Папа учил всех, кто приходил. Даже Марину. Она хотела сама печатать Лидины школьные фотографии, потому что не доверяла ему оригиналы.

Мотив украсть плёнку оставался. Способ перестал что-либо доказывать.

Мерц попросил поставить контейнер с камерой на стол. Не касаясь дерева, показал две трещины. Одна шла вдоль волокон — Вера помнила, как мех зацепился за ручку в санатории. Вторая пересекала первую и была стянута тонкой латунной скобой.

— Кто ремонтировал? — спросила Вера.

— Не я.

— Антон?

Мерц выбрал карточку «НЕТ». Потом написал на чистом листе: «ВЕРНУЛАСЬ СУХАЯ».

Камеру украли в августе. По воспоминанию Веры, она промокла на волнорезе и осталась в сыром подвале. Мерцу её вернули уже очищенной, с новой скобой и смазанным затвором. Кто-то после той ночи забрал аппарат из санатория, высушил и отремонтировал прежде, чем подложить в ателье.

— Когда вернули?

Мерц показал три пальца, затем календарь. Три дня. На третий день после исчезновения Лиды камера стояла у задней двери в мешке для медицинского белья. Роликового задника не было, зато пахло гвоздикой и дезинфекцией.

Ольга тогда была ребёнком и помнила мешок: отец сжёг его в печи. Сам аппарат сохранил в щели латунной скобы белый порошок. Если частица уцелела, она могла показать, где камеру ремонтировали. Криминалист взял её только после отдельного согласия Мерца.

В зазоре затвора эксперт заметил светлый лоскут, прижатый глубже защитной пластины. На месте его не извлекали: требовалось разобрать механизм и не повредить старый налёт. Камеру упаковали отдельно и внесли лоскут в протокол осмотра.

Кто-то из взрослых вернулся за камерой раньше полиции и знал, что именно надо вынуть.

Вера присела перед ним.

— Николай Андреевич, что было на полной плёнке кроме фигуры в стекле?

Он долго смотрел ей в лицо.

— Ты.

— Я есть на найденной полосе.

— Другая.

— Какая другая?

Мерц коснулся пальцем её горла, не дотрагиваясь до кожи.

— Кричала.

Вера почувствовала соль на языке.

Мерц потребовал конверт с контактами и перевернул его. На обороте дрожащей рукой написал: «НЕ ГОЛОС. РОТ».

— Я кричала без звука? — спросила Вера.

Он кивнул. Потом нарисовал рядом стеклянный прямоугольник и пальцы на её лице.

Изображение Веры было не отдельным кадром. Её отражение лежало в том же стекле, за которым стоял взрослый. Мерц видел край, где оба слоя не совпадали. Полоска, найденная у Антона, этот участок уже не содержала.

— Почему отец отрезал край? — спросила она.

Мерц опустил взгляд.

— Спасал.

— Кого?

Ответа не было. Он мог иметь в виду Веру, Антона или того, чьё отражение осталось на неразрезанном негативе.

Тёмный коридор. Чья-то рука зажимает ей рот. Павел стучит: три коротких, один длинный. За дверью вода бьёт по металлу.

Она выпрямилась слишком быстро. Стол качнулся.

— Мне нужно выйти.

На улице она дошла до угла бани и закурила. Ветер дважды гасил спичку. Третья обожгла палец.

Илья вышел следом.

— Ты украла камеру.

Это был не вопрос.

Вера вдохнула дым и закашлялась.

— Да.

— Почему двадцать лет говорила, что Павел?

— Потому что он взял её у меня.

— После того, как ты украла.

— Да.

— Что ещё ты не сказала?

Вера посмотрела на мокрую стену. Кирпичи проступали сквозь облупившуюся краску, как проявляющееся изображение.

— Я вошла в «Прибой» первой.

Глава 8. Соль на языке

В августе 2006 года море было тёплым только сверху.

Вера поняла это, когда провалилась с волнореза по пояс. Под нагретой солнцем плёнкой воды лежал холод. Он обхватил ноги и потянул вниз. Павел схватил её за штормовку, Светка — за ремень сумки. Втроём они вывалились на бетон, мокрые и злые.

В сумке лежала камера Мерца.

Мокрый ремень резал Вере плечо. Она проверила застёжку, не открывая сумку: два кожаных язычка на месте, деревянный угол не треснул. Внутри что-то звякнуло. Не стекло — металлическая заслонка роликового задника.

— До вечера высохнет, — сказала Светка.

— мех поведёт.

— Тогда скажем, Мерц сам испортил.

— Он знает каждую царапину.

Павел вылил воду из кед и натянул его на босую ногу.

— Если поймает, заставит отрабатывать. Будешь всю жизнь снимать паспорта.

Вера тогда считала это худшей возможной ценой. Не милицию, не родителей. Кабинку без окон, белый фон и чужие лица, которые требуют убрать морщины.

— Разбила? — спросил Павел.

— Сам ты разбил.

Вера не стала открывать сумку на свету. Камера была тяжёлая, деревянная, с мехом. Она вынесла её из ателье через заднее окно, пока Мерц спорил с клиентом из-за пересвеченного паспорта.

Украсть предложила Светка.

— Он вчера спрятал что-то в старом корпусе, — сказала она. — Я видела из автобуса. Коробку занёс через котельную.

— Почему не оставил в ателье? — спросил Павел.

— Потому что там ищут.

— Кто?

Светка пожала плечами.

— Какая разница? В коробке плёнка. Может, голые тётки.

Павел согласился после этого.

Вера — раньше. Мерц не разрешал ей даже касаться большой камеры. Говорил, что она дёргает затвор и режет людям ноги краем кадра. Ей хотелось доказать, что он врёт.

Они собирались взять спрятанную коробку, зарядить камеру и вернуть всё до утра.

Лиду никто не звал.

Она увидела их у волнореза. Стояла за бетонным кубом в зелёной футболке и шортах, босая, с сандалиями в руке. Светка велела ей идти домой.

— Я Марине скажу, что ты курила, — ответила Лида.

— Я не курю.

— Сейчас закуришь.

Павел засмеялся. Светка ударила его по плечу.

— Прилипала.

— Я знаю проход, — сказала Лида. — Через лечебный пляж.

— Все знают.

— Там решётку сняли.

Они оставили её у камней. Так решила Вера. Или ей потом хотелось помнить именно так.

Светка отдала Лиде начатую пачку сухарей и велела считать волны. Павел нарисовал на бетоне мелом квадрат: граница, за которую нельзя выходить. Лида демонстративно поставила одну босую ногу за линию.

— Ты не командир, — сказала она.

— Я старше.

— На один год и два месяца.

— Откуда знаешь?

— Марина хранит списки всех, кто мне врёт.

Светка засмеялась, но быстро замолчала. Имя Марины действовало лучше угрозы. Старшая сестра приходила в школу разбираться из-за каждой разбитой коленки Лиды, записывала фамилии и могла ждать у ворот столько, сколько требовалось.

Вера провела вокруг мелового квадрата ещё одну линию.

— Если уйдёшь, мы тебя искать не будем.

Лида посмотрела на море.

— Будете.

Она сказала это без вызова, как факт. Через двадцать лет Вера всё ещё не знала, ошиблась ли Лида.

Лида сидела на бетонном блоке и качала сандалиями. Вера оглянулась от пролома. Девочка подняла руку, показала красную нитку на запястье и беззвучно произнесла: «Я всё равно пойду».

Вера вернулась к ней.

— Если Марина узнает, нам всем конец.

— Она на смене до восьми.

— Откуда знаешь?

— Я живу с ней.

Лида спрыгнула на камни. Она была младше на год, но смотрела на Веру как на ребёнка, который не умеет нормально врать.

— Что в сумке?

— Ничего.

— Тогда дай понести.

— Иди домой.

— Светка сказала, Мерц снимал, как врачи выбрасывают лекарства. Марина говорит, от них люди болеют.

Вера схватила её за плечи.

— Ты не войдёшь. Посидишь здесь десять минут. Если нас не будет, пойдёшь к Илье и скажешь, где мы.

— Почему к Илье?

— Потому что он трус, но взрослых позовёт.

Лида засмеялась.

— А ты не трус?

— Я с камерой.

Тогда Вере это казалось ответом.

Она сняла штормовку и набросила Лиде на плечи. Позже на старой плёнке увидела штормовку на себе и решила, что этот разговор выдумала. Но ткань могла вернуться к ней. Кто-то мог снять её с Лиды уже внутри.

Память сохраняла не последовательность, а отдельные кадры, между которыми всегда находился человек с ножницами.

* * *

— Мы вошли через пляж, — сказала Вера.

Они с Ильёй сидели в его машине у ателье. Дождь стучал по крыше. Сигарета погасла в банке из-под кофе, которую он держал вместо пепельницы.

— Кто был внутри? — спросил он.

— Сначала никого.

— Сначала?

— Дай вспомнить.

— Ты помнишь достаточно, чтобы двадцать лет выбирать слова.

Вера повернулась к окну.

— Если будешь допрашивать, поехали в отделение.

— Хорошо. Рассказывай как хочешь.

Она закрыла глаза.

* * *

Решётка у лечебного пляжа лежала в траве. За ней открывался низкий проход, по которому раньше подавали бельё из корпуса к купальням. Павел пролез первым. Светка за ним. Вера протолкнула сумку и зацепилась штормовкой за ржавый болт.

За ткань ухватились ржавые зубцы. Лида подбежала помочь, хотя должна была остаться у камней. Вера выдернула штормовку и оттолкнула её сильнее, чем хотела.

— Домой.

— Там мужчина, — прошептала Лида.

У верхней дорожки стоял человек в белом халате. С такого расстояния лицо не различалось. Он курил, прикрывая огонь ладонью, и смотрел на море.

— Врач вышел покурить, — сказал Павел из прохода.

Лида покачала головой.

— Он за мной шёл от аптеки.

— Ты всё выдумываешь.

— Тогда почему прячется?

Человек исчез за бетонной стеной. На дорожке остался дым.

Вера заставила Лиду сесть за блоком и отдала ей свисток с ключей.

— Если кто-то подойдёт, свисти. Один раз — чужой. Два — Марина.

— А три?

— Три раза не свистят. Бегут.

Через двадцать лет Вера не могла вспомнить, слышала ли свист внутри корпуса. В памяти был тонкий звук, но им могла оказаться труба, ветер или сигнал, придуманный позже, когда объяснение уже требовалось.

Она вошла следом за Павлом, оставив Лиду там, где та была видна человеку в белом.

Внутри пахло водорослями и карболкой.

Коридор вывел их к лестнице. На стене висела схема эвакуации, но нижнюю половину сорвали. Павел нашёл стрелку к котельной. Светка сказала, что коробка в старом крыле.

В дальнем конце хлопнула дверь. Они спрятались в бывшей палате. Там стояли голые кроватные рамы, на подоконнике лежала стопка больничных карт. Верхняя принадлежала женщине, умершей в восемьдесят девятом. Павел прочитал диагноз вслух, споткнулся на латинском слове и бросил карту.

— Не трогай, — сказала Вера.

— Она мёртвая.

— Поэтому можно?

— Поэтому ей всё равно.

Светка подобрала карту и вернула на место. Между страниц выпала фотография: пациентка у входа в санаторий, рядом молодой врач. Лицо врача пересекала трещина эмульсии, но на руке блестели часы.

— Мерц снимал, — сказала Светка. — Видишь край? Он всегда оставлял ступеньки целиком.

Она знала его работу лучше, чем признавалась. Вера спросила почему. Светка ответила, что мать заказывала фотографии. И опять солгала.

— Ты видела, куда Мерц её занёс? — спросила Вера.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Автобус ехал.

Они поднялись на второй этаж. Солнце било сквозь грязные окна, воздух был белым от пыли. В бывшей процедурной стояли три ржавые кровати. На одной лежал газетный свёрток с пустыми ампулами.

Светка взяла ампулу и прочитала этикетку.

— Просрочено десять лет назад.

— Положи, — сказала Вера.

— Боишься заразиться сроком годности?

Павел ушёл дальше по коридору. Позвал их шёпотом.

Четвёртая дверь была нарисована свежим мелом. Под кругом-ручкой кто-то написал: «П-4». На полу лежал ключ с алюминиевой биркой.

Павел вставил его в щель у плинтуса.

— Не открывай, — сказала Вера.

Из-за стены донёсся один удар, потом два.

Они замерли.

— Труба, — сказал Павел.

Снизу слышались голоса мужчин.

До голосов донёсся скрежет тележки. Колёса били по стыкам плитки: три ровных удара, пауза, ещё один. Вера приняла ритм за стук из стены и подняла палец к губам.

Светка выглянула первой. Увидела мужчин и сразу отпрянула. Руки у неё затряслись.

— Ты знаешь врача, — прошептала Вера.

— Нет.

— Тогда чего испугалась?

— Нас поймают.

Но смотрела Светка не на дверь и не на ключ. На металлический ящик. Из-под крышки свисал бинт с тёмным пятном. Когда тележка проехала мимо, на полу осталась капля прозрачной жидкости, пахнувшая лекарством и гвоздикой.

Светка схватила ключ и потянула Павла в процедурную. Вера спряталась за дверью. Через коридор прошли двое: молодой врач в белом халате и завхоз Беляев, которого весь посёлок знал по рыжей бороде. Они несли металлический ящик.

— До сброса двадцать минут, — сказал врач.

— Решётка опять заедает.

— Тогда руками. Мне всё равно, как ты это утопишь.

От врача пахло гвоздичным одеколоном. Вера запомнила, потому что так же пахло от школьной медсестры.

Когда мужчины спустились, Светка вышла из укрытия.

— Это Шевцов.

— Откуда знаешь? — спросил Павел.

— Он маму оперировал.

Светка соврала. Её мать никогда не лежала в «Прибое». Вера поняла это гораздо позже.

— Уходим, — сказала она.

Павел показал ключ.

— Сначала коробка.

Они повернули механизм за меловой дверью. В стене щёлкнуло. Но открылась не стена — отступила металлическая панель в полу процедурной. Под ней была лестница.

Снизу тянуло сыростью.

Павел полез первым.

* * *

— Ты утверждала, что не спускалась, — сказал Илья.

— Отец утверждал.

— В протоколе твоя подпись.

— Он положил передо мной лист и сказал: если подпишешь, нас не исключат из школы и Павла не посадят за кражу.

— А Светлана?

— Ей пригрозили учётом. Её мать работала в порту и могла потерять общежитие.

— Кто угрожал?

— Отец говорил от имени начальника.

Илья сжал повязку на ладони.

— Продолжай.

* * *

Лестница вывела в помещение без окон. У стены стояла камера Мерца в деревянном ящике. Рядом — запасной роликовый задник.

На ящике мелом написали фамилию Беляева и число семнадцать. Крышка держалась на одном гвозде. Внутри, кроме камеры, лежали чёрная ткань, тросик затвора и конверт с контактами. Вера успела увидеть на верхнем снимке спины людей у воды. Павел выхватил конверт, заглянул и сунул под рубашку.

— Покажи.

— Потом.

— Это моя камера.

— Мерца.

— Я её украла.

— Тогда дважды твоя?

Светка стояла у двери и торопила. Павел не вернул конверт. Позже он клялся, что внутри были только засвеченные листы. Вера ни разу не поверила и ни разу не заставила его повторить клятву при взрослых.

Вера обрадовалась так сильно, что на минуту забыла голоса внизу.

Она поставила камеру на табурет и открыла заднюю крышку. В роликовом заднике уже была плёнка.

— Не вытаскивай, засветишь, — сказал Павел.

— Я знаю.

— Тогда чего трясёшься?

— Холодно.

Светка стояла у другой двери. За ней шумела вода.

— Они там что-то сбрасывают.

Павел приоткрыл дверь.

Внизу находился бетонный зал. Через него шёл широкий канал, закрытый металлическими секциями. Беляев высыпал в воду ампулы, бинты, тёмные пакеты. Шевцов держал фонарь.

Вода в канале почти не двигалась. На стене горела красная лампа, рядом висели часы без ремешка. Стрелки показывали четыре семнадцать, хотя на улице было ещё светло. Ниже шла

шкала с цифрами от одного до двадцати. У семнадцатой секции Беляев несколько раз ударил рычаг ногой.

— Заклинило, — сказал он.

— Через час прилив. Откроется под давлением.

— А если пакеты пойдут обратно?

— Не пойдут.

Шевцов говорил спокойно, как на уроке. Беляев ругался и вытирал руки о халат. На внутренней стороне его пояса висел ключ с биркой «П-4».

Вера выбрала кадр так, чтобы в него вошли ящик, вода и оба мужчины. Стекло двери отражало комнату за её спиной. Тогда она этого не заметила.

— Это медицинские отходы, — прошептала Вера.

— Сфотографируй, — сказала Светка.

Вера установила задник, открыла заслонку и навела резкость через стекло в двери. Первый кадр вышел длинным: света почти не было. Она взвела затвор снова, не перемотав плёнку. Рычаг прошёл слишком легко.

На втором щелчке Шевцов поднял голову.

— Кто там?

Светка побежала первой. Павел — за ней. Вера схватила камеру, но мех зацепился за дверную ручку. Она дёрнула сильнее. Дерево треснуло.

Шевцов поднимался по лестнице.

Вера оставила камеру и побежала к меловой двери. Панель в полу уже закрывалась. Павел стучал из коридора: три коротких, один длинный.

Уходи.

Она выбралась и повернула ключ. Механизм захлопнулся, отрезав Шевцова внизу.

Они бежали к пляжу втроём.

— Где Лида? — спросил Павел у пролома.

— Ушла домой, — сказала Светка.

Тогда из корпуса донёсся крик.

Девичий.

Павел полез обратно.

Светка удержала его за рубашку.

Ткань треснула у воротника. Павел развернулся и ударил Светку ладонью по лицу. Не сильно, но она отступила и прижала пальцы к губе.

— Это ты её притащила, — сказал он.

— Я велела сидеть.

— Ты рассказала про плёнку.

Вера встала между ними.

— Оба заткнитесь.

Из корпуса снова донёсся крик. На этот раз короче. Потом свист — один тонкий звук, оборванный посередине.

Лида предупреждала о чужом.

Или звала их.

— Там Шевцов.

— Лида внутри.

— Нас посадят.

Вера вырвалась из её рук и вернулась одна.

В проходе к лечебному пляжу было темнее, чем десять минут назад. Солнце ушло за корпус, и серый бетон сразу остыл. Вера протиснулась под трубой, ободрала локоть и услышала свисток.

Один короткий звук.

Она ответила так, как учил Павел: три удара по стене, один. Уходи. Никто не отозвался.

На первой лестничной площадке лежала красная бабочка. Один зубец сломался, пружина была сжата, будто заклочку сорвали с волос и наступили. Рядом темнел мокрый след босой ноги. Он вёл вверх, хотя Лида должна была прийти с пляжа снизу.

— Лида? — позвала Вера.

Из-за двери процедурной кто-то прошептал:

— Тише.

Голос мог принадлежать Светке. Вера толкнула дверь. Комната была пуста. Панель в полу закрылась, на табурете остался кожаный ремень камеры. Вера подняла его и заметила белый волос, прилипший к пряжке. Не человеческий — нить бинта.

В стекле шкафа двигался фонарь. Сначала отражение появилось за её плечом, потом прошло вдоль стены. Настоящего света в комнате не было.

— Ты вернулась, — сказал мужчина из коридора.

Вера узнала голос Шевцова. Прижалась спиной к шкафу и зажала рот ладонью. Во рту уже чувствовалась соль, хотя она не кусала губу.

Дверь открылась на ладонь. В щели показался белый рукав. Мужская рука держала не фонарь, а маленькое зеркало. Им осматривали комнату из-за косяка.

Вера опустила на колени и поползла к столу. Под ним нашлась вторая дверь — низкая, техническая, с круглой ручкой. Она повернула ручку, но та не поддавалась. На металле были свежие царапины и зелёная нитка.

В коридоре прошли шаги. Не одни. Кто-то хромал, второй ступал легко, почти без каблука.

— Девочка внизу, — сказал один голос.

— Какая?

— В зелёной футболке.

Шевцов выругался тихо. Потом спросил, где остальные.

Вера слышала ответ, но память сохранила только движение губ в отражении. Слово исчезло, а лицо осталось: не Беляев, не Павел. Человек стоял за стеклом и смотрел прямо на неё, хотя между ними была стена.

Она полезла к окну. Створка не открывалась. На шпингалете намотали проволоку. Вера дёрнула её обеими руками, металл впился в пальцы. За дверью уже не скрывали шаги.

Стекло шкафа вспыхнуло белым.

На один короткий миг в отражении появились трое: Вера у окна, взрослая фигура с часами на внутренней стороне запястья и девочка, которой ладонь закрывала рот. Девочка была не Лидой. Красная бабочка ещё держалась у неё в волосах.

Вера обернулась. Позади стоял только пустой шкаф.

Потом дверь ударила о стену.

Дальше память оборвалась ровно, без постепенного тумана. Будто плёнку выдернули из камеры на свету.

* * *

— Вот этого нет ни в одном протоколе, — сказал Илья.

— Я не дошла до подвала.

Илья выключил печку. Стёкла машины начали запотевать.

— На старой схеме проход от процедурной ведёт именно к подвалу.

— Я спустилась на один пролёт. Дальше дверь была закрыта.

— На фотографии Мерца ты за стеклом.

— Я не знаю, где стояло стекло.

— Зато знаешь, что Светлана вернулась позже.

Вера открыла глаза.

— Я этого не говорила.

— Ты сказала: заколка на ступени. Светка вышла в ней. Значит, либо потеряла во время первого бегства, либо вошла снова.

Илья не давил голосом. Просто поставил деталь на стол между ними.

Вера вспомнила красный пластик в пыли. Рядом лежала мокрая сандалия Лиды. Если она видела обе вещи вместе, Светка действительно вернулась в корпус.

— Я думала, заколку с неё сорвали раньше.

— Кто?

— Не помню.

— Это ответ или защита?

— Пока одно и то же.

— Но вошла в корпус.

— Да.

— Что видела?

Соль снова выступила на языке Веры. Не вкус моря. Кровь из прокушенной губы.

Она помнила свет фонаря, движущийся по стенам. Мокрые следы босых ног. Светкину заколку на ступени — красную пластиковую бабочку.

Помнила Лиду за стеклянной дверью. Или отражение Лиды.

— Ничего, — сказала Вера. — Шевцов вышел в коридор. Я спряталась. Потом убежала.

Илья молчал.

— Что?

— Ты опять выбираешь место, где остановиться.

— Дальше провал.

— Удобный?

Вера открыла дверь машины.

— Отец нашёл меня утром на пляже. Я не помнила, как вышла. Во рту была кровь. В кармане — ключ. Камера осталась внутри.

На запястье у Веры был след от иглы. Антон сказал, что фельдшер дал успокоительное после истерики. В одежде лежал песок из подвала и белая крошка, похожая на высохшую пену. Отец всё вытряхнул в таз и сжёг штормовку во дворе, потому что она пропахла химией.

— Ты видела, как он сжигал? — спросил Илья.

— Проснулась от дыма. Он сказал, ткань испорчена кровью.

— Чьей?

— На мне ран не было, кроме губы.

Антон вымыл ей волосы хозяйственным мылом. Пока тёр, повторял, что Лиду найдут, а Вера должна рассказать только то, что помнит точно. Потом сам объяснил, какие воспоминания точные.

— А задник с плёнкой?

— Один стоял в камере. Второй взял Павел.

— Откуда знаешь?

— Видела у него под рубашкой, когда мы убежали.

— Почему не сказала раньше?

— Потому что через два дня он поклялся, что выбросил её в море. А отец сказал забыть.

Илья вышел следом.

— Ты веришь, что Павел выбросил?

— Нет. Теперь — нет.

Он посмотрел на окна ателье. За одним из них Мерц сидел неподвижно, похожий на тёмный силуэт на старом негативе.

- Задник с полной плёнкой был у него, — сказал Илья. — Значит, Павел вернул.
- Или отец забрал у Павла и отнёс Мерцу.
- А Марина украла её вчера.
- Если Ольга говорит правду.

Илья открыл на телефоне календарь приливов за 2006 год и старое расписание автобусов. Последний рейс от лечебного пляжа уходил в 19:40. Вера помнила, как после санатория слышала его тормоза у остановки, но официальный вызов об исчезновении Лиды поступил в 19:32. Автобус ещё не мог пройти.

- Значит, я слышала другой, — сказала она.
- Или позже вставила звук в память.

Солнце в её воспоминании било в окна второго этажа. По архиву погоды после шести небо затянуло тучами. Фотография детей у стекла имела резкую тень. Первый слой могли снять раньше днём, второй — в другое время. Даже свет подтверждал не последовательность, а разрыв.

Они нарисовали три колонки: «помню», «подтверждено», «противоречит». В первой оказались свисток, заковка, запах и рука у рта. Во второй — камера, медицинские отходы, часы Шевцова. В третьей — автобус, погода и штормовка одновременно на Вере и Лиде.

- Ты не обязана выбрать одну версию сейчас, — сказал Илья.
- Удобно тебе говорить. Ты свою выбрал двадцать лет назад.
- Поэтому и говорю.

Телефон Ильи завибрировал. Он прочитал сообщение.

- Нашли машину Светланы.
- Где?
- У старого водозабора. Внутри кровь.
- Она там?
- Нет.

Вера выбросила недокуренную сигарету в банку.

- Везём Марину на опрос.
- Сначала найдём.
- Аптека закрыта, дома нет. Телефон выключен.
- Когда её видели?
- После нашего разговора — никто.

Вера почувствовала, как холод из воды двадцатилетней давности снова обхватил ноги.

- Тогда у нас пропали обе.

Глава 9. Аптечный журнал

В машине Светланы крови было меньше чайной ложки.

Она засохла на внутренней ручке водительской двери и двумя каплями ушла под резиновый коврик. Сиденье отодвинуто далеко назад — так Светлана не водила. Вера помнила её короткие ноги и привычку сидеть почти вплотную к рулю.

На пассажирском месте лежала красная пластиковая закладка-бабочка.

Она лежала зубцами вверх, будто её положили для снимка. На пластике не было пыли, хотя сиденье покрывал серый налёт. Под закладкой ткань оставалась сухой. Её оставили после того, как машина простояла у водозабора под моросью и в салон попала вода через приоткрытое окно.

Вера сняла закладку через стекло, затем с открытой дверью. На одном зубце застрял короткий тёмный волос. Светлана красила волосы в каштановый, у Марины были чёрные с проседью. Совпасть мог любой. Закладку упаковали отдельно от волоса, чтобы не потерять следы на пластике.

— Где вторая? — спросил Илья.

— У отца в коробке.

— Её изъяли?

Вера покачала головой. Она сфотографировала находку, но оставила в детской комнате. Теперь дом охраняли, однако туда уже входил неизвестный через вентиляцию.

— Забираем официально, — сказал Илья. — И сравниваем изломы.

Если две бабочки когда-то составляли пару, одинаковый пластик этого не докажет. Неровности формы и старение могли хотя бы показать, лежали ли они двадцать лет в разных местах.

Такая же осталась на лестнице «Прибоя» в 2006 году.

— Серийная вещь, — сказал Илья. — Продавалась в каждом киоске.

— Через двадцать лет?

— Можно хранить двадцать лет.

— Или взять ту самую.

— Кто, кроме тебя, знает, где она лежала?

Вера не ответила.

Машину бросили у водозабора между тремя и четырьмя утра. Камера на заправке сняла её в 03:26. За рулём человек в капюшоне. Лица нет. В салоне виден второй силуэт, но определить, Светлана это или куртка на спинке, нельзя.

Кровь предварительно принадлежала женщине. Точного совпадения ещё не было.

В багажнике нашли мокрый песок, моток белой верёвки и пустой блистер успокоительного. Верёвка отличалась от той, которой крепили Павла: крученая, шершавая, из хозяйственного магазина. Слишком очевидная находка.

Под запасным колесом лежал коврик из белой теплоизоляции. Его вырезали по форме ниши и использовали недавно: материал был продавлен коленями. На поверхности остался след подошвы без рисунка и две капли бурой жидкости.

— В багажнике везли человека, — сказала Вера.

Криминалист показал на чистые участки коврика.

— Или крупный груз, который прижимали коленями. Не забегаяем.

На внутренней стороне крышки обнаружили три царапины. Они шли изнутри наружу, но были старыми, под слоем пыли. Светлана возила в багажнике складной велосипед, и педаль могла оставить такой рисунок. Свежего ногтя, крови или волокна кожи не нашлось.

Улика, похожая на след похищения, рассыпалась при первом внимательном осмотре. Вера заставила себя снять царапины всё равно. Ошибки тоже входили в место происшествия.

— Подбросили, — сказала Вера.

— Или Светлана готовилась связать кого-то.

— Ты сам не веришь.

Илья закрыл пакет с блистером.

— Я не обязан верить в рабочую версию. Достаточно проверять.

У водозабора начиналась тропа к морю. По ней прошли двое. Один след маленький, женский, второй крупнее. На середине склона земля осыпалась, дальше следы пропали на камнях.

Внизу был закрытый бетонный резервуар. Люк заперт новым навесным замком. Внутри по звуку стояла вода.

Вера смотрела на ржавый край и представляла Павла лицом вниз.

— Не здесь, — сказал Илья.

— Почему?

— Нет ржавчины такого состава. И резервуар действующий, воду берут на анализ каждый день.

— Тогда зачем машину оставили здесь?

— Чтобы мы искали водоём.

Он наконец произнёс это сам.

Криминалист позвал их к заднему колесу. В протекторе застрял кусок синей резины с рифлёной поверхностью.

— Перчатка? — спросил Илья.

— Скорее хозяйственная. Толстая.

Вера сняла положение находки до извлечения. Рядом в канавке протектора блестела зелёная краска.

— Такая же на трубе в комнате со снимка.

— Там была изолента, — напомнил Илья.

— Сверху. Под ней могла быть краска.

Кусок резины упаковали. На внутренней стороне обнаружилась кровь. Экспресс-тест подтвердил человеческую, но определить владельца на месте было нельзя.

У обочины стоял старик с велосипедом и наблюдал за работой. Илья узнал бывшего сторожа водозабора.

— Машину видел?

— Слышал. После трёх. Фары не включала.

— Кто вышел?

— Один высокий. Дверь пассажира открыл, кого-то вытаскивал.

— Мужчину или женщину?

— Ноги тонкие. Женщина, наверное. Не шла сама.

— Второй человек?

— Потом из-за резервуара появился. Маленький, в плаще. Они поругались.

— Слова слышал?

Старик подумал.

Его звали Фёдор Петрович. Он слышал хуже правым ухом и признался, что перед сном выпил. Илья записал это до самих показаний. Старик рассердился.

— Пьяный не значит слепой.

— Поэтому спрашиваю, что видели, а не кем были, — сказал Илья.

Вера попросила его встать там, где он стоял ночью. От дороги до домика было сто восемьдесят метров. Без фонарей силуэты различались только на фоне серого резервуара. Лиц увидеть невозможно. Даже рост менялся в зависимости от того, кто находился выше на склоне.

Фёдор Петрович показал, как высокий наклонился к пассажирской двери и тащил второго под мышки. Потом маленький человек вышел из-за резервуара. Плащ светился в темноте, скорее дождевик со светоотражающей полосой.

— Женский? — спросила Вера.

— Может, детский.

— Вы сказали Илье: маленький.

— Маленький и сказал. Женщину он сам придумал.

Илья зачеркнул слово в черновой записи. Свидетель не подтверждал ни Марину, ни Светлану. Только двух действующих людей и неподвижное тело между ними.

— «Не здесь». Один сказал. И ещё: «Она должна проснуться».

— Голос?

— Мужской. Другой молчал.

Показание разрушало простую версию: у машины Светланы были как минимум двое, а найденные следы могли принадлежать каждому из них.

По дороге к аптеке они заехали в круглосуточный магазин, где Павел купил еду. Запись с внутренней камеры сохранилась. В 00:14 он вошёл один, снял капюшон и дважды посмотрел на улицу. Корзину не брал. Выбирал продукты быстро, как человек, который знает полки.

Кассирша помнила его не из-за покупки.

— Он попросил пакет со льдом. У нас нет. Сказал, зуб разболелся.

— Левый или правый? — спросил Илья.

Женщина приложила ладонь собственной щеке и задумалась.

— Кажется, левый.

На видео Павел касался правой стороны рта. Вера попросила оставить в протоколе жест, а не догадку кассирши.

После оплаты он не сразу вышел. Стоял у стенда с открытками, разглядывал телефон. В 00:18 на экране появилось сообщение. Камера не читала текст, зато сняла лицо: Павел поблел, затем усмехнулся и оглянулся на кассира.

— Он что-нибудь сказал?

— Спросил, работает ли печать фотографий ночью. Я показала автомат у входа.

Автомат принимал карты памяти и отправлял снимки в облачную очередь. Журнал операций показывал одну печать в 00:21. Заказ оплатили наличными, файл удалили после выдачи. В лотке сохранился обрезок фотобумаги с заводским номером партии, но изображения не было.

На наружной камере Павел вышел со снимком в руке. Под фонарём разорвал его пополам. Одну половину выбросил в урну, вторую сложил и засунул под ремешок часов. К урне через девять минут подошёл человек в светлом дождевике. Достал выброшенную часть и ушёл в сторону порта.

Лицо снова скрывал капюшон. Рост можно было определить только приблизительно: от ста семидесяти пяти до ста восьмидесяти пяти. Человек берёт правую руку и открывал крышку урны левой.

— Тот же, что приходил в аптеку по доверенности? — спросила Вера.

— Похожее движение, — сказал Илья. — Не тот же человек, пока не сравним запись.

Урну опечатали. Дождь превратил бумагу внутри в серую массу, но половина снимка могла застрять между стенками. Вера смотрела, как криминалист снимает металлический вкладыш, и думала о второй половине под часами Павла. На теле остался только квадрат клея. Значит, кто-то знал, где искать.

Перед уходом кассирша вспомнила ещё одну деталь. Павел купил воду, но открыл бутылку у двери, сделал глоток и тут же выбросил почти полную.

— Будто вкус не понравился.

Бутылку нашли под верхним слоем мусора. Горлышко пахло гвоздикой. Её упаковали целиком, не проверяя на месте, был ли препарат в воде или запах перешёл с рук Павла после стоматолога.

* * *

Аптеку вскрывали при понятых.

Первой приехала заместительница Марины, Валентина. Она потребовала показать постановление, переписала фамилии всех присутствующих и сама проверила пломбы.

Она принесла рабочий халат Марины в отдельном пакете. Тот висел в комнате персонала с прошлого вечера. Карманы были вывернуты, один шов распорот.

— Я так не оставляла, — сказала Валентина. — Марина заставляет зашивать дырку до того, как положишь туда ручку.

В кармане сохранилась белая порошковая дорожка. Не лекарство: предварительная полоска показала мел или гипс. Подкладка пахла подвальной сыростью.

— Кто мог войти в комнату персонала?

— У всех сотрудников ключ. И у курьеров есть дверь со двора, но в кабинет без нас не пускают.

— Того мужчину пустили?

Валентина посмотрела на распоротый шов.

— Марина отвела его сама.

— Марина бы меня убила, если пропущу царапину, — сказала она.

— Когда видели её последний раз?

— После обеда. Она закрыла кабинет и велела никого не пускать к журналам. Потом пришёл мужчина из клиники.

— Шевцов?

— Нет. В маске, с доверенностью. Раньше не видела.

— Возраст?

— За сорок. Голос тихий. Правой рукой не пользовался.

Валентина показала журнал доставки. Подпись курьера совпадала с подписью в ателье Мерца: «Н. Беляев». Адрес паспорта — Хабаровск. Номер документа при проверке оказался настоящим, но владелец официально не работал в клинике.

Копия доверенности сохранилась в сканере. На бланке стояла печать клиники и факсимиле Шевцова, но срок действия закончился год назад. В строке «представитель» фамилию вписали поверх корректора.

— Марина бы такую не приняла, — сказала Валентина.

— Приняла, — ответил Илья.

— Значит, узнала человека.

В журнале видеонаблюдения не хватало двадцати трёх минут. Камера у служебной двери записала мужчину входящим, потом изображение перескочило на пустой коридор. Перегрузки в системном файле не было. Фрагмент удалили под учётной записью Марины.

Валентина назвала пароль с третьей попытки: дата исчезновения Лиды. Его знала вся аптека, потому что Марина не меняла годами.

— Марина проверяла паспорт? — спросил Илья.

— Да. Потом долго разговаривала с ним на улице. Вернулась белая и сказала пересчитать мидазолам.

— Почему не сообщила сразу?

— Сказала, сначала хочет понять, что именно украли: препарат или запись о нём.

Эта фраза была похожа на Марину. Она не искала ближайший ответ. Искала тот, который оставлял ей право действовать одной.

Перед входом Вера сняла целую пломбу, замок и показания часов над дверью. Илья вслух перечислил всех участников. Только после этого Валентина открыла помещение.

Она занимала первый этаж бывшего рыбного магазина. За прилавком пахло картоном, мятными пастилками и йодом. На стекле висела записка: «Санитарный день». Почерк Марины.

Ключ от служебной двери нашли у владелицы здания. Замок не был повреждён.

В кабинете Марины стоял металлический шкаф для препаратов строгого учёта. Пломба целая. В журнале расхода мидазолама все строки сходились: шесть ампул пришло, четыре выдали выездной бригаде, две списали из-за повреждённой упаковки.

Физически шкаф был пуст.

Внутри пахло спиртом и облепиховым кремом. На нижней полке лежал круглый след от ампулы и мелкие стеклянные осколки. Две ампулы могли действительно разбиться, но тогда должны были остаться горлышки с номерами партии и акт списания.

Акт нашли в папке. На нём подписи Марины, Валентины и санитарки, которая в день списания лежала в больнице после операции. Подпись Валентины тоже оказалась чужой.

— Я никогда не пишу отчество полностью, — сказала она. — И ручка не моя.

Дата акта стояла за три недели до смерти Павла. Подделку готовили заранее, если документ создавали ради убийства. Или препарат исчез раньше и только теперь получил назначение.

Илья запросил у районной больницы номер партии. Егор по телефону подтвердил: в крови Павла обнаружили стабилизатор, соответствующий одной из двух партий, которые поставлялись и в аптеку, и в клинику Шевцова. Сам препарат пока не выводил к одному шкафу.

— Она сама сообщила о недостатке, — сказала Вера.

— После убийства.

— Могла молчать.

— Могла знать, что ревизия найдёт.

Илья надел очки и просматривал журнал постранично. Записи делали три человека. У Марины буквы были узкие, с сильным наклоном. Строка о списании написана похоже, но цифра два отличалась: верхняя дуга замкнута.

— Подделка? — спросил он.

Вера взяла лупу.

Перед тем как касаться журнала, она попросила снять каждую страницу с линейкой и цветовой шкалой. Бумага у корешка была надорвана, нумерация перескакивала с сорок восьмой на пятидесятую. Лист сорок девять удалили целиком, а строку о списании вписали на обороте предыдущего.

В нижнем углу сохранился фрагмент круглого отверстия от дырокола. У соседних страниц отверстия не совпадали на два миллиметра. В журнал вставили лист из другой пачки и состарили края чаем или раствором йода.

— Это делал человек, который рассчитывал на быстрый пересчёт, — сказала Вера. — Не на экспертизу бумаги.

— Марина и сообщила о недостатке, — сказал Илья. — Значит, знала, что экспертиза будет.

— Или обнаружила чужую подделку.

Валентина слушала из дверей. На слове «чужую» закрыла глаза, как будто получила разрешение дышать.

Чернила в строке блестели сильнее соседних. Под ними виднелись продавленные следы другого текста.

— Страницу писали поверх. Нужен косой свет.

Она погасила лампу и положила фонарь почти на стол. Проявились вдавленные буквы с предыдущего листа: дата, фамилия пациента, количество.

Фамилия — Шевцов.

Количество — две ампулы.

— Это не расход, — сказал Илья. — Он не мог получить препарат как пациент.

— Может быть накладная на клинику.

— Тогда должна быть доверенность.

В папке доверенностей нужного документа не оказалось.

Вера сфотографировала продавленную строку.

— Марина выдала ему препарат, потом переписала страницу.

— Или кто-то воспользовался её журналом.

На обороте листа сохранилось жирное пятно от крема для рук. Марина пользовалась кремом с облепихой; запах держался у неё на пальцах ещё в комнате опросов.

— Писала она, — сказала Вера.

Илья вызвал эксперта по документам.

В нижнем ящике стола нашли фотографию Лиды. Девочка стояла на пляже, шурилась от солнца. Снимок был сложен пополам. На обороте рукой Антона Ланского написано: «Вход через П-4. Сброс 04:17. Беляев видел».

— Отец передал это Марине, — сказала Вера.

— Или она украла у него.

— Какая теперь разница?

— Для мотива — большая. Если Антон помогал ей, она расследовала вместе с ним. Если украла, могла считать его соучастником.

За фотографией лежал конверт с волосами. Светлые пряди были перевязаны ниткой. На конверте: «Лиды, расчёска, 2006».

Марина хранила образец для сравнения.

Илья сел на край стола.

— Она ждала тело.

— Она знала, что его найдут.

— Или собиралась найти сама.

На компьютере пароль не стоял. Последний открытый файл — таблица приливов за август. Красным отмечены четыре окна: ночь смерти Павла, ближайшие 04:17 и ещё два отлива через сутки и через двое.

История браузера показывала запросы о старых дренажных системах, приливных клапанах и восстановлении данных с плёнки. Марина заказывала фонарь, страховочную верёвку и складные болотные сапоги. Посылку получила неделю назад.

В списке недавних документов был ещё один план, но файл удалили. Временная копия сохранила заголовок: «Прибой. Подземный уровень. Исполнительная схема 1998». Автор — Николай Беляев. Марина открывала её в ночь перед кражей задника.

— Откуда файл? — спросил Илья.

В свойствах стоял адрес электронной почты без имени, зарегистрированный месяц назад. То же время, когда купили сим-карту на паспорт Лиды.

Кто-то снабжал Марину планом и одновременно готовил образ мёртвой сестры.

Рядом лежала распечатка плана санатория. Неофициальная, собранная из строительных схем. Под главным корпусом Марина нарисовала канал и поставила вопросительный знак у технического резервуара.

На карте не было бокового тоннеля, по которому убийца мог пройти к волнорезу.

Вера заметила это позже. Сначала увидела надпись у резервуара:

«Лиды здесь».

— Она пошла туда, — сказала Вера.

— Если карта верная.

- До следующего отлива восемь часов.
- В санаторий мы не войдём без инженеров. Стена аварийная.
- Марину стена не остановит.

Илья позвонил спасателям и распорядился проверить береговые выходы. Потом набрал Шевцова.

Тот ответил после пятого гудка.

- Аркадий Львович, кто может открыть подземные помещения «Прибоя»?

Пауза.

- Никто. Старые замки залиты бетоном.
- У Марины Резник есть план резервуара.
- У неё может быть рисунок чего угодно.
- Она пропала.
- Сожалею.
- Где вы сейчас?
- В клинике.
- Оставайтесь там. К вам приедут.

Шевцов отключился.

Илья посмотрел на экран.

- Слишком спокойно.
 - Теперь тебе не нравится подозреваемый, потому что он неудобный?
- Он не улыбнулся.

В складском помещении аптеки эксперт нашёл коробку с пустыми ампулами. Большинство были раздавлены и приготовлены к утилизации. Две лежали целыми, с аккуратно снятыми этикетками.

Стекло целых ампул отличалось оттенком. Под ультрафиолетом одна светилась зеленее. Номера партий сняли растворителем, но в царапинах сохранились следы синей краски.

- Их принесли сюда пустыми, — сказала Валентина. — Наши ампулы янтарные.

Илья сверился с накладной. Мидазолам из последней партии действительно поставлялся в тёмном стекле. Прозрачные ампулы могли быть от другого препарата и служили декорацией для обыска.

Отпечатки Марины объяснялись просто: она перебирала весь медицинский мусор при проверке. Но почему оставила две целые ёмкости, если заметила подмену, ответить было некому.

На стекле — отпечатки Марины.

В мусорной корзине под ними обнаружили кусок чёрного бархата с деревянной пылью. Такой бархат прокладывал пазы в заднике Мерца.

Илья упаковал находку.

- Она взяла плёнку.
- Да.
- Выдала мидазолам Шевцову.
- Возможно.
- Исчезла после смерти Павла.
- Вместе со Светланой.
- У нас две версии. Марина мстит участникам той ночи. Или Шевцов убирает свидетелей, а Марина полезла за доказательствами.
- В первой версии зачем подбрасывать фигуру с часами Шевцова?
- Чтобы обвинить его.
- Во второй зачем Шевцов оставляет собственный голос на кассете?
- Чтобы запись нашли у Марины.

Обе версии складывались слишком хорошо. Значит, хотя бы одну складывал за них убийца.

Вера вернулась в кабинет и ещё раз осмотрела стол. Телефон Марины лежал в верхнем ящике, выключенный. Под ним — связка ключей. Дом, аптека, машина.

Один ключ был сломан у самого основания.

Свежий металл на изломе блестел. Ключ сломали недавно, поворачивая в тугом замке. На бороздках оставалась серая смазка и крупинка кирпичной пыли, похожей на стены «Прибоя».

— Если Марина дошла до двери, второй обломок в замке, — сказал Илья.

— Или тот, кто был с ней, забрал его.

Кольцо связки было разжато инструментом. Один ключ сняли целиком, оставив царапины. Марина уходила не со всей связкой: кто-то вернул её в ящик после исчезновения или забрал нужный ключ до встречи.

Вера сняла положение каждого зубца. Важным мог оказаться не сломанный П-4, а пустое место рядом.

На алюминиевой бирке сохранилась половина надписи: «П-».

— Ключ от четвёртой двери, — сказала Вера.

— Один уже у нас.

— Значит, существовал второй.

Она перевернула бирку. На обратной стороне царапиной нанесено одно слово: «ЗАВ-ТРА».

Завтра.

В этот момент в торговом зале звякнул колокольчик над входом.

Илья вышел первым.

На прилавке лежал мокрый металлический задник, похожий на принадлежность камеры Мерца. Вода стекала с него на стекло.

В аптеке никого не было.

Внутри оказался короткий отрезок новой непроявленной плёнки и записка:

«Светка ещё жива. До 04:17».

Глава 10. Время 4:17

Плёнку проявили в передвижной лаборатории у аптеки.

Вера стояла за спиной криминалиста и следила за его руками. Илья не разрешил ей касаться задника. На этот раз она не спорила.

Лист был снят большой камерой. Один кадр, без наложения. Светлана сидела на кафельном полу, привалившись к батарее. Руки свободны. На коленях лежал лист бумаги с цифрами 04:17. За спиной — запотевшее окно, разделённое металлическими переплётами.

Глаза Светланы были открыты. Она смотрела левее объектива, на человека за камерой. Плечи подняты, пальцы правой руки вцепились в край бумаги. На запястье отпечатался узкий ремешок, которого на снимке уже не было.

— Её связали перед фотографией и освободили руки, — сказала Вера.

Криминалист увеличил кисти. На ногтях не было крови, кожа ладоней оставалась чистой. Значит, кадр сделали до того, как Светлана начала вырываться в машине или в санатории.

У нижнего края снимка виднелся носок мужского ботинка. Чёрный, гладкий, без строительной грязи. Фотограф стоял справа от камеры и удерживал спусковой тросик ногой или передавал его другому человеку.

— Снова двое? — спросил Илья.

— Или Светлана сама нажала тросик. Но взгляд всё равно направлен на кого-то.

В левом верхнем углу сохранился номер помещения: 214.

— Второй этаж «Прибоя», — сказала Вера.

— Там номера сняты, — ответил Илья.

— В лечебном корпусе были кабинеты. Номера рисовали синей краской прямо на стене. Криминалист увеличил снимок.

Под окном виднелась труба отопления. На соединении — свежая зелёная краска. За стеклом угадывался не берег, а склон с рядами тёмных елей.

— Окна во двор, — сказал Илья.

— Или другой корпус.

— Сколько помещений с номером двести четырнадцать?

— Сейчас узнаем.

Он вызвал группу, которая дежурила у ворот санатория. Ответ пришёл через минуту: лечебный корпус опечатан, следов вскрытия нет. Кабинет 214 существует. Окна выходят во внутренний двор.

— Не входить без нас, — распорядился Илья.

Вера посмотрела на часы. 03:41.

— До четырёх семнадцати тридцать шесть минут.

— Я умею считать.

— Тогда поехали.

Илья задержал её у двери.

— На снимке часы отсутствуют. Мы принимаем четыре семнадцать за крайний срок только потому, что это написано на бумаге.

— И потому что в это время сработал сброс на волнорезе.

— Именно. Кто-то уже научил нас бояться этих цифр. Может снова вести туда, куда удобно.

— Если не поедem, Светлана умрёт в настоящем месте, пока мы обсуждаем ложное.

— Поэтому едем двумя группами. Одна в санаторий, вторая проверяет водозабор и дом Светланы.

Илья вызвал дежурного и выяснил, что свободна одна машина. Вторая увезла образцы во Владивосток, третья стояла без тормозов.

Он раскрыл карту района прямо на капоте. Дениса отправил к водозабору вместе со сторожем, второму экипажу приказал проверить квартиру Светланы и гараж Павла. Портовая аварийная бригада получила санаторий. Клинику Шевцова должен был закрыть областной наряд, который ещё ехал из района.

— Если фотография сделана не в «Прибое», мы размажем людей по четырём местам, — сказал Илья.

— Если соберём всех в одном, остальные останутся пустыми.

Он посмотрел на Веру и кивнул. Это не было согласием. Только признанием, что другого решения нет.

На обратной стороне фотографии сохранилось влажное кольцо от кружки и крупинка синей краски. В кабинете 214 должны были искать женщину и следы того места, где снимок печатали.

— Я позвоню спасателям, — сказала Вера.

— Они не войдут на аварийный объект без полиции.

— Тогда попроси порт.

Через пять минут к администрации подъехал старый микроавтобус аварийной бригады. Двое портовых спасателей привезли лом, верёвки и кислородный баллон. Один знал Светлану: она начисляла ему зарплату и трижды находила ошибки в табелях.

— Света бы не сидела спокойно для фотографии, — сказал он, рассматривая копию. — Она терпеть не может закрытые окна.

— Откуда знаете?

— В бухгалтерии заклинило раму. Она разбила стекло стулом, хотя дверь была открыта.

Вера посмотрела на позу Светланы. Руки свободны, рядом батарея, окно запотело. Если снимок делали без сильного седативного, её удерживало не запертое помещение.

— За кадром кто-то был, — сказала она. — Тот, ради кого она не пыталась уйти.

Илья открыл дверь.

— Или тот, кого она боялась больше темноты.

* * *

Шлагбаум у «Прибоя» был поднят. У ворот стояли две полицейские машины и фургон спасателей. Инженера не дождались: Илья взял ответственность на себя и записал решение на нагрудную камеру.

Охранника нашли в будке за столом. Сначала решили, что спит. Он не отреагировал на сирену и открыл глаза только после того, как фельдшер прижал костяшки к груди. Речь была смазана, правый зрачок реагировал медленнее.

— Выпил? — спросил Илья.

Охранник попытался возмутиться, но язык не слушался. На столе стояла кружка чая. Рядом — термос с логотипом клиники Шевцова, чистый снаружи, ещё тёплый. Охранник показал на него и произнёс:

— Принесли.

— Кто?

— Смена.

В журнале сменщик расписался в 02:55 и ушёл через четыре минуты, сославшись на боль в животе. Телефон был выключен. Термос обычно хранился в будке: клиника выдала его охране прошлой зимой вместе с аптечкой. Связь со Шевцовым выглядела прямой и потому ничего не доказывала.

Фельдшер забрал чай на анализ и не стал давать охраннику стимулятор вслепую. Его уложили на бок, подключили кислород и повезли в районную больницу. На внутренней стороне локтя прокола не было. Препарат, если он был, попал через рот.

С пояса охранника исчезла электронная карта. Металлические ключи остались. В системе доступа последним значился вход в лечебный корпус в 03:06, затем карта открыла техническую дверь на первом этаже и больше не использовалась.

— Карта именная? — спросила Вера.

— Да, — ответил второй охранник. — Но фотографий на экране нет. Только номер.

— Кто знал код карты?

— Код написан на обороте.

Илья перевернул запасную. Четыре цифры действительно были выведены маркером. Система защищала санаторий от посторонних и помогала любому, кто уже подошёл достаточно близко.

Карту объявили утраченной и заблокировали. Через сорок секунд контроллер сообщил о новой попытке входа со стороны водолечебницы. Кто-то внутри не знал, что доступ отозвали.

Илья приказал перекрыть выходы и назвал в рацию время. Теперь они знали: в здании находился живой человек, который двигался вместе с ними.

В лечебный корпус вошли через разбитую дверь галереи. Двое пошли по лестнице, двое остались у выходов. Вера держалась позади Ильи.

— Если найдём её, не подходи, — сказал он.

— Я слышала это на волнорезе.

— И всё равно подошла.

— Поэтому ты повторяешь?

— Поэтому надеюсь однажды достучаться.

На втором этаже двери шли по обе стороны коридора. Номера сохранились через один. Двести восьмой. Двести десятый. На месте двести двенадцатого висела пустая рамка.

Каждую дверь отмечали мелом после проверки. В двести восьмом нашли гору матрасов и свежую пачку сигарет без двух штук. В двести десятом работал удлинитель, протянутый с первого этажа. Вилка была тёплой, но прибор на конце исчез. Кабель уходил под дверь технического шкафа и обрывался внутри.

— Питание камеры или нагревателя, — сказал спасатель.

На стенке шкафа осталась прямоугольная пыльная рамка размером с аккумулятор. Кто-то снял устройство перед их приходом. Удлинитель оставил, чтобы показать спешку или направить поиск.

Вера сфотографировала вилку. На пластмассе виднелась синяя дуга, похожая на знак с фрагмента перчатки под ногтями Павла. Масштаб был другим. Совпадение формы ещё не означало общий предмет.

На втором этаже группа разделилась. Двое пошли к кабинету по главному коридору, спасатель — через помещения со стороны двора. Илья заставил каждого сверить часы. Связь работала с задержкой: голос в рации приходил через несколько секунд, словно здание сначала слушало само.

— Двести двенадцатый пуст, — сообщил Денис.

— Двести тринадцатого нет на схеме, — ответил спасатель. — Между стенами полтора метра лишних.

Вера остановилась. Коридор снаружи был длиннее ряда кабинетов. Пространство съела техническая полость, возможно тот же канал, через который провели камеру на чердак отцовского дома.

— Отметьте стену, но не вскрывайте, — сказал Илья. — Сначала человек.

Под дверью двести четырнадцатого лежала полоска света. Лампа внутри мигала с равными интервалами: три коротких, один длинный. Их детский сигнал воспроизводили уже не для испуга, а чтобы Вера заметила.

Она сняла видео. На записи мигание оказалось другим — два коротких, пауза, два. Камера телефона подстраивалась под частоту лампы и создавала собственный рисунок.

— Не доверяй даже этому, — сказал Илья.

— Я и не доверяю. Сохраняю.

У косяка обнаружилась тонкая леска. Она уходила под потолочный плинтус. Если распахнуть дверь полностью, леска потянула бы неизвестный механизм.

Спасатель зафиксировал полотно клином и перерезал леску между двумя зажимами, сохранив концы. За стеной тихо звякнул металл.

Кабинет 214 был открыт.

Илья поднял руку. Спасатель с ломом отступил к стене. Из комнаты не доносилось ни звука.

Вера увидела батарею, запотевшее окно и пустой кафель.

Светланы не было.

На снимке под её левым локтем проходила трещина плитки. В настоящей комнате трещина шла справа. Фотографию зеркально перевернули при печати или сняли другой кабинет с той же планировкой.

Вера подняла лист к окну. Цифры 04:17 были написаны на обратной стороне, чтобы после переворота читаться правильно. Светлана держала перед камерой зеркальный текст.

— Она знала, что кадр перевернут, — сказала Вера. — Значит, могла оставить второй знак.

На полях бумаги нашли четыре прокола и семнадцать коротких вмятин от ногтя. Светлана не писала код. Она считала.

Илья передал по рации: искать четвёртый блок или секцию, узел номер семнадцать. Ответили сразу из вестибюля: на старой схеме водолечебницы оборудование делилось на четыре секции, у каждой были пронумерованные клапаны.

На полу лежал лист с цифрами 04:17. Бумага ещё не высохла после проявки. Под ней — прямоугольник чистой пыли, словно человек сидел здесь несколько часов.

— Фотография настоящая, — сказала Вера. — Её перенесли после снимка.

Илья осветил батарею. К трубе прилип длинный светлый волос. Светлана красила волосы в тёмный цвет, но у корней проступала седина. Этот был почти белым.

На подоконнике стояла кружка с горячей водой. Стекло запотевало от пара. Кто-то готовил сцену заново, чтобы она совпала со снимком.

Спасатель коснулся батареи.

— Холодная.

— Пар не от отопления, — сказала Вера.

Она посмотрела на трубу. Зелёная краска оказалась не краской, а полосой изоленды.

— Окно другое.

— Что?

— На снимке соединение трубы окрашено целиком. Здесь лента. Нам дали номер, а детали подменили.

Илья сорвал лист со стены. Под цифрой четыре проступал старый знак: «Водолечебница».

— Первый этаж, — сказал он.

Из глубины здания донёсся металлический удар.

Потом женский крик.

Они побежали.

Лестница вниз была завалена упавшими шкафами. Спасатели остались разбирать проход. Илья повёл Веру через боковой коридор к служебной лестнице. Там дверь оказалась заперта изнутри.

— Назад, — сказал он.

— Есть другой путь.

Она помнила лестницу из 2006 года — узкую, без перил, за комнатой с ваннами. Они спустились через пролом в стене. Под ногами шевелилась плитка. Пыль забивала рот.

На первом этаже коридор был затоплен по щиколотку. Вода текла из открытой трубы, собиралась в низине и уходила под дверями.

Вера почувствовала знакомый сладкий запах.

— Гвоздика.

Илья выключил фонарь и сразу включил снова, направив луч под ноги. В воде плавал кусок ватного тампона, пропитанный бурой жидкостью.

— Не наступать.

Крик повторился. Теперь ближе.

Они нашли Светлану в старой комнате минеральных ванн. Она лежала между двумя разбитыми чашами, связанная за одну руку ремнём. Вторую ей удалось освободить. Лицо было мокрым, губы посинели. Возле головы валялся пустой шприц.

Ремень проходил через скобу в полу. На коже правого запястья сохранился более ранний след, уже от другого материала — тонкой пластиковой стяжки. Светлану связывали минимум дважды. Возле левой ладони лежал сломанный зубец заколки.

Вера увидела на кафеле смазанные цифры. Светлана писала их собственной кровью, но вода разнесла знак. Остались четыре вертикальные полосы и крючок, похожий на единицу. Не 4:17. Она пыталась указать детали узла ещё до их появления.

На краю ванной стояла бутылка без этикетки. Крышка была проколота иглой, вода внутри пахла мятой. Илья не дал фельдшеру использовать её даже для промывания.

— Света.

Вера опустилась рядом, но Илья оттеснил её плечом и проверил дыхание.

— Жива. Слышишь меня?

Светлана открыла глаза. Зрачки почти не реагировали.

— Вера?

— Здесь.

— Не пускай воду.

Илья разрезал ремень. Из вентиляции над ванной шёл низкий гул.

На стене висели круглые часы без стрелок. Вместо циферблата — тёмное отверстие. Из него выглядывал объектив.

Вера подошла и заслонила камеру ладонью.

— Он смотрит.

— Не трогай, — сказал Илья.

— Пусть теперь не видит.

Светлана попыталась подняться. Ноги не держали. Вера подхватила её под спину. Прикосновение к мокрой одежде вызвало знакомое отвращение, но она удержала.

— Где выход? — прошептала Светлана.

— Позади нас.

— Нет. Он закрыл.

Служебная дверь захлопнулась.

Илья вставил в щель клин, но язычок замка уже ушёл в стальную коробку. Механизм тянул тонкий кабель, проложенный вдоль трубы. Кто-то закрыл дверь дистанционно из соседнего помещения.

Вера направила фонарь на круглое отверстие часов. Объектив повернулся вслед за лучом. Камера имела привод и продолжала следить.

— Связь снаружи есть? — спросила она.

Рация Ильи ответила треском. Металлическая дверь и вода глушили сигнал. Он поднял антенну к вентиляции, передал их положение трижды. Только после третьего раза из шума пришло: «Принял».

В коридоре вода поднялась ещё на сантиметр. Не быстро. Убийца рассчитывал не утопить их сразу, а удержать перед камерой до момента сброса.

Илья дёрнул ручку. Замок не поддался. Вода в коридоре начала прибывать. За стеной загрохотал механизм.

— Сброс, — сказала Вера.

— До четырёх семнадцати ещё десять минут.

Светлана засмеялась. Смех перешёл в кашель.

— Не время. Номер.

— Какой номер?

Она подняла свободную руку и провела пальцами по запотевшему стеклу перегородки. Написала: 4:17.

Потом стёрла цифры ладонью.

— Не время, — повторила она.

— Что тогда? — спросила Вера.

Светлана посмотрела на неё ясно, почти трезво.

— Ты вернулась. Я нет.

Снаружи ударили ломом по двери. Спасатели нашли их.

Замок выдержал первый удар, второй. На третьем лопнула рама. Илья передал Светлану через проём. Вера выбралась следом.

В коридоре вода дошла до середины голени. Из решётки в полу выбрасывало пену.

Светлану уложили на носилки. Фельдшер поставил кислород, проверил пульс и выругался.

— Что ещё принимала? — спросил он.

Светлана не ответила. В кармане пиджака нашли блистер таблеток от тревоги, но все ячейки оставались целыми. На языке синел след красителя. Препарат могли дать в растворе, замаскированном под воду.

Вера вспомнила кружку в ложной комнате. Горячая вода создавала пар, но могла служить и проверкой: если Светлана откажется пить, постановщик поймёт, что она ещё контролирует себя.

— До комнаты она шла сама, — сказала Вера. — Следы в коридоре начинаются у лестницы. Каблуки не волочились.

— Потом её перенесли, — ответил Илья. — Отсюда следов нет.

На подошвах Светланы обнаружилась сухая красная крошка. Та же гранитная отсыпка лежала во дворе клиники и у аптеки. Поверх неё — мокрый серый ил из санатория. Последовательность была ясна: сначала она находилась на красной дорожке, затем попала внутрь корпуса.

Фельдшер ввёл антидот только после консультации с токсикологом. Пульс поднялся, потом снова провалился.

Носилки понесли по коридору. На повороте Светлана очнулась и ухватилась за дверной косяк. Ногти оставили четыре светлые полосы.

— Не в машину, — прошептала она.

— Это скорая, — сказал фельдшер.

— Он возил так же.

— Кто?

Она посмотрела на круглое зеркало под потолком. В нём отражались все, кроме человека, стоявшего за носилками: там оставалось пустое пятно света.

Вера обернулась. За носилками был только Денис.

Светлана закрыла глаза, но пальцы не разжала. Пришлось осторожно отвести каждый. Под ногтями осталась белая краска с косяка — чистый контрольный материал, который позже можно будет отделить от того, что накопилось раньше.

— Давление падает. Что ввели?

— Предположительно мидазолам, — сказал Илья.

— Тут не только он.

На шее Светланы было два прокола. Один свежий, второй с начинающимся синяком.

Она схватила Веру за рукав.

— Павка видел.

— Что?

— Она была жива.

— Лида?

Светлана моргнула.

— Он ушёл. Я вернулась.

— Кто был с тобой?

Губы Светланы шевельнулись. Вера наклонилась.

— Врач.

— Шевцов?

Светлана издала слабый звук. Не согласие и не отрицание.

Её пальцы разжались.

Фельдшер оттолкнул Веру и начал реанимацию. Носилки качнулись. Кто-то снял кислородную маску, кто-то разрезал серый пиджак.

Из кармана выпала красная пластиковая заколка.

Вера подняла её в перчатке.

На внутренней стороне засохла старая бурая кровь.

— Она была у Светланы всё это время, — сказала Вера.

Илья смотрел на фельдшера.

Тот остановился через двадцать минут.

Фельдшер назвал время вслух, но ещё держал ладони на груди Светланы. Илья повторил 04:24 для камеры. Семь минут после цифр, которыми их пугали. Время оказалось приманкой, не моментом смерти.

Вера сняла руки фельдшера, кислородную маску, два прокола на шее и красную заколку в пакете. Потом опустила камеру. На следующем кадре Светлана уже была бы просто телом, и Вера не смогла решить, нужна ли эта граница делу.

Илья накрыл лицо серой термоплёнкой. Материал шуршал от сквозняка. Из-под края оставалась видна ладонь с размазанными цифрами.

В 04:24.

Денис сообщил по рации о второй группе только после того, как фельдшер назвал время. У водозабора они нашли включённый телефон Светланы в полиэтиленовом пакете. Из динамика каждые пять минут звучал женский крик. Запись была той же, что привела их в лечебный корпус, но обрезанной на другом месте.

Возле пакета лежали следы маленькой обуви и прядь тёмных волос. Обувь принадлежала манекену или штампу: давление одинаковое, шаг слишком длинный. Волосы оказались с парика из витрины закрытого магазина. На эту сцену ушли двое сотрудников и двадцать минут.

В квартире Светланы дверь была открыта, чай остывал, на полу валялась пустая ампула аптечной партии. Её положили так, чтобы первой увидела камера вошедшего. На стекле не

было отпечатков, а содержимое никогда не соприкасалось с кровью Светланы. Третья группа получила готовое обвинение против Марины.

В гараже Павла нашли коробку, о которой говорила Кира. Внутри — старые часы, ключ от мастерской и пустой конверт. Задников и фотографий не было. На крышке сохранился свежий след синей перчатки. Человек обыскал гараж до полиции или подготовил ещё одну точку, которая должна была удерживать их подальше от санатория.

Илья слушал отчёты, стоя рядом с накрытым телом. Их решение разделить было правильным по информации в тот момент и оказалось именно тем, на что рассчитывал убийца. Он не мог забрать всё сразу, зато заставлял каждую группу находить достаточно, чтобы не уйти.

— Все точки сохранить, — сказал Илья. — Ничего не свозить вместе до отдельной упаковки.

Даже после смерти Светланы работа не могла собраться вокруг неё одной. Убийца разложил ночь на четыре сцены, и каждую требовалось разобрать, иначе одна подброшенная ампула перепишет остальные.

* * *

Камера в часах передавала сигнал по проводу. Кабель уходил в вентиляцию и дальше под пол. Конец нашли обрезанным у стены. Убийца наблюдал из другого помещения или записывал изображение на спрятанный блок.

На двери комнаты не оказалось чужих отпечатков. На шприце — тоже.

В воде нашли частицы ржавчины, остатки дезинфицирующего раствора и белые волокна старой теплоизоляции.

Когда тело Светланы увезли, Вера вернулась к стеклу. Надпись исчезла, но влага ещё держала след ладони.

Она осветила поверхность сбоку.

Под стёртыми цифрами проявилась стрелка вниз.

Не время.

Четвёртая секция, семнадцатый узел.

Светлана указывала место.

За стеклом находилась глухая стена.

Вера постучала. Пустота ответила низким звуком.

Глава 11. Комната без окон

Илья запретил вскрывать стену до приезда инженера.

— Второй этаж уже просел, — сказал он. — Если четвёртая секция несущая, нас накроет плитой.

— Светлана умерла, чтобы показать это место.

— Поэтому я не собираюсь умирать рядом и терять её показание.

Он выставил у комнаты пост и отправил Веру наружу.

Она дошла до вестибюля. На ступенях сидели спасатели, пили воду и молчали. За воротами серело море. Ветер разогнал туман, и санаторий выглядел обычной заброшенной коробкой.

Вера поняла, что оставила сумку в лечебном корпусе.

Там лежали телефон, документы и сигареты. Она сказала дежурному, куда идёт. Тот кивнул, не поднимаясь со стула.

На втором этаже было тихо. Дверь кабинета 214 осталась открытой. Сумка стояла у батареи.

Вера подняла её и услышала щелчок.

Сумка была легче. Вера сразу открыла внутренний карман: сигареты, документы, запасная карта памяти на месте. Исчез маленький пакет с окурком, который она подняла после первого звонка. Человек успел обыскать вещи, пока внизу спасали Светлану.

На ремне появилась белая пыль, которой не было раньше. Один карабин застегнули наоборот. Вера сняла сумку на полу и только потом коснулась молнии.

Щелчок раздался за спиной, из нового цилиндра в двери. Запирающий повернул ключ спокойно. Не хлопнул и не побежал.

Дверь захлопнулась.

Она дёрнула ручку. Замок повернулся снаружи.

— Эй!

Ответа не было.

Телефон не ловил сеть. Рация Ильи осталась у него. Вера ударила в дверь ногой. Доска выдержала.

Она включила запись звука и назвала время, номер комнаты, состояние двери. Потом положила телефон на пол у стены: если её найдут без сознания, запись сохранит хотя бы последовательность.

Под ручкой белела свежая царапина. Замок не был частью старой двери — цилиндр поставили недавно. В щели пахло машинным маслом.

Вера попробовала шпильку из волос. Механизм не поддался. Тогда она сняла ремень, обернула пряжкой ручку и потянула всем весом. Дерево застонало, но выдержало.

— Илья!

Коридор вернул её голос тихим эхом. Никто не ответил.

В сумке оставались две пары перчаток, фонарь, рулетка, складной нож, пластиковые пакеты и маленькая бутылка воды. Она сделала один глоток и закрыла крышку. Паника требовала дышать чаще; Вера заставила себя считать вдохи, как выдержку: четыре секунды внутрь, шесть наружу.

Сначала она проверила бутылку на прокол. Крышка цела, кольцо уже сорвано ею самой. Потом включила таймер на телефоне и поставила яркость на минимум. Заряда семьдесят два процента. Если вентиляция заполнит комнату газом, батарея не станет главной проблемой, но порядок действий удерживал голову.

Под дверью проходила щель шириной с палец. Вера просунула сложенный пакет, надеясь увидеть тень в коридоре. Пластик вернулся мокрым с одной стороны. Там стоял человек или только что пролили воду.

Она крикнула ещё раз. В ответ по двери провели металлическим предметом сверху вниз. Медленно, без удара. Царапина закончилась у замка.

С вентиляции посыпалась белая пыль. Частицы осели на чёрной сумке и зацепились за ткань. Вера сняла их крупно. Даже в запертой комнате привычка фиксировать возвращала контроль.

Внутри канала что-то протащили. Не крыса: звук шёл ровно, металл тёрся о металл. Потом раздался короткий кашель.

Человек оставался рядом.

— Я вас слышу, — сказала Вера.

Трение прекратилось.

Через несколько секунд из вентиляции подул воздух.

С потолка посыпалась пыль.

В вентиляции заработал вентилятор.

Сначала пошёл холодный воздух. Потом запах фотохимии — кислый, металлический. Вера закрыла лицо рукавом. У окна не было ручки, рама покрашена и забита гвоздями.

Она узнала уксусную кислоту из стоп-ванны, но под ней чувствовалось другое: сладковатый растворитель, от которого немели губы. Не смертельный газ из кино. Скорее пары реактивов, способные вызвать кашель, головокружение и панику в тесной комнате.

Вера намочила шарф водой и прижала к лицу. Бутылки хватило только на половину ткани. Она легла у пола, где воздух оставался чище, и посветила под батарею. Там проходила старая труба с отверстием для слива. Вода из бутылки уходила через него, значит, труба могла дать тягу.

Она заткнула верхнюю вентиляционную щель пакетом. Плёнка раздулась пузырьём, потом лопнула по шву. Вентилятор работал мощнее, чем казалось.

Она достала из сумки перчатки и складной нож. Поддела штапик. Дерево крошилось, но гвозди держали.

На полу у батареи лежал лист фотобумаги. Раньше его не было.

Изображение проступало прямо на глазах без ванночки и красного света. Сначала серое пятно, затем белые края комнаты. На снимке Вера стояла у двери. За ней в стене темнел прямоугольный проём.

Бумага была не обычной фотобумагой, а термочувствительным листом, заранее экспонированным и покрытым замедляющим слоем. Тёплый воздух батареи запускал проявление. Убийца рассчитывал, что Вера примет эффект за фотографию настоящего момента.

На снимке её пальто было застёгнуто, сумка висела на плече. Кадр сделали несколько минут назад, когда она вошла в кабинет. Камера находилась в вентиляции или в замочной скважине.

В нижнем углу белел номер 17. Не подпись и не время. Указание на тот же узел, которое Светлана уже дала кровью.

Она обернулась.

Стена была целой.

На фотографии проём находился там, где штукатурка вздулась от сырости. Вера простучала её рукоятью ножа. Пусто.

Воздух становился тяжелее. Горло защипало. Она пнула стену каблуком. Отлетел кусок штукатурки, показалась фанера. Ещё удар. Фанера треснула.

За ней шёл вентиляционный короб.

Слишком узкий для плеч, но ниже виднелась сервисная дверца. Вера сняла два ржавых винта ножом. Третий не поддавался. Она обмотала руку шарфом и вырвала дверцу вместе с креплением.

Открылся лаз высотой около полуметра.

Вера легла на живот. Из темноты тянуло влажным бетоном. Воздух там был чище.

Она протолкнула сумку вперёд и полезла.

Первый метр пришлось ползти на локтях. Телефон зацепился за металлический шов и выпал из кармана. Вера остановилась, не имея места развернуться. Экран лежал вниз, свет бил в щель.

Она дотянулась двумя пальцами. Нож в другой руке мешал, но выпустить его означало оставить позади. Когда телефон наконец скользнул к ладони, из кабинета донёсся звук открываемой двери.

Кто-то вошёл туда, где только что работал вентилятор. Не кашлянул. Значит, носил маску или знал, чем заполнил комнату.

Вера выключила фонарь и поползла в темноте. За спиной металл прогнулся под чужим весом. Человек полез следом, но остановился у узкого участка. Раздался короткий скрежет, и вентиляционная заслонка за Верой закрылась. Обратный путь исчез.

Металл царапал спину. В колене снова заболела ссадина с волнореза. Через несколько метров короб расширился и повернул вниз. Под ногами была решётка, за ней — чёрная комната.

Вера ударила по решётке. Одна сторона отвалилась.

Она спустилась, повисла на руках и отпустила.

Пол оказался ближе, чем ожидала. Удар прошёл через пятки в позвоночник.

Комната была без окон. Луч телефона выхватил сушильные шкафы, натянутые лески и деревянные прищепки. На стене сохранилась табличка: «Фотоматериалы. Посторонним вход воспрещён».

Воздух здесь был холодным и влажным. На полу лежали свежие отпечатки двух видов: гладкая подошва с небольшим сколом на пятке и рифлёные рабочие ботинки. Гладкие следы подходили к каждому шкафу. Рабочие шли от двери к вентиляции и обратно.

В одном месте гладкая подошва наступила поверх рабочей. Значит, люди приходили не одновременно или один переобулся. Вера сняла следы под косым светом. Размеры отличались на два номера.

У стены стоял складной стул, на сиденье — кружка с ещё влажным ободком. Наблюдатель проводил здесь время. Не прибежал на минуту поставить реквизит.

Пол уходил под уклон к чугунному сливу. Вокруг него засохло кольцо бурого налёта. Вера опустила индикаторную полоску из набора: слабая реакция на кровь и сильная — на железо. Здесь промывали не только фотографии или металл резервуара давал такой же след.

У первого шкафа дверца была приоткрыта. Внутри висели детские платья для постановочных санаторных снимков: белое, голубое, клетчатое. Ткань рассыпалась на сгибах. На одном подоле сохранилась свежая морская вода.

Светлая фигура на отпечатках могла быть не человеком. Убийца снимал платье на каркасе, совмещал с негативом и заставлял зрителя дорисовать лицо.

Вера подняла ткань пинцетом. За платьем стоял деревянный манекен высотой с взрослого. На месте головы — матовый овал, перечёркнутый белой полосой. Точная форма «Лиды» с найденного кадра.

Она сняла конструкцию со всех сторон. На шее манекена обнаружила несколько светлых волос. Они были приклеены каплей прозрачного лака, а не оставлены случайно.

В нижнем ящике лежали прозрачные плёнки с отдельными частями одного изображения: лабораторный пол, тёмное пальто Веры, рука Ильи со свежей повязкой. Лиц на заготовках не

было. Фигуры собирали из кадров наблюдения на волнорезе, накладывали на снятую заранее комнату и переснимали на широкую плёнку. На полях сохранились кресты совмещения, которые уходили за край будущего кадра.

Восьмой кадр из чердачной камеры не предсказывал её смерть. Его подготовили между волнорезом и утренним осмотром дома, пока повязка Ильи уже существовала, а найденную камеру ещё не сняли со штатива. Лицо Веры там и не было видно, потому что вместо неё на полу лежал манекен в похожей одежде.

Отдельно хранилась полупрозрачная маска взрослой женщины. Левую половину собрали из нынешней фотографии Марины, правую — из школьного портрета Лиды, искусственно состаренного через зернистое стекло. Эту маску вклеили за восьмым кадром там, где плёнка уже не должна была нести изображение.

Вера сняла листы по отдельности и в наложении. Совмещение не было идеальным: край повязки уходил под рукав, тень манекена падала в другую сторону. В красном свете лаборатории и под первым ударом страха ошибки казались чудом.

Убийца заранее соединял человеческую улику с фальшивой фигурой.

Второй шкаф запирался на замок. Вера нашла ключ в кармане фартука у двери. Внутри стояли бутылки с современными реактивами, приобретёнными не больше года назад. Этикетки срезаны, но на одной сохранился фрагмент штрихкода клиники.

На пробке остался круглый след от зубов. Кто-то открывал её ротом в перчатках. Рядом лежал рулон аптечных этикеток без печати и нож, которым соскабливали номера партий с ампул.

Вера сняла серийный номер бутылки. Первые цифры указывали на поставщика фотоматериалов во Владивостоке, не клинику. Фрагмент штрихкода могли приклеить специально. В комнате опять смешали настоящее происхождение с удобной стрелкой.

На задней стенке шкафа виднелось пустое место от ещё одной ёмкости. Круг пыли совпадал по диаметру с бутылкой, которую нашли у головы Светланы.

Телефон продолжал запись в верхнем кармане. Вера вслух назвала всё, что видела, и запретила себе открывать бутылки.

На нижней полке лежал рабочий журнал сушильни. Последняя старая запись датировалась две тысячи первым годом. После неё другой ручкой появились четыре даты текущего августа. Напротив каждой — две цифры: температура и время.

Первая совпадала с ночью смерти Павла. Вторая — с исчезновением Светланы. Две оставались будущими.

В графе времени стояли не часы смерти, а интервалы сушки: девятнадцать, двадцать три, семнадцать, четыре. Напротив будущих дат были инициалы «М. Р.» и «В. Л.». Марина и Вера. Имена могли быть очередью будущих сцен или списком тех, кого собирались напугать.

Вера сняла страницу, затем просветила её фонарём. Под свежими чернилами проступал старый текст: режимы сушки медицинских рентгеновских плёнок. Убийца использовал настоящий журнал санатория, чтобы новые записи выглядели частью истории.

На полях кто-то несколько раз упражнялся писать почерком Антона. Буква «В» получалась слишком круглой. Такая же стояла на отпечатке Павла.

Убийца планировал продолжение.

Или хотел, чтобы она так прочитала инициалы. В старых журналах «М. Р.» могло означать «матовый рулон», «В. Л.» — «влажный лист». Вера перелистала соседние страницы. Таких сокращений раньше не было, но режимы сушки обозначали буквами, а не фамилиями.

Она сняла всю страницу и справочную таблицу на внутренней обложке. Если вырвать только строки с датами, получится список жертв. Если оставить контекст, остаётся возможность технической пометки. Убийца рассчитывал, что страх сам сделает монтаж.

Под журналом лежал лист пробных букв. Почерк Антона копировали не только по словам. Человек отрабатывал нажим левой и правой рукой, менял наклон, прикладывал кальку. Последний вариант был наиболее похож, но буква «Л» всё равно уходила вниз ровной чертой. У Антона дрожание поднимало конец вверх.

В углу листа отпечаталась ладонь в перчатке. Большой палец был полный. Фальшивую метку Беляева делал не человек с его травмой. Отпечаток могли перенести, зато перчатка с полной формой показывала руку изготовителя в момент работы.

Вера убрала лист в отдельный пакет и вслух назвала: «образец имитации почерка, автор не установлен». Имя Антона оставила за пределами формулировки.

Вера сняла страницу и услышала за дверью шаги. Не бег. Человек шёл медленно, зная, что она заперта.

Старая сушильня.

Дверь наружу запиралась металлическим засовом с другой стороны. Вера нашла выключатель. Электричества не было.

На лесках висели фотографии.

Некоторые ещё не высохли. С капель на полу можно было восстановить порядок печати: сначала Марина, затем отец, потом Павел. Пустой лист с именем Веры повесили последним. Эмульсия оставалась липкой.

У стены работал маленький сушильный вентилятор на аккумуляторе. Таймер показывал девятнадцать минут до отключения. Значит, человек ушёл совсем недавно и рассчитывал, что химический запах исчезнет прежде, чем комнату найдут.

Вера выключила вентилятор, не касаясь корпуса, вынув аккумулятор через ткань пакета. В тишине услышала слабый писк. Под столом мигал передатчик. Он транслировал звук из комнаты.

— Вы слышите меня, — сказала Вера. — Тогда слушайте внимательно. Фотографии не работают.

Писк прекратился.

Она не знала, кто на другом конце и поверил ли он. Но впервые лишила наблюдателя преимущества: дала ему ложный вывод нарочно.

Павел на волнорезе. Светлана у батареи. Отец Веры в лаборатории за несколько часов до смерти. Марина у входа в коллектор. Илья спит в машине, запрокинув голову.

Последним висел пустой лист.

Внизу карандашом написано: «Вера».

Она сняла фотографии на телефон, каждую с линейкой из сумки. Потом осмотрела обратные стороны. Бумага разная. Снимок Павла напечатан на старой советской, остальные — на современной матовой. Убийца смешивал подлинные кадры с постановочными.

Фотография отца была сделана через окно. На столе перед ним лежала та самая плёнка. В углу кадра отражалась рука фотографа.

Часы не видны. На пальце — широкое кольцо.

Вера увеличила изображение. Кольцо могло быть обручальным или печаткой. На металле светлел крест.

За дверью послышались шаги.

Вера выключила фонарь и отошла за сушильный шкаф. Шаги остановились у двери. Металл тихо звякнул, будто ключ не сразу попал в скважину. Потом человек потянул за ручку, проверяя засов.

Она держала нож лезвием вниз. В тесной комнате широкий замах был невозможен. Пришлось выбрать место у косяка, где вошедший повернётся спиной к выключателю.

Шаги ушли. Через минуту под дверью скользнула тонкая тень. Наблюдатель не покинул коридор, только сменил положение.

Она выключила экран и встала сбоку, сжав нож.

Засов медленно поднялся.

Дверь приоткрылась. В щель просунулась рука в синей перчатке.

Вера ударила ножом.

Рука успела дёрнуться, и лезвие только разрезало синюю перчатку у основания большого пальца. Вера почувствовала короткое сопротивление, не похожее на дерево. За дверью человек втянул воздух. Кровь могла остаться на краю перчатки или попасть в щель, но затем дверь прижалась к косяку и стёрла след.

— Аркадий Львович? — крикнула Вера.

Бег на секунду сбился. Имя подействовало, но так среагировал бы и тот, кого пытались выставить Шевцовым.

Лезвие вошло в дерево. Рука исчезла. Дверь захлопнулась, засов упал обратно.

По коридору побежали.

— Стой!

Вера толкнула дверь. Бесполезно.

Тогда она вернулась к вентиляции. Следы в пыли на дне короба шли в обе стороны. Человек пришёл к кабинету 214 отсюда, запер её и пустил газ через соседний канал.

На краю решётки зацепилась белая крошка. Вера сняла её пинцетом и убрала в пакет. Такая же лежала на куртке Павла.

В углу сушильни стояла корзина для обрезков. Под почерневшими полосками фотобумаги она нашла комок волос.

Светлые, детские, с засохшей грязью. Волосы были срезаны неровно, почти у самой кожи.

Рядом лежала красная нить.

Вера вспомнила фотографию Лиды на пляже. На запястье девочки была такая же нитка — Марина завязала от глаза.

Она не стала касаться комка. Сняла общий план, средний и крупный. Потом заметила на дне корзины зуб.

Маленький коренной, с тёмным корнем.

Из коридора донёсся голос Ильи:

— Вера!

Она ударила в дверь ладонью.

— Здесь!

Засов дёрнулся. Илья снаружи ругался, пытаясь его поднять. Через минуту дверь распахнулась.

Он вошёл с пистолетом. За ним двое полицейских.

— Ты ранена?

— Нет.

— Почему ушла одна?

— За сумкой. Дежурный видел.

— Он говорит, ты прошла мимо, ничего не сказав.

— Он кивнул.

— Он спал.

Вера показала вентиляцию.

— Здесь был человек. Я ударила его ножом в дверь. Возможно, задела руку.

Илья осмотрел косяк. На дереве осталась свежая борозда, крови не было.

— Куда вышел коридор?

— К четвёртой секции, — сказал полицейский. — Там люк в пол. Открыт.

Вера подошла к корзине.

— Это может быть Лида.

Илья увидел волосы и остановился.

— Никто не входит, — приказал он. — Вызывайте эксперта.

— Убийца оставил их здесь специально.

— Возможно.

— Значит, тело в другом месте.

— Возможно.

Криминалист принёс переносной свет и первым делом снял порог. На внутреннем крае косяка, ниже борозды от ножа, блестела капля. Кровь или машинное масло. Её разделили на два тампона: один для анализа, второй контрольный. В складке синей перчатки, зажатой между петлёй и деревом, остался треугольный обрывок размером с ноготь.

— Я резала у большого пальца, — сказала Вера. — Этот кусок ниже, от ладони.

— Перчатка могла порваться в двух местах, — ответил Илья.

На фрагменте сохранилась часть синего круга — такая же метка виднелась под ногтями Павла. Круг был печатью контроля качества, нанесённой прямо на манжету. Партия ещё ничего не называла, но два нападения впервые соединялись материальным предметом, а не фотографией.

Илья не позволил Вере приблизиться. Сам назвал время, положение фрагмента и фамилии присутствующих. Пакет передали из рук в руки под камеру.

Фельдшер осмотрел Веру у открытой двери. Белки глаз покраснели, пульс был частым. Он потребовал кислород и поездку в больницу. Вера отказалась подписывать отказ, пока из кабинета 214 не забрали воздух из вентиляции и бутылку с остатками воды.

— Ты сейчас торгуешься здоровьем за пробирку, — сказал Илья.

— Если через час канал проветрится, пробирки не будет.

— Тебя тоже может не быть.

Фельдшер поставил баллон прямо в коридоре и натянул на неё маску. Вера дышала две минуты, наблюдая, как техник втягивает воздух в герметичный мешок. Только после пломбы позволила измерить давление.

В сушильне нашли второй выход: узкий люк за шкафом в технический коридор. Снаружи его закрывала магнитная защёлка, которую можно было открыть картой охранника. На полу лежал свежий след гладкой подошвы, а на металле — кровь из пореза. След уходил к лестнице и исчезал у затопленного участка.

Рабочие ботинки в комнате принадлежали не тому, кто только что убежал. Их отпечатки высохли по краям, сверху легла новая гладкая подошва. Здесь действовали по меньшей мере двое или один человек возвращался в другой обуви. Вера заставила себя не выбирать раньше анализа.

У лестницы собака взяла след, прошла до двора и потеряла его возле стоянки подрядчика. На мокром асфальте остался прямоугольник чистой поверхности: машина стояла там во время дождя и уехала недавно. Камеры санатория этот участок не снимали.

Илья вернулся в сушильню, когда пакет с кровью уже вынесли. Посмотрел на Веру поверх кислородной маски.

— Теперь будешь спорить?

Она сняла маску.

— Хватит.

— Что?

— Ты говоришь так с того момента, как я приехала. «Возможно». «Проверим». «Не трогай». А отец двадцать лет делал то же самое, пока Лида лежала под этим зданием.

Илья убрал пистолет.

— Не сравнивай.

— Почему? Ты верил его протоколу больше, чем людям.

— Я тогда был шестнадцатилетним пацаном.

— Потом стал полицейским.

Он посмотрел на остальных.

— Выйдите.

Когда дверь закрылась, Илья сказал:

— Волосы уже находили в 2006 году.

— Где?

— Здесь.

Вера почувствовала холод под рёбрами.

— В деле этого нет.

— Есть. В первом варианте протокола.

— Что значит «в первом»?

Илья не ответил.

— Что ты скрываешь?

— Не здесь.

— Именно здесь.

Он посмотрел на комок волос, потом на вентиляционный короб.

— Антон переписал протокол осмотра. И заставил меня подписать новый.

Глава 12. Чужая вина

Они вернулись в полицейские комнаты порта после рассвета.

Илья запер дверь, снял со шкафа коробку с архивными папками и поставил перед Верой. На крышке выцвело: «Резник Л. В. Розыскное дело».

— Официально папка хранится в районном архиве, — сказал он.

— А это что?

— Копия.

— Чья?

— Моя.

Внутри лежали два протокола осмотра санатория. Одинаковая дата. Одинаковые подписи. Разный текст.

Первый отпечатали на тонкой серой бумаге, второй — на белой офисной. У первого листа края были рваными: его выдрали из прошитого журнала. На полях проступали номера соседних страниц и круглая печать, половина которой ушла вместе с оригиналом.

Вера положила документы рядом. Во втором протоколе подписи стояли на тех же местах до миллиметра. Их не просили поставить заново — перенесли копированием или через световое стекло.

— Твоя подпись тоже перенесена, — сказала она.

Илья наклонился. У росчерка на белой бумаге дрожала тонкая серая тень.

— Я помню, что подписывал второй лист.

— Тогда мог подписать пустой. Текст впечатали позже.

Его память не оправдывала документ и не совпадала с ним. Вера сняла оба листа с мاستбабом. Даже признание участника требовало проверки.

В первом перечислялись волосы, зуб, следы крови на решётке и красная нить. В приложении значилась схема подвала. В графе «изъято» — пакет с образцами и фрагмент ткани.

Во втором не было ничего. Только сандалия Лиды у пляжа и следы, оборвавшиеся у воды. Под обоими стояла подпись Ильи Корсакова.

— Тебе было шестнадцать, — сказала Вера.

— Семнадцать. Я пошёл понятым вместе с отцом. Антон сказал, первый лист испорчен, подпиши чистый. Я подписал.

— Когда понял?

— Через месяц. Услышал, как отец с ним спорил.

— С Антоном?

— Да. На кухне. Отец сказал, что волосы и кровь нельзя списать на детскую драку. Антон ответил: «Если откроем шахту, посадят всех троих». Я решил, речь о вас.

— Кого троих?

— Тогда думал: тебя, Павла, Светлану. За кражу и проникновение. Сейчас не уверен.

Трое могли означать взрослых. Антона, начальника, Шевцова. Или детей, которых прикрыли ценой Лиды. Фраза пережила обоих говоривших и не стала яснее.

— Твой отец называл фамилии?

— Один раз Беляева. Сказал, тот пропал не сам.

— И ты вспомнил сейчас?

— Вспомнил, когда мы нашли запись в журнале выдачи.

Вера отметила это про себя. Память Ильи тоже достраивалась после новых улик. Не только её.

— И молчал двадцать лет.

— Я нашёл первый экземпляр только после смерти своего отца. Он держал копию.

— Когда?

— Девять лет назад.

Вера закрыла папку.

— Покажи оригинал подписи.

— Это копия. Оригинал в областном архиве.

— Ты проверял, существует ли он?

Илья не ответил сразу.

— Делал запрос девять лет назад. Ответили, дело уничтожено после срока хранения.

— Розыск несовершеннолетнего не уничтожают так быстро.

— Тогда я позвонил архивистке. Она сказала, коробку изъял сотрудник районного управления и не вернул.

— Фамилия?

— Мой отец.

Он вынул из папки расписку. Подпись Корсакова-старшего стояла рядом с датой его госпитализации после инсульта. В тот день он физически не мог приехать в архив.

— Подделали и его подпись.

— Или дату. Я не доказал.

— Поэтому спрятал копию дома.

— Поэтому сначала хотел понять сам.

Вера рассмеялась без веселья.

— Все здесь хотят сначала понять сами. Марина крадёт задник. Отец строит тайник. Ты держишь дело девять лет. А люди умирают в промежутках между вашими личными расследованиями.

Илья встал и налил воду из чайника, давно остывшую. Стакан дрогнул в повреждённой руке.

— Когда нашёл копию, Шевцов уже владел пансионатом, начальник умер, Антон отказался говорить. Я отнёс часть документов в область. Следователь посмотрел и спросил, где оригиналы улик. Их не было. Он сказал, максимум докажем нарушение процедуры умершими людьми.

Илья рассказал о той поездке только теперь. В область он поехал без служебного задания, взял отгул и сел на ночной автобус. Папку держал под курткой, потому что шёл мокрый снег. В приёмной провёл пять часов. Следователь принял его после окончания рабочего дня, не включил запись и не предложил зарегистрировать обращение.

— Фамилию проверил? — спросила Вера.

— Настоящая. Кабинет настоящий. Он действительно работал по старым делам.

— Что отдал?

— Копию первого протокола, расписку архива, выписки отца. Оригиналы оставил у себя.

Следователь просмотрел бумаги быстро и задал один вопрос: есть ли у Ильи запись, на которой Антон признаётся в подмене. Услышав «нет», вернул копии и посоветовал подать официальный запрос через начальство. На выходе Илью догнал мужчина без удостоверения. Назвал номер дела Лиды и фамилию Беляева, хотя эти данные в коридоре не звучали.

— Как выглядел?

— Серое пальто, лет пятьдесят. Хромал на левую. Лица почти не помню.

— Почти?

— Светлые брови. На правой руке перчатка, на левой нет. Сказал, что помогает следователю и свяжется, когда найдут архивную коробку.

Мужчина продиктовал телефон. Тот самый, который Илья позже нашёл на полях отцовской тетради. Значит, номер появился у Корсакова-старшего раньше, чем сын поехал в область, или кто-то вписал его после смерти. Илья не проверил давность чернил.

— Ты позвонил?

— На следующий день. Он уже знал, на каком автобусе я вернулся. Спросил, не показывал ли документы Павлу.

— И что ты ответил?

— Что нет.

Это была правда на тот момент. Павлу Илья показал копию восемь лет спустя.

Через неделю пришёл официальный отказ. В нём ссылались на заявление Ильи, которого он не писал: будто сведения получены от родственницы пропавшей и не подтверждены документально. Копии протокола в перечне приложений не значились.

— Ты обжаловал?

— Начальник увидел мой запрос. Вызвал и положил передо мной рапорт отца о санатории. Сказал, если продолжу, откроют проверку против него посмертно, а меня отстранят за сокрытие найденных бумаг.

— Испугался за форму.

— Да.

Илья произнёс без паузы. Девять лет он мог называть это осторожностью, заботой о семье или отсутствием доказательств. Теперь оставил одно слово.

— Папку я спрятал, — продолжил он. — Оригинал ответа оставил в сейфе. Через два дня сейф вскрывали для проверки оружия. Ничего не пропало. Только документы лежали в другом порядке.

Человек не забрал их. Ему было достаточно показать, что может.

Илья достал второй конверт. В нём лежал ответ областного управления с входящим номером и фамилией следователя. На полях отец Ильи написал телефон, но цифры не совпадали с официальным номером отдела.

— Я звонил по нему, — сказал Илья. — Ответил мужчина, представился помощником. Сказал ждать запрос. Через неделю пришёл отказ.

— Ты проверил, существовал ли помощник?

— Позже. Нет.

— Значит, кто-то направил тебя не туда.

— Или отец записал старый номер ошибочно.

Вера уже готова была разозлиться на очередное «или», но удержалась. Именно запасные варианты отличали расследование от той истории, которую убийца печатал для них готовыми кадрами.

— И ты сдался.

— Да.

Он не добавил причины. Это остановило Веру сильнее оправдания.

— Павел знал?

— Я показал ему первый протокол год назад. Хотел, чтобы подтвердил показания. Он прочитал строку о крике Лиды и ушёл. Через неделю начал пить снова.

— Светлана?

— Отказалась встречаться.

— Марина?

— Она бы украла папку.

— И оказалась права, что вам не доверяла.

— Возможно.

Вера снова открыла дело. Теперь копия перестала быть просто доказательством против Антона. Она была картой всех моментов, когда живой человек мог сделать следующий шаг и выбрал отложить.

В папке сохранились квитанции, повестки, ответы из школы. Десятки действий на бумаге создавали видимость движения. Искали по берегу, опрашивали водителей, проверяли родственников. Ни одного запроса в журнал дежурств санатория. Ни одного осмотра технического резервуара. Здание, где ребёнка видели последним, осмотрели один раз — тем самым переписанным протоколом.

Марина каждую неделю приносила новое заявление. На одном Антон написал красным: «Фактов нет». Ниже рукой начальника: «Прекратить истерику родственницы».

— Ты читал это раньше? — спросила Вера.

— Да.

— И всё равно не показал Марине.

— Она бы опубликовала.

— Возможно, тогда кто-то испугался бы девять лет назад.

— Или уничтожил бы остальное.

Оба ответа имели цену. Илья выбрал один за всех.

— Девять лет.

— Дело уже было прекращено. Все образцы исчезли. Шевцов уехал. Антон сказал, что первая версия составлена под давлением Марины, а волосы принадлежали другому ребёнку.

— Ты поверил?

— Хотел поверить.

— Это не ответ.

— Да. Поверил.

Она встала.

— Ты вызвал меня на похороны и уже знал.

— Знал, что протокол меняли. Не знал почему.

— Ты знал про волосы.

— Знал.

— И позволил мне войти в санаторий, не сказав.

— Если бы сказал, ты пошла бы туда одна ещё в первую ночь.

— Поэтому решил за меня.

— Поэтому пытался сохранить тебе жизнь.

— Светлане ты тоже сохранял жизнь, когда не сказал про первый протокол?

Илья отвернулся к окну.

— После того как показал Павлу, за Светланой следили. Белая машина дважды стояла у её дома. Я решил, если вызову официально, спугну человека.

— Ты поставил наблюдение?

— Два вечера. Потом начальник снял людей: оснований нет.

— А сам?

— Дежурил у дома третью ночь. Машина не пришла.

— И ты решил, опасность прошла.

— Решил, что Павел рассказал кому-то о папке и нас проверяли.

Теперь Светлана была мертва. Вера увидела, как Илья сжал повреждённую ладонь. Бинт снова розовел, но он не замечал.

Вера ударила ладонью по столу. Боль прошла до локтя.

— Не называй ложь заботой. Отец так называл.

Илья не отступил.

— Ты сама только вчера призналась, что спускалась в подвал.

— Я была ребёнком.

— А я кем был?

— Потом ты вырос.

— Ты тоже. И двадцать лет молчала о камере.

— Я не носила форму.

— Нет. Ты снимала чужую смерть и говорила себе, что фотограф отвечает только за кадр. Фраза попала точно. Вера отвернулась.

За окном грузили контейнер. Металл бился о металл, каждый удар отдавался в стекле.

— Где схема подвала? — спросила она.

— В деле вырезана.

— В копии?

— Тоже. Отец получил уже без неё.

Илья вынул из коробки школьную тетрадь. На обложке стояло имя его отца. Внутри тот переписал номера изъятых предметов и фамилии людей, присутствовавших при осмотре.

— Зачем ему копировать?

— Он не доверял Антону. Или начальнику. Не знаю.

Вера нашла строку о волосах Лиды. Напротив — номер пакета и пометка: «передано врачу Ш.».

Номер пакета состоял из года и порядковой цифры. Следующая строка — кровь с решётки — имела номер на четыре больше. Между ними когда-то перечислялись ещё три предмета, но лист тетради срезали узкой полосой.

На просвет сохранились начала слов: «час», «перч», «кас». Часы, перчатка, кассета. Или совсем другие предметы. Илья сфотографировал обрез и сразу отправил эксперту по документам.

— Отец сам срезал? — спросила Вера.

— Нож лежал у него в коробке. Следов не проверял.

— Почему?

— Потому что девять лет назад я ещё думал, что проверяю отца, а не место преступления. Он сказал это без защиты. Так звучала вина, когда переставала просить скидку.

— Шевцову?

— Тогда образцы передавали через дежурного врача санатория. Лаборатории в районе не было.

— Значит, он держал улику до её исчезновения.

— Или расписался другой человек на ту же букву.

— Ты снова открываешь запасной выход.

— Пока не увижу подпись целиком.

На следующей странице отец Ильи записал телефон областного управления и дважды обвёл его. Ниже стояла дата — день перед официальным закрытием дела.

— Он собирался звонить, — сказала Вера.

— Но не позвонил.

— Откуда знаешь?

— Потому что через месяц получил квартиру от санатория. Ту, в которой мы жили до его смерти.

Илья произнёс это, глядя в стол.

— Ты думаешь, его купили?

— Я думаю, он взял квартиру. Мотивы умерли вместе с ним.

Вера закрыла тетрадь. Вина переходила от одного взрослого к другому не как тайна, а как вещь, которую каждый соглашался поддержать недолго. Недолго сложилось в двадцать лет.

— Кто изымал улики?

— Антон и начальник милиции. На складе их никогда не регистрировали.

— Беляев?

— Исчез через неделю после Лиды. Официально уехал на материк.

— Семьи не было?

— Сын. Двадцать три года в две тысячи шестом. Учился в Хабаровске, иногда помогал отцу с вентиляцией.

— Почему в справке написано, что семья отсутствует?

Илья нашёл анкету Беляева. В графе «родственники» стоял прочерк, внесённый рукой участкового. На обороте под копиркой проступал старый адрес сына.

— Кто опрашивал?

— Мой отец.

— И сын подтвердил отъезд?

— По телефону. Записи разговора нет.

Белые пятна снова складывались вокруг одной семьи, но сын Беляева мог быть свидетелем, соучастником или человеком, чьё имя использовали двадцать лет спустя.

— Жена умерла. Сын в Хабаровске подтвердил, что отец собирался уехать, но после этого его не видел.

— Ещё один пропавший, которого никто не искал.

— Искали две недели.

— Те же люди?

Илья кивнул.

Вера снова открыла первый протокол. Описание волос совпадало с найденными ночью: светлые, длиной двадцать два сантиметра, перевязаны красной нитью. Даже зуб был указан — первый нижний моляр.

— Это те же предметы, — сказала она.

— Либо их вернули в сушильню.

— Значит, улики не уничтожили. Их хранили.

— У кого-то, кто имел доступ к делу.

— У отца.

— Или у начальника. Или у Шевцова через директора санатория.

— Ты всё ещё добавляешь ему запасные выходы.

— Я добавляю их всем.

Вера достала телефон и пересняла оба протокола.

— Это материалы проверки. Нельзя распространять, — сказал Илья.

— Останови меня.

Он не двинулся.

— Что ещё отец изменил?

Илья вытащил из папки показания Павла. В первом варианте Павел слышал Лиду после падения. Она кричала снизу и просила позвать Марину. Во втором он утверждал, что не видел Лиду в санатории.

Первая запись была сделана от руки. В середине фразы Павел дважды написал «она живая», потом зачеркнул так сильно, что порвал бумагу. Подпись стояла на каждой странице. На второй — только в конце.

Светлана в первом опросе описывала халат: белый, с тёмным пятном у кармана. Указывала, что человек носил часы внутри запястья. Последнюю строку с фамилией вырвали вместе с краем листа.

— Она назвала Шевцова? — спросила Вера.

— Не знаю. Осталось «Ше» или начало слова «шёл».

Любой желающий обвинить врача показал бы им эти две буквы как имя. Тот, кто хотел спрятать, уничтожил бы лист целиком. Полуразрушенная улика работала в обе стороны.

Показания Светланы были переписаны полностью. В первом она вернулась к коллектору и увидела рядом с решёткой человека в белом халате. Лица не рассмотрела. Во втором до корпуса не доходила.

Показания Веры существовали только во втором варианте.

— Моего первого опроса не было?

— Или его уничтожили.

— Отец говорил, что я ничего не могла связно сказать.

— В медицинском журнале указано успокоительное. Тебе сделали укол.

— Кто?

— Дежурный врач.

— Фамилия?

Илья перевернул копию.

Строка была вырвана.

В приложении сохранился номер ампулы и время: 05:12. По журналу скорой в тот час машина не выезжала к санаторию. Веру привезли в отдел на служебном автомобиле, а препарат взяли из медицинского шкафа «Прибоя».

Расход записали на имя дежурного фельдшера. Тот умер пять лет назад, но его вдова хранила копии смен ради пенсионного спора. В ночь исчезновения Лиды фельдшер находился в другом посёлке на родах и вернулся после восьми утра.

— Подпись подделали, — сказала Вера.

— Или он расписался позже за чужой расход, — ответил Илья.

Оба варианта оставляли укол без имени. Зато журнал доступа к шкафу вёлся ключами: основной у старшей сестры, запасной у дежурного врача. Старшая сестра в показаниях утверждала, что ключ не брала. Фамилия врача была закрыта пятном копирки, но инициалы «А. Л.» читались.

В санатории работали два человека с такими инициалами: Аркадий Львович Шевцов и Алексей Леонидович, врач ЛФК. Второй уехал из Керны утром накануне, билет сохранился в личном деле.

Это не доказывало, чья рука держала шприц. Доказывало, что препарат списали через отсутствующего фельдшера, а доступ имел Шевцов. Антон видел журнал и не включил его в дело.

На полях медицинской копии его почерком стояло: «доза мала, память вернётся». Отец не просто поверил врачу. Он проверил количество и решил, что последствия допустимы.

— Конечно, — сказала Вера.

Она вспомнила сладкий запах, ладонь у рта и соль крови. Шевцов мог найти её в коридоре, ввести препарат, вывести наружу. Мог внушить, что она ничего не видела. Но слишком многое в этой версии опять указывало на одного человека.

— Зачем отец вернулся к делу в июле?

— Не знаю.

— Ты с ним говорил?

— Он спросил, где хранятся карты приливов и журналы автоматического сброса. Потом попросил ключ от архива.

— Ты дал?

— Да.

— Камеры в архиве?

— Есть. Запись хранится месяц.

— Тогда увидим, что он искал.

Илья отвёл взгляд.

— Запись за ту ночь удалена.

— За какую?

— Когда умер Антон.

Вера медленно положила документы.

— Ты говорил, сердечный приступ.

— Судмедэксперт подтвердил.

— Егор?

— Нет. Дежурил другой врач. Егор был в командировке.

— Делали вскрытие?

— Нет. Было известное заболевание, следов насилия не нашли.

— Кто нашёл тело?

— Шевцов.

Комната будто уменьшилась.

— Почему ты не сказал?

— Он пришёл вернуть Антону документы. Дверь была открыта. Вызвал скорую и меня.

— Какие документы?

— Говорит, старые медицинские ведомости.

— Их нашли?

— Нет.

Вера собрала телефон и сумку.

— Куда ты?

— К Егору. Поднимать медицинскую карту отца.

— Я поеду с тобой.

— Нет.

— На тебя уже напали дважды.

— Один раз — при тебе. Второй стал возможен, потому что твой дежурный спал.

Илья перегородил дверь.

— Злись сколько хочешь. Одну не отпущу.

Вера посмотрела на его повреждённую ладонь.

— Тебе удобно быть виноватым понемногу. Подпись поставил ребёнком. Копию нашёл поздно. Дежурный уснул. Отец убедил. Каждый раз есть причина.

— А у тебя причин нет?

— Есть. Поэтому я не прошу мне верить.

Она отодвинула его руку и вышла.

На лестнице пахло табаком. Вера полезла за сигаретами, но пачка осталась в санатории. В кармане лежал только окурочек, завернутый в салфетку после первого звонка.

Салфетка размокла. На фильтре проступило тёмное пятно.

Вера не курила эту сигарету до конца. Она затушила её на крыльце отцовского дома и сразу убрала.

Теперь фильтр был проколот тонкой иглой.

Вера не прикоснулась к салфетке. Положила карман сумки на подоконник и позвала Илью. Он вышел следом, увидел кристалл и велел перекрыть этаж.

Камера в коридоре не работала: кабель выдернули из регистратора. Дежурный признался, что на десять минут уходил вниз за кофе. В архиве никого не видел, но дверь была приоткрыта.

Илья упаковал окурочек сам. На проколе сохранилась прозрачная плёнка, возможно кусок медицинской перчатки. Кристалл мог быть лекарством, солью или сахаром. До анализа они не называли его ядом.

— Пакет с окурочком исчез из твоей сумки в санатории, — сказал он.

— Значит, тот человек приехал сюда раньше нас.

— Или у него был помощник.

Вера посмотрела на закрывающуюся дверь архива. Там скрипнула половица.
Внутри блестел прозрачный кристалл.
Кто-то трогал её вещи в полицейской комнате.
Она подняла голову.
Дверь архива в конце коридора медленно закрылась.

Глава 13. Отлив

Вера толкнула дверь архива.

Между шкафами качалась лампа. Окно в конце комнаты было открыто. На подоконнике остался мокрый след ладони, на полу — перевёрнутая коробка с делами.

Она услышала шаги за спиной и развернулась с ножом.

Илья успел перехватить запястье.

— Это я.

— Отпусти.

— Сначала убери нож.

Она сложила лезвие. Илья подошёл к окну. Внизу был навес над служебным входом, дальше — штабель поддонов и двор. Убежать можно за полминуты.

— Кто вошёл? — спросил он.

— Не видела.

— Почему не позвала?

— Потому что ты бы сказал стоять на месте.

— И был бы прав.

На полу лежало раскрытое дело Беляева. Несколько листов вырвали. В корешке остались клочки бумаги и тонкая копирка.

Вырвали не всё подряд. Исчезли анкета сына, схема последнего рабочего места и справка о выплатах после исчезновения. Остались показания соседей, фотография паспорта, заявление о розыске. Человеку нужны были связи Беляева с санаторием и семьёй, а не сам факт пропажи.

Копирка сохранила зеркальные строки с удалённых листов. Вера осветила её через белый экран телефона. Проступил адрес в Хабаровске и номер служебного телефона «Прибоя». Последние две цифры — семнадцать.

— Кто знал, что папка здесь? — спросила она.

— Архивист, я, начальник. После пожара часть дел привезли временно.

— И тот, кто видел, как ты достал копию Лиды.

Илья посмотрел на вентиляционную решётку. Общий канал соединял полицейскую комнату с архивом. Их разговор могли слушать из обоих помещений.

Илья вызвал дежурного. Тот клялся, что никто не проходил. Чёрный выход оказался открыт, замок не сломан. Ключ хранился на вахте.

— Кто брал? — спросил Илья.

— Никто.

— Ключ вернулся сам?

Дежурный молчал.

Криминалист осмотрел раму. На краске осталась полоска синего полимера и две белые крупинки. Такие же Вера видела в вентиляции санатория.

— Человек пришёл через чёрный выход, поднялся в архив и ушёл через окно, — сказал Илья. — Зачем менять путь?

— Чтобы мы искали снаружи.

— Или потому что в коридоре появился кто-то, кого он не хотел встретить.

Дежурный вспомнил курьера в медицинской маске. Тот принёс пакет для районного врача, расписался неразборчиво и попросился в туалет. На камере у входа лицо закрывал капюшон, но на левом плече висела прямоугольная сумка для инструментов.

— Вентиляционщик, — сказала Вера.

— Или человек, который хочет им казаться.

В журнале посетителей подпись занимала две строки. Первая буква напоминала «Б». Время входа — за семь минут до того, как Вера увидела закрывающуюся дверь архива. Время выхода не указано.

Илья велел перекрыть лестницы. В здании проверили кабинеты, подсобки, чердак. Нашли раскрытое окно на первом этаже и мокрые следы до трубы ливневого стока. След обрывался у решётки.

— Он снова ушёл под землёй, — сказала Вера.

— Если это тот же человек.

— У скольких людей в Керне есть привычка ползать по трубам?

— После сегодняшнего дня узнаем.

Вера положила окурок в пакет.

— Его подменили в моей сумке или прокололи прямо там.

— Ты курила после того, как завернула?

— Нет.

— Кристалл может быть солью, сахаром, чем угодно.

— Поэтому отдай в лабораторию.

Илья подписал пакет.

С его рации донёсся голос спасателя. У нижнего выхода коллектора нашли женскую куртку. В кармане — паспорт Марины Резник.

До отлива оставалось сорок минут.

Илья попытался оставить Веру в здании под охраной. Она потребовала оформить это как задержание или отдать телефон и ключи. Он выбрал третье: посадил её в свою машину и велел Денису не спускать глаз.

Денис продержался три минуты. Из отдела вынесли пакет с окурком, потребовалась его подпись. Вера не стала убегать. Она открыла багажник и нашла старую бухту страховочной верёвки, фонарь, каску и аптечку. Всё это позже сделало её поступок более подготовленным, но не более правильным.

Она написала Илье сообщение: «Если Марина входила не через арку, ищи верхнюю трубу». Не отправила сразу. Сеть у берега пропадала, а предупреждение могло заставить его перекрыть путь раньше, чем Вера доберётся до входа.

Когда Денис вернулся, машина уже стояла пустой. Сообщение ушло через две минуты после её спуска.

* * *

Коллектор выходил к морю ниже старого лечебного пляжа. При полной воде отверстие скрывалось под волнами. Сейчас чёрная арка показалась между камней. Из неё вытекал ручей, пахнувший ржавчиной.

Вера пришла с верхней тропы, когда спасатели разгружали баллоны. Глина налипла на туфли, колено после волнореза снова кровило. Илья увидел её у последней ступени и несколько секунд молчал. Денис ещё не успел сообщить, что машина пуста.

— Ключи, — сказал Илья.

— Остались в замке.

— Телефон.

— Нет.

Он взял её за локоть и отвёл за фургон, чтобы разговор не попал в общий эфир.

— Ты ушла из охраняемой машины во время операции.

— Я не задержана.

— Поэтому меня снимут не за незаконное удержание, а за то, что позволил свидетелю полезть под прилив.

— Тогда не позволяй. Дай работу на берегу.

Илья посмотрел на камеру у неё на груди. Штатный фотограф ехал из района и опаздывал на сорок минут. Каждую минуту отлив открывал новые участки коллектора и одновременно приближал воду.

— Снимаешь вход, снаряжение, время каждого захода. За красную ленту не переходишь.

— Хорошо.

— Я тебе не верю.

— Правильно.

Он потребовал от Дениса записать её присутствие и своё решение. Вера назвала на камеру, что прибыла самовольно. Илья не стал превращать нарушение в молчаливую услугу. Это злило её и удержало на месте дольше, чем приказ.

Старший спасатель разложил на капоте ламинированную схему. Красным отметил участки, которые заполнялись первыми, синим — воздушные карманы. Большая часть линий была приблизительной: после закрытия санатория никто не обследовал коллектор целиком.

Схему составили по обследованию пятилетней давности. На ней отсутствовала четвёртая секция: датчик не прошёл за обвал. Спасатель добавил её карандашом со слов Веры, но предупредил, что память не измерительный прибор.

Группа договорилась о сигналах на верёвке. Один рывок — стоп, два — назад, три — помощь. Ритм совпадал с детским стуком только частично. Илья попросил не менять систему ради старой ассоциации.

На воздух каждому отвели по тридцать минут, хотя баллоны держали дольше. Запас уходил на обратный путь и помощь пострадавшему. Марина, если была без баллона, могла жить только в воздушном кармане.

— Через двадцать восемь минут разворачиваемся независимо от результата, — сказал он. — Ещё через двенадцать вода отрежет наружную арку.

— По таблице сброс позже, — возразил Илья.

— Таблица не учитывает ветер. Он нагоняет волну в бухту.

Каждому закрепили химический светляк и номер. Верёвка шла через грудную систему, чтобы при потере сознания человека не перевернуло лицом вниз. Илья проверил узлы дважды.

Вера снимала подготовку с берега. Через объектив операция выглядела спокойной: люди застёгивают карабины, проверяют воздух, записывают время. Только руки выдавали страх. Один спасатель никак не мог попасть застёжкой в паз. Другой трижды пересчитал ампулы кислородного набора.

— Ты неходишь, — снова сказал Илья.

— Я слышала.

— И именно поэтому ищешь другой путь.

Вера убрала камеру.

— Если Марина оставила куртку у главного входа, она хотела, чтобы нашли его. Значит, вошла не здесь.

Илья посмотрел на склон. В кустах действительно тянулась примятая полоса.

— Денис, проверь наверху. Один не спускайся.

Денис ушёл со вторым полицейским. Через пять минут сообщил о вертикальной трубе. Илья приказал ждать альпинистское снаряжение.

Вера дождалась, пока основная группа скроется в арке, и увидела на земле обрезок старой верёвки, уже закреплённой у трубы. Марина подготовила спуск заранее. Рядом лежал второй конец — мокрый и свежеразрезанный.

Кто-то прошёл после неё и перерезал путь назад.

Вера привязала запасную верёвку, оставив на дереве свой светлый шарф как метку. Решение было неправильным. Но ожидание на берегу означало принять чужой расчёт времени.

У входа лежала куртка Марины. Рукав был разорван, ткань покрыта белой крошкой.

— Она внутри, — сказала Вера.

Спасатели готовили верёвки. Старший проверял таблицу приливов и ругался: безопасное окно меньше часа, внутри есть сифоны, вода может подняться раньше.

Илья надел каску и страховочную систему.

— Ты остаёшься.

Вера показала на куртку.

— Белая крошка совпадает с сушильной.

— Тем более.

— Я помню часть тоннеля.

— Ты помнишь его ребёнком после укола.

— А ты не помнишь совсем.

Старший спасатель вмешался:

— Берём только подготовленных. Вода пойдёт — вытаскивать некогда.

Вера спорить не стала. Подождала, пока группа войдёт в арку, и пошла по берегу к боковому пролому, который заметила на фотографии Марины.

За бетонной стеной рос шиповник. В кустах пряталась вертикальная труба с сорванной решёткой. Оттуда тянуло холодом.

Вера привязала к корню дерева верёвку из багажника Ильи. Спустилась на три метра и оказалась на узком карнизе над водой.

Узел она проверила дважды и всё равно знала, что спасатель забраковал бы его: корень уходил в мокрую землю, кора отслаивалась. Нижний конец верёвки не доставал до воды на полметра. Подниматься обратно одной будет трудно.

На стенке трубы лежала свежая кровь. Не капли, а мазок ладони с неполной линией большого пальца. Нападавший из сушильни мог пройти здесь после пореза. Марина могла оставить след своей раной. Вера сняла мазок, но образец не брала: у неё не было стерильного тампона, а рукав уже касался стены.

Дальше виднелись две царапины от металлической сумки. Человек с инструментами спускался следом за Мариной и не заботился о бесшумности.

Телефон показывал 03:52.

Она включила фонарь.

Тоннель шёл параллельно берегу. На стенах белели номера секций. Четвёртая. Пятая. После шестой карниз обрывался, но в воде виднелась металлическая лестница.

— Марина!

Эхо вернуло имя дважды.

Слева что-то ударило по трубе.

Три коротких. Один длинный.

Вера пошла на звук.

Марина сидела в боковой нише по пояс в воде. Ногу зажало упавшей решёткой. Рядом плавал водонепроницаемый тубус.

Фонарь Марины погас, но красный химический светляк был зажат между зубами. Так она держала обе руки свободными и могла стучать обломком трубы. Лицо посерело от холода.

— Сколько здесь? — спросила Вера.

Марина показала три пальца, потом один. Тридцать одна минута или сигнал «уходи». Губы плохо слушались.

Вера накинула ей на плечи аварийное одеяло из аптечки. Фольга сразу намокла, но удерживала слой воздуха над спиной. В нише пахло кровью, ржавчиной и тем самым сладким стоматологическим составом. На прутьях решётки белел свежий след временной пломбы или просто кусок изоляции.

— Ты одна? — спросила Марина.

- Пока да.
- Дура.
- Подвинься.

Решётка была тяжёлая, но один край держался на трубе. Вера вставила между прутьями кусок арматуры и подняла. Марина вытащила ногу. На голени темнел глубокий порез.

Арматура согнулась. Вера удерживала её обеими руками, пока Марина поворачивала ступню боком. Металл сорвался и прижал край сапога. Марина закричала в первый раз — не от раны, от злости.

- Режь сапог.
- Вода войдёт.
- Она уже внутри.

Вера разрежала резину складным ножом и вытащила ногу вместе с внутренним чулком. Кожа на пятке была содрана, но кость не чувствовалась. Марина попробовала наступить и едва не упала.

Тубус течение тянуло из ниши. Вера поймала его ногой. Марина схватила за ремень так резко, будто спасали не вещь, а руку Лиды.

- Идти можешь?
- Если не спрашивать.
- Вера перевязала рану ремнём от сумки. Вода поднялась на два пальца.
- Почему не позвала полицию?
- Уже звала однажды.
- Тогда позвала моего отца.
- Он был полицией.
- И ты всё равно двадцать лет ждала?

Марина схватила тубус.

- Я ждала, пока вы перестанете защищать друг друга.

Из главного тоннеля донеслись голоса. Илья звал Веру по имени — зло и испуганно.

- Здесь!

Спасатели добрались через минуту. Илья увидел верёвку на её поясе, мокрую одежду и ничего не сказал. Только помог поднять Марину.

Когда они дошли до развилки, в глубине коллектора загудело.

- Вода! — крикнул спасатель.

Поток пришёл раньше таблицы. Сначала по щиколотку, потом сразу до колен. Он нёс водоросли, куски пенопласта и пустые ампулы. Свет погас у одного из спасателей.

Страховочная верёвка натянулась и прижала Веру к стене. Передний спасатель кричал, чтобы не поднимать ноги: поток сразу унесёт. Марина шла между Верой и Ильёй, обеими руками держась за систему.

У четвёртой секции из боковой трубы ударила вода. В ней блеснула пустая металлическая рамка, похожая на задник камеры, и исчезла под решёткой. Вера рванулась, но Илья поймал её за капюшон.

- Не вещь! — крикнул он.

Она увидела рамку ещё раз, уже ниже по каналу. Забрать было невозможно. Возможно, убийца рассчитывал именно на это: прилив смоем предметы, пока люди выбирают живых.

Марина оступилась. Вера удержала её за ремень. Илья шёл сзади и принимал удар воды спиной.

Они выбрались через главную арку в 04:11.

Через шесть минут выход скрылся под мутной пеной.

На берегу спасатели пересчитались вслух. Семь вошли, семь вышли, плюс Марина и Вера. У одного сорвало фонарь, другой потерял запасной карабин. В журнал внесли обе потери: если предметы найдут позже возле улики, их происхождение не придётся угадывать.

Илья снял с Веры систему и обнаружил, что боковой ремень надрезан о край трубы. Ещё несколько рывков — и пряжка разошлась бы. Он положил систему отдельно от общего снаряжения.

— Узел на корне кто вязал?

— Я.

— Петля поползла на четыре сантиметра.

— Но выдержала.

— Это не оправдание конструкции.

Он не повышал голос. Проверил её зрачки, ладони, попросил назвать дату и место. Вера ответила. Только тогда он разозлился по-настоящему.

— Ещё раз так сделаешь — я оформлю отстранение и свидетеля, и специалиста.

— Оформляй сейчас.

— Сейчас ты единственная, кто снял положение куртки, трубы и крови до входа группы. Если выкину твои кадры из-за злости, повторю Антона.

Илья забрал карту памяти, сделал копию при ней и вернул камеру. Решение осталось неправильным с обеих сторон, но следы от этого не исчезли.

Вера посмотрела на закрывшуюся арку. Где-то за водой лежала рамка. Она позволила ей уйти и вывела Марину. Руки всё равно дрожали так, будто выбор был другим.

* * *

Марину уложили в фургоне. Пока фельдшер обрабатывал рану, она не выпускала тубус.

На повреждённой ноге было два разных следа. Решётка оставила рваную рану спереди, а выше щиколотки темнел круглый синяк от захвата.

— Вас держали? — спросила Вера.

Марина посмотрела на Илью.

— В тоннеле был мужчина. Я видела фонарь и очки. Он сказал, если хочу сестру, надо идти к семнадцатому узлу. Потом толкнул решётку.

— Почему раньше сказали, что вошли одна?

— Вошла одна. Он ждал внутри.

— Голос узнали?

— Нет. Говорил через маску. Хромал, но в воде это ничего не значит.

Марина показала ладони. На правой засохла чужая кровь — она схватила нападавшего за повреждённую руку. Образец взяли до обработки.

Под ногтями правой руки застрял синий полимер. На среднем пальце сохранился маленький прозрачный осколок, похожий на линзу очков. Марина сказала, что ударила нападавшего тубусом в лицо. Если очки треснули, у человека должна остаться царапина у глаза.

— Рост? — спросил Илья.

— Выше меня. Ниже тебя. В воде сутулился.

— Рука, которую схватили?

— Правая. Бинт уже был мокрым.

Шевцов имел порез на правой руке. Человек из сушильни тоже. Но бинт можно надеть, а рост Марина определяла в темноте по отражённому свету.

— Он хотел тубус?

— Не знал, что он у меня. Искал ключ. Я бросила сломанный в воду, целый спрятала в ботинок.

Фельдшер снял обувь. Под стелькой лежала плоская металлическая копия с надписью «П-4».

Илья упаковал её отдельно.

— В коллекторе вы искали резервуар или человека?

— Сначала Лиду. Теперь не знаю разницы.

Марина впервые позволила тубусу уйти из рук. Когда Илья положил его в пакет, её пальцы остались согнутыми, будто всё ещё удерживали цилиндр.

В карманах её одежды нашли складной нож, два химических светляка, маленькую камеру и лист с отметками глубины. Никаких ампул, верёвки Павла или вещей Светланы. Отсутствие не оправдывало Марину, но показало, к чему она готовилась: к поиску в воде, не к постановке на берегу.

Камера пережила погружение. Последние кадры сняты автоматически через каждые тридцать секунд. На первом Марина спускается одна. На четвёртом за её спиной появляется свет второго фонаря. На шестом видна рука в синей перчатке, тянущаяся к верёвке. Лицо человека не попало ни разу.

Между кадрами время на камере сбилось на одиннадцать минут. Удар о трубу мог перезапустить внутренние часы, поэтому запись не давала точной последовательности. Но изображение руки возникло до того, как Марина оказалась у решётки: нападавший следовал за ней, а не ждал только у семнадцатого узла.

На одном кадре его ботинок стоял на узком карнизе. Подошва имела срезанный угол. Такой след нашли у оврага после пожара. Совпадение связывало нападения между собой, но всё ещё не называло человека внутри обуви.

Илья скопировал карту памяти при включённой камере фургона и вернул аппарат в пакет. Марина попросила оставить ей хотя бы ремень. Он отказал.

— На нём может быть кровь.

— Это моя камера.

— Поэтому после экспертизы получите расписку и вернут, если можно.

Раньше он бы забрал молча. Теперь объяснял даже человеку, который сам годами забирал чужое.

— Это вещдок, — сказал Илья.

— Это принадлежало моей сестре.

— Лиде принадлежала плёнка?

— Правда на ней принадлежит ей.

— Марина.

Она посмотрела на Веру.

— Он тоже врёт?

— Да.

Илья сжал губы.

— Но сейчас лучше отдать, — добавила Вера.

Марина открыла верхнее отделение тубуса. Внутри лежал конверт, завёрнутый в три слоя пакета. Из него она вынула контактный отпечаток.

На снимке были Вера, Павел и стеклянная дверь. Светлая фигура между детьми почти исчезла после другой печати. Зато в отражении стоял взрослый мужчина.

Виден был только бок, рука и половина лица, перечёркнутая бликом.

Марина закрыла снимок ладонью.

— Сначала скажи, где тело.

— Мы не знаем, — ответил Илья.

— Знаете. Резервуар за четвёртой секцией.

— Карта неполная.

— Антон дошёл до него.

— Откуда ты знаешь?

— Он оставил метку.

Она показала на оборот отпечатка. Карандашом был нарисован крест и две линии. Под ними: «Боковой ход. Не открывать до отлива».

— Почему ты не показала раньше? — спросила Вера.

— Потому что сначала хотела найти Лиду.

— А Павел и Светлана умерли.

Марина вздрогнула.

— Светка тоже?

Вера кивнула.

Марина отвернулась к стене фургона. Несколько секунд её лицо оставалось неподвижным. Потом она закрыла глаза.

— Я думала, она уехала.

— Кто заманил тебя в коллектор? — спросил Илья.

— Никто. Я нашла карту у Антона.

— Когда?

— После похорон.

— В доме?

— В сарае. Под половицей.

— Ты проникла на участок.

— Дверь была открыта.

— Задник Мерца тоже взяла ты?

— Да.

— Мидазолам Шевцову выдавала?

Марина открыла глаза.

— Не ему. Его клинике. По заявке.

— Заявки нет.

— Была.

— Кто забрал ампулы?

— Медсестра. Не знаю фамилию. Маска, шапочка, доверенность.

— И ты переписала журнал.

— Потому что срок доверенности истёк на день. Шевцов пообещал привезти новую. Я не хотела нарушения перед ревизией.

— Удобно.

— Удобно было двадцать лет назад. Теперь поздно.

Илья забрал отпечаток в пакет.

Вера успела увидеть край кадра. Там, за отражением взрослого, светлела ещё одна рука. На запястье — часы. На стекле угадывались перевёрнутые цифры.

Не время.

Серийный номер.

Глава 14. Край кадра

Отпечаток снимали под разным светом до полудня.

Вера работала в районной лаборатории вместе с криминалистом. Илья стоял у двери, Марина — за стеклом комнаты опросов. Ей наложили швы и привезли сюда вместо больницы по её же требованию.

Контактная копия была сделана с полной полосы плёнки. Обрезанный негатив из дома Антона показывал только центральную часть. Здесь сохранились края и служебные метки роликового задника.

Бумага намокла в тубусе по одному углу. Эмульсия вздулась, серебро поплыло тонкими радужными разводами. Вера не стала сушить лист феном. Его закрепили на сетке при комнатной температуре и снимали каждые десять минут, пока повреждение не пошло дальше.

На лицевой стороне были три вида царапин. Старые проходили под изображением и принадлежали заднику. Новые пересекали эмульсию после печати. Одна свежая линия обрывалась у часов, будто кто-то пытался соскоблить цифры иглой, но остановился.

Марина призналась, что сама провела по ним ногтем в темноте, проверяя, не дорисован ли номер. Этот след теперь нельзя было отделить от возможной попытки уничтожить улику без её признания.

В отражении стеклянной двери взрослый мужчина стоял вполоборота. Лицо дробилось на светлые полосы. Рука лежала на дверной раме. Часы были надеты циферблатом внутрь.

— Можно вытянуть номер? — спросил Илья.

— Не с бумаги. Нужен негатив.

— Марина говорит, он в тайнике.

— Марина говорит то, что оставляет ей контроль.

Криминалист установил косой свет. На эмульсии отпечатка проявились царапины и следы пальцев. Один палец был смазан кровью ещё до высыхания.

— Антон держал снимок после проявки, — сказала Вера.

Кровяной отпечаток был неполным. На ладони читались две линии и основание мизинца. Для сравнения требовался образец Антона, но прижизненной дактилоскопической карты не нашли. Вера вспомнила его документы в сейфе и стеклянную банку в сарае. Даже если на них останутся отпечатки, доказать, когда они появились, будет трудно.

Илья запросил карту старого удостоверения. Система ответила, что бумажный оригинал уничтожен при оцифровке. Отец двадцать лет снимал чужие пальцы, а его собственная ладонь теперь существовала только как бурое пятно на фотографии.

— Пока пишем «неустановленный человек», — сказал криминалист.

Вера согласилась. Внутри всё равно называла его отцом.

— Или Мерц.

— У отца был порез ладони в лаборатории. След совпадает по положению.

На обороте сохранились две надписи. Верхняя, карандашная, принадлежала Антону. Нижнюю стёрли, но нажим продавил бумагу.

Вера положила лист на мягкую подложку и осветила сбоку.

Проступили слова: «не девочка» и фамилия, от которой остались первые три буквы: «Ше».

— Шевцов, — сказал Илья.

— Шестаков. Шепель. Любая фамилия.

Они проверили телефонный справочник Керна за две тысячи шестой. На «Ше» начинались семь фамилий. Двое умерли, трое уехали до исчезновения Лиды. Оставались Шевцов и школьный завхоз Шепелев, прикованный к постели после инсульта ещё в девяносто девятом.

— Всё равно не доказательство, — сказала Вера.

— Зато направление.

Криминалист перевёл изображение в негатив и разделил цветовые каналы. На стекле проявились две временные фазы: фигура мужчины и более позднее отражение детей. Двойная экспозиция объясняла «третьего», но не делала его призраком. Человек действительно стоял за дверью — только в другую секунду.

На втором слое свет падал иначе. У детей тени уходили к каналу, у мужчины — к лестнице. Между экспозициями прошло достаточно времени, чтобы солнце сместилось или камеру перенесли. Мерц говорил «через стекло», но стекло могло быть другим.

Вера совместила линии дверной рамы. Они совпали в верхней части и расходились у пола на два градуса. Камеру ставили почти в ту же точку, возможно на оставленные ножки штатива. Первый кадр снял взрослый заранее. Дети пришли позже и случайно экспонировали тот же лист повторно.

— Тогда мужчина не обязательно наблюдал за детьми, — сказал Илья.

— Не обязательно. Но он находился у той же двери и знал, что за ней.

Этот вывод был слабее прежнего, зато выдерживал геометрию.

На медицинском халате виднелся нагрудный знак. Круг с вертикальной линией, эмблема санатория. Под знаком — тёмная полоса от кармана.

— Ординаторы носили белые знаки, врачи с допуском к процедурам — синие, — сказал Илья, сверяясь со старой ведомостью формы.

— На чёрно-белом снимке цвет не определишь.

— Ширину полосы можно. Синие знаки были крупнее.

Из архива санатория запросили фотографии персонала. Ответ пришёл через час: архив якобы сгорел. Вера открыла сайт бывших работников и нашла групповой снимок юбилея. Молодой Шевцов стоял у края, часы повернуты внутрь, на халате крупный знак.

Совпадение формы доказывало, что в кадре мог быть врач его уровня. Не лицо.

— Если мы вызовем его сейчас, он увидит всё, что видим мы, — сказала Вера.

— Если не вызовем, он поймёт по обыску.

— Тогда не показывай край целиком. Пусть сам назовёт деталь, которой не должен знать.

Илья отложил чистую копию для опроса. Номер часов и служебное поле закрыли полосой бумаги.

— В Керне тогда был один врач на «Ше».

— Не делай то, в чём обвинял меня.

Илья помолчал.

— Хорошо. Проверяем.

Перед вызовом они проверили, мог ли номер часов быть добавлен при печати. Криминалист сделал контрольную двойную экспозицию на бумаге той же плотности, состарил отпечаток ультрафиолетом и сравнил зерно.

Подделка оставляла границу вокруг цифр. На снимке Марины границы не было. Номер находился в эмульсии исходного негатива.

Скан без фамилий отправили эксперту во Владивосток. Ему не сообщили, где сделан кадр и кого следствие видит в отражении. Через сорок минут он вернул разметку: два направления зерна, два угла света, одна и та же оптическая система. Оба изображения возникли на исходной полосе плёнки, а не при печати.

В сопроводительной записке эксперт отдельно предупредил: одинаковая оптическая система не означает одну камеру. Два аппарата одной модели с близкими объективами могли дать тот же рисунок искажений. Вера нашла три различия по краям, но два объяснялись набухшей эмульсией, третье — царапиной задника.

— Значит, даже камера не доказана, — сказал Илья.

— Модель доказана. Экземпляр — нет.

Мерц хранил два аппарата. Третий принадлежал санаторию и исчез из ведомости ещё до закрытия. На групповой фотографии персонала его деревянный корпус виднелся у сцены. Убийца мог пользоваться любым из трёх, а затем перенести плёнку в задник с меткой Антона.

Эксперт попросил исходный негатив, которого у них не было. По бумажной копии он отказался оценивать номер часов точнее трёх видимых цифр. Вера добавила ограничение в рабочую таблицу. Сильная улика становилась уже, зато переставала зависеть от желания увидеть знакомую фамилию.

Следующим проверили положение отражения. Вера построила простой макет двери из стекла и поставила камеру на высоте, указанной по перспективе. Чтобы рука оказалась там же, мужчина должен был стоять в семидесяти сантиметрах за детьми, чуть правее объектива.

После разделения слоёв расчёт пришлось повторить. На первом кадре детей ещё не было. Рука мужчины находилась в семидесяти сантиметрах от будущего места Веры, но в другое время. Криминалист исправил протокол и сохранил обе версии расчёта.

— Защита найдёт первую, — сказал Илья.

— Поэтому она должна увидеть, что мы исправили сами.

— И решит, что остальное тоже ошибочно.

— Остальное и может быть ошибочно.

Вера распечатала новый макет. Ошибка не уничтожала фигуру, часы и место. Только лишала их удобной уверенности, что взрослый стоял за спиной детей в момент съёмки.

Он не был случайным прохожим в другом конце коридора. Он наблюдал за ними вблизи.

— Мог не видеть падение, — сказал Илья.

— Мог. Но видел, что дети нашли дверь.

— И двадцать лет не сообщил.

— Как остальные.

Разница была в положении взрослого. Дети молчали из страха. Врач стоял за стеклом с доступом к санаторию и властью над их показаниями.

Они вызвали Шевцова официально.

До его приезда Илья составил порядок вопросов и отдал Вере прочитать. Она вычеркнула прямое: «Почему вы были за стеклом?» Заменяли на просьбу описать форму, устройство дренажа и порядок дежурства. Если Шевцов знал только общие вещи, он не должен был называть детали края сам.

Марину вывели из соседней комнаты, чтобы он её не видел. Та сопротивлялась: хотела посмотреть на руку, очки, походку. Илья разрешил наблюдать по камере без звука. Перед экраном сидел сотрудник, фиксирующий каждую её реплику, чтобы воспоминания не превратились в узнавание после подсказки.

До приезда Шевцова Марине показали пять коротких записей людей, входивших в то же помещение. Видео обрезают по плечи, звук убрали. Среди них были криминалист, водитель скорой, два сотрудника порта и мужчина похожего роста из соседнего кабинета. Никто не знал, под каким номером позже появится Шевцов.

Марина отметила второго: тот берёт правую руку. Потом четвёртого: у него была похожая сутулость. Когда попросили выбрать одного, она отказалась.

— В воде все сутулятся, — сказала она. — Я уже говорила.

Сотрудник записал дословно.

Прозрачный осколок из-под её ногтя тоже не дал быстрого ответа. Это была поликарбонатная линза без диоптрий — защитные очки, а не обычная оправа. В санатории такие выдавали строителям, в клинике — лаборатории, в аптеке — при фасовке. На краю сохранилась кровь Марины, а не нападавшего: она порезала палец осколком уже после удара.

— Но у него должны быть повреждены очки, — сказал Илья.

— Если он не взял их в общей коробке и не выбросил, — ответила Вера.

На видео первым вошёл адвокат, затем Шевцов. Марина подалась к экрану, но ничего не сказала. Когда он снял очки и поправил бинт, она попросила повторить запись. Потом ещё раз.

— Это он? — спросил сотрудник.

— Похож на человека, которого вы хотите, чтобы я узнала.

— А на того, кто был в тоннеле?

Марина закрыла глаза, восстанавливая не лицо, а движение.

— Тот держал голову ниже. И не пах одеколоном. Только резиной и зубным лекарством.

Её ответ не оправдывал Шевцова. Он лишь не позволял превратить страх в опознание.

Шевцов вошёл без хромоты. На левой щеке не было царапины от разбитой линзы. Его очки оказались целыми, но оправка новая: в карточке с похорон он носил другую.

Он приехал с адвокатом. На правой руке была свежая повязка между большим и указательными пальцами.

— Порезались? — спросил Илья.

— Разбил стакан.

Адвокат передал справку из травмпункта. Порез зафиксировали в 01:40. Шевцов утверждал, что разбил стакан дома, сам наложил повязку и приехал в клинику, где медсестра обработала рану.

— Камеры дома? — спросил Илья.

— Есть у ворот. Запись отдам по запросу.

— Стакан сохранился?

— Выбросил.

— Одежда?

— В стирке.

Каждый ответ был обычным. Вместе они делали проверку труднее. Время травмпункта оставляло Шевцову возможность быть у Светланы раньше, но не доказывало, где он порезался.

— Когда?

— Ночью.

— Где?

— Дома.

— Кто видел?

Адвокат положил ладонь на стол.

— Мой доверитель пришёл добровольно. Не превращайте бытовой порез в признание.

Илья показал фотографию отпечатка.

— Узнаёте помещение?

Шевцов надел очки.

— Старый корпус.

— Человека?

— Нет.

— Это могли быть вы?

— Двадцать лет назад я был худее. Как и половина посёлка.

— Часы носили внутри циферблатом?

Шевцов посмотрел на собственное запястье. Сегодня часов не было.

— Иногда. На дежурстве так удобнее считать пульс.

— Сейчас носите наружу.

— Сейчас я редко считаю пульс.

Вера наблюдала за ним через стекло. Когда Илья назвал время автоматического сброса, Шевцов не отреагировал. Когда показал пометку «четвёртая секция, семнадцатый узел», его взгляд задержался на секунду.

- Что это значит? — спросил Илья.
- Не знаю.
- Вы работали в водолечебнице.
- Ординатором. Технические узлы обслуживал Беляев.
- Когда видели его в последний раз?
- После исчезновения девочки. Через несколько дней.
- В протоколе вы говорили, что не видели месяц.

Шевцов снял очки.

- В двадцать лет люди ошибаются в датах. В пятьдесят пять — тем более.
- Вам было тридцать пять.

Адвокат поднял глаза от записей. Шевцов понял арифметику и впервые улыбнулся.

- Хорошо. В тридцать пять люди тоже ошибаются.
- Беляев собирался уезжать?
- Говорил, что сын нашёл работу в Хабаровске.
- Сын приезжал в санаторий?

Шевцов поправил бинт.

- Пару раз. Помогал с вентиляцией.
- В ночь исчезновения отца?
- Не помню.

Он не спросил, почему Беляев стал темой разговора. Значит, знал об украденных листах или ожидал, что старое исчезновение уже связали с делом.

- Значит, память уже начинала подводить.

Адвокат попросил перерыв.

Илья вышел к Вере.

- Он признал привычку с часами.
- Это не редкая привычка у врачей.
- Порез на руке.
- Может быть стакан.
- Ты защищаешь его теперь?
- Я защищаю дело от удобства.

Из лаборатории принесли результат по волосам из сушильни. Митохондриальный профиль совпадал с образцом из конверта Марины. Волосы принадлежали Лиде или родственнице по материнской линии.

Зуб был детским, но ДНК выделить не удалось.

Белая крошка с куртки Марины и из вентиляции совпала по составу: старая теплоизоляция с асбестом и силикатным наполнителем. Такой материал использовали в санатории до ремонта девяностых.

- В машине Шевцова чисто? — спросила Вера.

- Оснований для обыска нет.

— На снимке возможен он. Порез совпадает по времени с нападением. Препарат ушёл в его клинику.

- Адвокат разнесёт каждое основание отдельно.
- Собери вместе.

Илья посмотрел через стекло. Шевцов пил воду левой рукой. Правая лежала на колене.

- Пока он свидетель.
- Возможный свидетель, — поправила Вера. — Он мог видеть падение Лиды.
- Или устроить его.

После перерыва Шевцов согласился дать образец ДНК и показать медицинские документы клиники. От обыска дома отказался.

Образец он сдал при адвокате. Кровь с руки брать не разрешил, только буккальный мазок. Бинт менять не стал. Илья не мог изъять его без основания, а Маринина кровь под ногтями ещё не была исследована.

Список сотрудников клиники Шевцов предоставил сразу. Среди курьеров Беляева не было. Медсестра, подписавшая обработку его пореза, одновременно числилась на выезде у пациента в соседнем посёлке. Шевцов объяснил ошибкой журнала.

— У вас много ошибок в журналах, — сказал Илья.

— У нас много работы и мало людей.

— У аптеки пропал препарат по просроченной доверенности вашей клиники.

— Тогда проверяйте того, кто принял документ.

Шевцов произнёс это без раздражения. Ответ заранее переносил вину на Марину.

Илья положил перед ним копию без открытого края.

— Какой фотобумагой пользовался Мерц?

— Не имею понятия.

— Глянцевой или матовой?

— Я врач, не фотограф.

— Тогда почему в разговоре с Антоном вы называли «Унибром»?

На кассете слово звучало после обрыва, едва различимо. Шевцов нахмурился.

— Возможно, Антон объяснил.

— На записи он ещё не успел.

— Значит, слышал раньше.

— Где?

Шевцов поправил очки.

— В санатории была фотолаборатория. Мерц печатал карточки пациентов.

— Лаборатория закрылась до вашего прихода.

— Я бывал там ребёнком.

Адвокат попытался прервать, но Шевцов поднял руку. Его раздражала не опасность ответа, а необходимость оправдывать память.

— В маленьком посёлке люди знают марки бумаги, лекарств и лодочных моторов, которыми не пользуются. Это не преступление.

— Нет. Преступление — другое, — сказал Илья.

Он показал фотографию часов, оставив номер закрытым.

— Узнаёте модель?

— Советские медицинские. Их выдавали десятками.

— Серийный номер помните?

— Заканчивался на сорок семь, кажется.

Илья не открыл полоску. Сначала спросил, где Шевцов видел номер в последний раз. Тот назвал инвентарную ведомость санатория, затем добавил, что часы принадлежали не ему, а процедурному кабинету.

— Медицинские часы выдавали на человека или кабинет? — спросил Илья.

— По-разному.

— В ведомости, которую вы называли, поле серийного номера пустое.

Адвокат попросил приложить документ. Илья приложил. Шевцов посмотрел на пустую строку и больше не объяснял цифры.

В комнате никто не двигался. На копии открытые цифры заканчивались иначе; «сорок семь» находилось как раз под закрывающей полосой.

Шевцов понял ошибку и откинулся на спинку стула.

— Вы показывали Антону полный снимок? — спросил адвокат.

— Нет, — ответила Вера. — Полный край находился у Мерца.

В протокол внесли точную реплику. Это всё ещё не было доказательством убийства, но теперь Шевцов знал деталь фотографии, которую якобы не видел.

Перед уходом он остановился рядом с Верой.

— Антон тоже считал, что фотография говорит правду, — сказал он. — Пока не понял, что она сохраняет ложь точнее памяти.

— Что было ложью?

— Спросите у Мерца, почему плёнка оказалась в камере до прихода детей.

— Вы знали, что она была заряжена?

Шевцов улыбнулся устало.

— Вы только что сказали.

Он ушёл.

Областной следователь отказался задерживать Шевцова только за знание номера.

— Он мог видеть полную копию у Антона, Мерца или Марины. Мог получить от того, кто украл край. За ошибочный ответ суд не даст обыск дома.

Илья хотел собрать в одно ходатайство порез, препарат, тоннель и часы. Следователь разделил: у каждого факта своя цепочка, часть уже нарушена. Судья вернул запрос с требованием показать прямую связь жилья Шевцова с текущими убийствами.

Вместо обыска поставили наружное наблюдение. Машина оставалась у клиники, второй сотрудник смотрел служебный выход, третий — старый проезд к санаторию. Шевцов знал людей в лицо и дважды выходил поговорить с ними о погоде. Не просил уехать. Просто показывал, что видит.

Через час он отправил следователю добровольный список вещей в доме: одежда, часы, медицинские сумки. Перечень был слишком подробным и не имел доказательной силы. Он заранее описывал то, что полиция могла найти, лишая каждую будущую находку неожиданности.

— Он готовится, — сказала Вера.

— Или изображает открытость, — ответил следователь.

Они оба записали свои формулировки как версии, не вывод.

Сразу после опроса Илья позвонил мастеру, чья фамилия стояла в старой ремонтной карточке. Мужчина давно закрыл мастерскую и сначала отказался говорить: после публикаций ему уже звонили журналисты. Областной следователь оформил официальный запрос, и мастер приехал сам с тетрадью заказов.

В 2006 году он менял в часах заводную головку. Оригинальной детали не было, поэтому поставил меньшую и подпил паз корпуса вручную. В тетради сохранился рисунок: косая царапина у правого ушка и две точки керна на крышке.

— Клиента помните? — спросил Илья.

— Врача помню. Какого — не скажу. Они из санатория ходили в одинаковых халатах.

Мастер не узнал Шевцова по фотографии и не захотел выбирать среди карточек. Зато вспомнил, что часы принёс не владелец, а завхоз без части пальца. Беляев требовал записать полный номер и взять расписку, потому что имущество ведомственное.

Подпись в квитанции принадлежала Беляеву. В графе владельца стояли инициалы «А. Л. Ш.». Последняя буква могла быть началом фамилии или пометкой мастера «штука». Чернила расплылись.

— Почему Шевцов назвал окончание номера? — спросила Вера.

— Мог помнить свои часы. Мог видеть карточку у Беляева. Мог получить копию сейчас.

Они проверили, кто запрашивал ремонтный архив. За неделю до смерти Антона туда приходил человек с доверенностью от клиники и снимал старые страницы на телефон. Мастер запомнил рабочую сумку и очки, лица не видел. В журнале посетитель подписался «Н. Беляев».

Знание номера оставалось у Шевцова и одновременно могло быть передано Николаю. Ловушка на опросе показала доступ к детали, но не источник.

Тетрадь изъяли целиком, квитанцию не вырывали. Мастер расписался на упаковке и попросил записать, что по лицу никого не опознал. Вера проследила, чтобы эта строка не потерялась рядом с более громким совпадением часов.

Вера вернулась к увеличенному снимку. На служебном поле плёнки возле края виднелась царапина в форме буквы «Л». Метка Антона.

Но в 2006 году камера принадлежала Мерцу. Отец ещё не мог поставить свою метку.

Значит, полная полоса прошла через другой задник позже.

Снимок был подлинным, но кто-то менял его края.

В отражении мог быть Шевцов.

А мог быть человек, которого специально сделали на него похожим.

Глава 15. Дом отца

Постановление на обыск дома Антона подписали к вечеру.

До начала Вера прошла по комнатам одна в сопровождении камеры. Не трогала вещи, только называла, что изменилось после первого осмотра. В кухне стул отодвинут дальше от стола. В спальне ящик шкафа закрыт, хотя она оставляла его открытым. На подоконнике появился круг от мокрой кружки.

Кто-то входил после опечатывания или участники прошлой группы двигали предметы без записи.

Пломба на двери лаборатории выглядела целой, но бумагу прорезали вдоль края и приклеили обратно прозрачным лаком. Под ультрафиолетом шов светился.

— Дом не охраняли ночью постоянно, — признал Илья. — Постовой уходил на вызов на сорок минут.

— И никого не заменили.

— Нет.

Вера внесла это в видеозапись. Каждое нарушение делало будущий суд слабее, но скрыть его значило оставить защите право уничтожить всё сразу.

Понятыми пришли соседка в вязаной шапке и учитель физики. Соседка принесла список машин, которые видела у дома после смерти Антона: скорая, полиция, фургон Шевцова и белая ремонтная «Газель» без номера.

Учитель потребовал, чтобы время начала записали по его наручным часам и по камере одновременно. Разница составляла сорок три секунды. Вера поймала себя на раздражении, потом поняла: именно такой человек нужен среди понятых. Тот, кто замечает мелкую неточность, даже когда всем хочется начать быстрее.

Перед входом криминалист снял смывы с ручек, порога и прорезанной пломбы. Каждый участник сдал контрольные отпечатки обуви. Марина на костылях надела бахилы поверх ортеза и ругалась, что её ставят в один ряд с тем, кто убил Светлану.

— Сейчас вы в одном списке людей, входящих в дом, — сказал Илья. — Остальное решат следы.

Вера подписала согласие на изъятие личных вещей Антона. Подпись не давала права переписывать историю дома. Только позволяла искать.

— Когда ремонтная?

— На следующий вечер. Мужчина сказал, проверяет проводку после короткого замыкания.

— Кто впустил?

— Дверь была открыта. Я думала, вы прислали.

Описание мужчины совпало с курьером из ателье и аптеки. Высокий, очки, рабочая сумка, хромота.

Дом Антона был не запертой сценой. Через него несколько дней проходил человек, заранее зная, что именно нужно найти и подменить.

Вера прочитала каждую строку и расписалась как собственница. Илья привёз двух понятых, другого криминалиста и металлические ящики для изъятия.

— Сарай сначала, — сказала Марина.

Она приехала на костылях, несмотря на запрет врача. Илья хотел отправить её обратно, но Вера открыла калитку.

— Пусть покажет половицу.

Дом встретил запахом сырости. Лаборатория была опечатана. На кухонном столе остался календарь с пометкой об отливе. Часы без ремешка всё ещё показывали 4:17.

Их положение изменилось: раньше заводная головка смотрела к стене, теперь к двери. Вера сверила с первым снимком и продиктовала расхождение. Кто-то брал часы и вернул, стараясь сохранить место.

Под корпусом лежала тонкая дуга чистой пыли. К часам прикладывали круглый предмет или измеряли диаметр. На задней крышке обнаружилась свежая царапина возле серийного номера. Последние цифры стёрли не полностью.

— Номер из отражения? — спросил учитель.

Никто ему не ответил. Понятым не сообщали рабочую версию, но он уже увидел, на что направлена камера.

Криминалист снял их и осмотрел механизм.

— Остановились от удара. Пружина целая.

— Чьи? — спросил Илья.

— Мерца, возможно, — сказала Вера. — Отец брал у него вещи.

В спальне перебирали документы. Медицинские карты, квитанции, старые фотографии. Под матрасом лежал пистолет Антона, зарегистрированный и нечищенный. В сейфе — деньги и орден матери.

Пистолет осмотрели на месте. Магазин полный, патронник пустой, ствол пах старым маслом. Последняя отметка о контрольном отстреле — пять лет назад. На рукоятке смешались отпечатки Антона и ещё одного человека, но второй профиль оказался слишком смазанным.

В коробке с патронами не хватало двух. Илья нашёл в тире записи: Антон стрелял три месяца назад, израсходовал ровно две штуки. Простая проверка закрыла ещё одну тревожную деталь. Пистолет разрядили, упаковали и передали в районное хранилище до решения о наследстве.

Под сейфом лежал клочок синей бахилы. Такие носили фельдшер, Шевцов и похоронные. Материал упаковали, хотя круг возможных владельцев был слишком широк.

Ничего о Лиде.

Место, где нашли Антона, находилось между лабораторным столом и старой ванной. После выноса тела доски вымыли, но раствор прошёл в щели. Под ультрафиолетом проступили два пятна: широкое у ванны и узкое у ножки стола. Первое совпадало с разлитым проявителем. Второе содержало кровь и тянулось на длину ладони.

— Он полз? — спросила соседка.

— Или пытался подняться, — ответил криминалист. — Направление по одному мазку не установить.

На нижней полке стола остался отпечаток четырёх пальцев. Пятый не коснулся дерева. Если след принадлежал Антону, он хватался правой рукой, в которой, по словам Ильи, потом нашли ключи. Если чужому человеку — отсутствующий палец снова вёл к Беляеву. Отпечаток сняли плёнкой и не называли владельца.

Вера легла на пол там, где лежало тело, не касаясь отмеченной зоны. С этого уровня была видна нижняя сторона столешницы. Там блестела полоска прозрачного скотча. К ней раньше крепили плоский предмет размером с задник, но остался только слой клея и две чёрные ворсинки бархата.

— Он спрятал негатив под столом, — сказала она.

— Или коробку с бумагой, — ответил Илья.

От места до ванны было меньше метра. Человек с больным сердцем мог почувствовать приступ, потянуться за лекарством на столе, упасть и задеть кювету. Картина не требовала чужой руки. Но после смерти кто-то встал на колени рядом, снял приклеенный предмет и вытер участок доски.

След колена сохранился в высохшем растворе. Широкий, без рисунка ткани. Рядом лежала половина бахилы, найденная раньше. Если это был Шевцов, он мог стоять на коленях,

проверяя пульс. Если похоронный работник — помочь переложить тело. Дом не сохранили вовремя, и каждый законный посетитель получил место внутри подозрения.

В сливе ванны нашли кусок фотоплёнки длиной в один кадр. Эмульсия полностью сошла, изображение отсутствовало. Перфорации не было: широкий формат. На краю сохранился заводской номер партии, той же, что использовал Мерц в двухтысячном шестом.

— Старый мусор, — сказал Илья.

— Возможно.

Вера услышала собственный голос и посмотрела на него. Илья не улыбнулся.

Кусок застрял ниже сифона под слоем известкового налёта. Его не могли смыть в последние недели, не нарушив налёт. Значит, Антон проявлял старую плёнку в этой лаборатории раньше и хотя бы один обрезок потерял. Найденный у стола негатив не был первым опытом.

На стене над ванной висела полка с реактивами. Одну бутылку переставили: круг пыли оставался справа, ёмкость стояла слева. За ней Вера нашла карандашную дату — 19 июля — и две буквы: «А. Ш.» Они могли означать фамилию Шевцова или инициалы раствора, который Антон смешивал сам.

Криминалист снял надпись и состав бутылки. Внутри был обычный фиксаж. Вера не позволила буквам стать именем без другой опоры.

У дверного косяка обнаружились тонкая полоса стоматологического цемента. Такой же материал искали под ногтями Павла. Полоса лежала поверх свежей щепы от взлома, то есть появилась после смерти Антона, когда дверь выбивали. Её мог оставить Шевцов, фельдшер или любой сотрудник с временной пломбой. Но до вскрытия список людей был конечным. Илья велел запросить стоматологические карты всех, кто входил, только с их согласием или постановлением.

— Полпосёлка пошлёт нас, — сказал криминалист.

— Тогда запишем, кто отказался, — ответил Илья.

В нижнем ящике шкафа Вера нашла папку со своими работами. Отец вырезал снимки из газет и распечатывал материалы с сайтов. Под каждым ставил дату. На фотографии места аварии карандашом отметил неверный масштаб линейки. На портрете погибшего рыбака написал: «слишком красиво».

На последующих листах шли её ошибки. Смазанный номер машины, пересвеченное окно, отражение сотрудника в зеркале. Антон отмечал красным, где защита могла оспорить кадр. Ниже приклеивал газетные вырезки о приговорах, где фотографии Веры приняли как доказательства.

Он спорил с ней в одиночку. Исправлял, хвалил, сердился и не отправлял ни слова.

Вера нашла конверт со своим адресом во Владивостоке. Внутри лежала одна страница: «Я должен был сказать тебе про Лиду раньше». Дальше лист оставался пустым. Письмо не было признанием и ничего не объясняло. Отец начал фразу, на которой останавливался всю жизнь.

Она отдала конверт криминалисту. Личный текст мог содержать отпечатки и дату бумаги. Прочитать его как дочь она уже не могла.

Ни одного письма ей он не отправил.

За папкой лежала пачка открыток без марок. На каждой был её владивостокский адрес и разный год. Антон начинал одинаково: «Вера, у нас шторм», «Вера, крыша снова течёт», «Вера, Мерц спрашивал». Дальше писал два-три предложения о доме и останавливался перед тем, ради чего сел за стол.

На открытке 2014 года он сообщил о смерти отца Ильи, но не о найденной копии протокола. На следующей написал, что видел снимок Веры в газете и что масштабная линейка лежит под неправильным углом. Ни слова о том, что фотографию приняли в суде.

Последняя открытка была датирована июлем. Антон написал: «Нашёл вашу фотографию у санатория. Ты была не там, где я заставил тебя помнить». Потом зачеркнул всю строку и разорвал открытку пополам. Обе половины сохранил.

Вера положила их рядом под камерой. Почерк, нажим, последовательность штрихов могли подтвердить дату. Для неё важнее было другое: отец сформулировал правду и снова выбрал ящик.

— Заберёшь потом, — сказал Илья.

— Если следователь вернёт.

— Я сделаю копии.

Вера посмотрела на него.

— Не прячь их у себя ещё девять лет.

Илья ничего не ответил. Сам вписал открытки в опись и поставил рядом пометку: «изъято открыто, с уведомлением собственницы». Маленькая правильная строка не исправляла прежних, но хотя бы не добавляла новую тайну.

На дне пачки лежала фотография Веры на школьном крыльце. Павел и Светлана стояли по сторонам, Лида сидела на ступень ниже. Антон обрезал края так, чтобы все четверо поместились. Впервые Вера увидела снимок, где никто не оказался за рамкой.

Марина заглянула через плечо.

— Он следил за тобой.

— Наблюдал. Следят за живыми, когда хотят что-то изменить.

На последнем листе была фотография, сделанная самой Верой во Владивостоке: пустая лестница морга после ночного дежурства. Антон обвёл тёмное пятно у двери и написал: «человек или отражение?»

Вера помнила тот кадр. У двери никого не было. Пятно оказалось санитаром за матовым стеклом.

Отец учил её сомневаться в изображениях и сам поверил одному снимку настолько, что вернулся к старому делу.

Криминалист нашёл в кармане папки чек из стоматологии. Пациент — Антон Ланской, дата за три недели до смерти. На обороте отец записал фамилию Шевцова и номер зуба: нижний шестой.

— Он был в клинике не как пациент, — сказала Вера. — Наблюдал.

— Или лечился и слышал фамилию, — ответил Илья.

— В его карте нет лечения в этот день.

Илья упаковал чек отдельно.

На тумбочке стояла фотография матери Веры. Рамку недавно открывали: защёлки блестяли, картонная подложка лежала криво. За снимком ничего не оказалось, но в пазу застрял кусочек кальки с синей линией.

Кальку совместили с продавленным планом из блокнота позже. Пока Вера сняла ширину линии и направление волокон. На обороте виднелась точка красного карандаша. Антон разрезал карту минимум на несколько частей и прятал отдельно, чтобы один найденный лист не дал вход.

Под рамкой сохранился отпечаток круглой подставки. В комнате не было ни стакана, ни чашки. Тот, кто искал кальку, поставил напиток и провёл здесь достаточно времени, чтобы вода прошла в лак.

Часть карты уже была здесь. Кто-то забрал её после смерти Антона.

Марина повела их в сарай. По пути остановилась у стены, где копоть образовала прямоугольник.

— Здесь висела фотография Лиды, — сказала она.

— В сарае?

— Антон не держал её в доме. Говорил, Вера увидит.

Вера посмотрела на пустой прямоугольник. Отец скрывал снимок дочери от дочери, защищая её от знания, которое сам рассматривал каждый день.

Под верстаком нашли банку с окурками. Антон бросил семь лет назад, но верхние окурки были свежими и без фильтра — такими курил Беляев. Сам Беляев не мог оставить их сейчас. Кто-то намеренно воспроизводил его привычки или Антон хранил старый образец запаха и слюны.

Криминалист упаковал банку, отделив слои по глубине.

Третья доска от стены поднималась, если нажать у ржавого гвоздя. Под ней был тайник. Пустой.

— Здесь лежала карта, — сказала Марина. — И фотография.

— Ты всё забрала? — спросил Илья.

— Только карту.

— Что осталось?

— Блокнот, два задника, конверт с ключом.

— Сейчас ничего.

Марина опустила на корточки, морщась от боли в ноге.

Тайник был выложен жестью от старой коробки. На дне сохранились прямоугольники пыли: два задника, блокнот и узкий конверт. Форма совпадала с её описанием. Марина действительно видела содержимое, но это не доказывало, что забрала только карту.

На внутренней стороне доски Антон выжиг три буквы: «В. П. С.». Вера, Павел, Светлана или «вход, проход, сброс». Инициалы работали как любая неполная улика — принимали смысл, который им предлагали.

В щели нашли свежую стружку и прозрачный лак. Тот же состав использовали для восстановления пломбы лаборатории. Человек вскрыл оба тайника в один визит и имел время аккуратно закрыть.

— Доска была прибита обратно.

Криминалист осветил гвоздь. На шляпке — свежие царапины. Тайник вскрывали после Марины.

— Кто знал? — спросил Илья.

— Антон. Я. Теперь вы.

— Как ты нашла?

— Лида прятала здесь сигареты. Я вспомнила.

Вера посмотрела на неё.

— Лида бывала в нашем сарае?

— Часто. Ты не замечала.

Слова задели сильнее, чем должны были.

В дальнем углу стоял рабочий стол Антона. В ящике лежали линейки, калька, старый блокнот. Несколько страниц вырезаны ножом.

На столе сохранились четыре круглых прожога от сигарет. Один был свежим: дерево ещё пахло дымом под верхним слоем копоти. Антон не курил, но мог позволять гостю. Соседка вспомнила мужчину в рабочей куртке, который приезжал к нему за неделю до смерти. Машина стояла в овраге, лица она не видела.

Под ящиком приклеили магнит. На нём раньше держался ключ или металлическая пластинка. След пыли совпадал с копией П-4, найденной у Марины, но размеров ключей никто ещё не сравнивал.

Вера положила следующий лист под косой свет. Бумага сохранила продавленные линии.

— Карта.

Криминалист принёс электростатическую плёнку. На ней постепенно проявилась схема: главный корпус, коллектор, резервуар и боковой тоннель, которого не было на карте Марины.

У тоннеля стояли буквы «Б. видел». Ниже — «доступ из котельной».

— Беляев видел, — сказала Вера.

— Или был входом, — ответил Илья.

На втором продавленном листе проступили фамилии. Павел. Света. Мерц. Шевцов. Напротив первых двух — даты и время отливов. Напротив Шевцова — «зуб, 19.07».

— Отец следил за ним, — сказала Вера.

— Или записал приём у стоматолога.

— Почему в этом блокноте?

Илья промолчал.

Третья страница сохранила часть фразы: «если со мной — искать в...» Дальше нажим исчезал.

— Где? — спросила Марина.

Вера провела пальцем над бумагой, не касаясь. В нижнем углу был прямоугольник и четыре короткие метки по краю. Похоже на схему фотоплёнки.

— В снимке.

Криминалист упаковал блокнот.

Из дома крикнули.

В лаборатории под раковиной нашли второй тайник. За съёмной панелью лежали пустые папки и металлическая коробка. Замок был сломан. На дне осталась красная нить и одна ампула без этикетки.

Ампула была янтарной — той формы, в которой аптека получала мидазолам. Стекло не вскрывали. Внутри оставалось меньше половины прозрачной жидкости. Этикетку сняли давно: клей пожелтел и собрал пыль.

Если Антон нашёл препарат до убийства Павла, ампула могла происходить из старого дела. Если её подложили после смерти, она связывала дом с новой серией. Дату давали только номер на горлышке и состав стабилизатора.

Красную нить завязали узлом, похожим на браслет Лиды. Волокна были новыми, машинной окраски. Старую нить из сушильни имитировали, но не использовали её саму.

— Не трогать, — сказал Илья.

Вера увидела на внутренней стороне крышки бурый отпечаток ладони. У большого пальца отсутствовала верхняя фаланга.

— У кого не было пальца?

Марина ответила:

— У Беляева. Отрубило на пилораме.

— Он касался коробки, — сказала Вера.

— Или Антон сохранил его отпечаток.

Илья осмотрел панель.

— Тайник вскрыли через окно вентиляции. Те же следы инструмента, что на чердаке.

В коридоре погас свет.

Вера замерла.

— Все на месте? — спросил Илья.

Понятые отозвались из спальни. Криминалист — из кухни. Марина стояла рядом.

Снаружи хлопнула дверь сарая.

Илья побежал первым.

Из-под крыши уже шёл дым.

Огонь вспыхнул сразу по трём стенам. Сухое дерево занялось ярко, будто его облили горячим заранее. Внутри остались рабочий стол, тайник и следы на полу.

Криминалист успел вынести блокнот и электростатические плёнки. Металлическая коробка уже лежала в машине. В сарае остались банка с нижними слоями окурков, отпечатки на столе и пустые места, по которым можно было восстановить размеры украденного.

Огонь начался не возле двери. Сначала вспыхнула дальняя стена, затем пол под верстаком и только потом окно. Значит, горячее нанесли заранее, а поджигатель активировал несколько фитилей или один проводной нагреватель.

Вера увидела тонкую леску, уходящую от окна в траву. Она обгорела и лопнула, но конец тянулся к оврагу. Человек мог запустить огонь, не приближаясь к сараю во время обыска.

— Воду! — крикнул Илья.

Шланг у дома был перерезан.

Вера схватила огнетушитель из машины. Подошла к двери, но жар ударил в лицо. Илья оттолкнул её и выбил окно лопатой. Пена легла на пламя, огонь отступил на секунду и снова поднялся.

Из сарая донёсся треск. Рухнула полка.

— Там никого? — спросила Вера.

— Было пусто.

За задней стеной мелькнула фигура.

Она побежала вдоль забора. Светлая куртка, капюшон. Правая рука прижата к груди.

Вера бросилась следом.

Человек перелез через сетку и спрыгнул в овраг. Она добралась до разрыва. Внизу шумел ручей. На глине остался отпечаток ботинка с двумя полосами приливной грязи.

Сетка была разрезана заранее и скреплена тонкой проволокой. Человек дёрнул нижний конец, секция открылась как дверь. Маршрут готовили до пожара.

Вера остановилась у кромки только на секунду. За это время фигура успела пройти до ручья. Хромоты не было. Наоборот, человек двигался быстро и уверенно, пока не прижал правую руку к груди.

Очки под капюшоном отражали свет, но одна линза отсутствовала. На щеке темнела полоска. Маринино показание получало опору, однако лица Вера всё равно не увидела.

И белая крошка.

Сзади Илья кричал её имя.

Вера спустилась на шаг и увидела на ветке кусок синей перчатки. На нём темнела кровь.

Человек в овраге остановился. Повернул голову.

Под капюшоном блеснули очки.

Потом фигура исчезла в трубе под дорогой.

Илья схватил Веру за плечо и оттащил от склона.

— Не лезь!

Она вырвалась.

— Он там.

— Труба выходит к морю. Группа перехватит.

— Как на волнорезе?

Илья замолчал.

Сарай горел ещё двадцать минут. Пожарные спасли половину стола и обугленную доску тайника. Всё бумажное исчезло.

Когда пламя сбили, Вера вернулась к окну лаборатории. На стекле снаружи был нарисован круг, похожий на объектив.

Внутри круга написано:

«Третий — ты».

Глава 16. Тепло чужого тела

Пожарные уехали после полуночи.

Сарай остался чёрной коробкой без крыши. От мокрых головешек шёл пар. Дом уцелел, но электричество отключили, а окна лаборатории закоптились.

Пожарный дознаватель нашёл три точки поджога. В каждой лежала спираль из тонкой проволоки и обугленный аккумулятор. Систему включили по радиосигналу. Дальность — несколько сотен метров, если между передатчиком и сараем нет бетона.

На обочине у оврага нашли пластиковый пульт без батареек. Он мог открыть автомобильные ворота, включить свет или запустить спирали. Поверхность протёрта, внутри белая крошка. Вера сняла его там, где лежал, но не позволила себе назвать пультом поджигателя.

Дознаватель проверил частоту на переносном анализаторе. Пульт работал в обычном диапазоне дешёвых реле. В радиусе трёхсот метров откликнулись ворота двух гаражей, сигнализация магазина и наружный свет у соседки. Спираль в сарае принимала тот же код; завод оставлял всего четыре стандартные комбинации.

— Значит, мог сработать случайно? — спросила Вера.

— Три спирали одновременно — нет. Но этот пульт мог не быть тем, которым включили.

Внутри корпуса сохранилась царапина от отвёртки и волосок медной проволоки. Такие же жилы использовали в механизме камеры на чердаке. Совпадал диаметр, не состав изоляции. Дознаватель записал связь как вероятную и запросил магазин, где продавались реле.

На схеме пожара он отметил задержку между точками: дальняя стена вспыхнула первой, верстак через четыре секунды, окно ещё через три. Сигнал подали один, но реле были настроены последовательно. Поджигатель не смотрел на сарай и не нажимал три кнопки. Он собрал устройство заранее, проверил порядок и оставил ждать обыска.

— Откуда знал, когда начнём? — спросил Илья.

— Не знал, — ответила Вера. — Камера в доме сообщила.

Они осмотрели уцелевшие стены. За вентиляционной решёткой лаборатории нашли два тонких провода. Один шёл к камере, второй — к датчику света. Когда включили переносные лампы для обыска, датчик отправил сигнал в овраг. Наблюдателю оставалось лишь дожидаться, пока люди вынесут часть найденного, и активировать огонь.

Пожар был не попыткой уничтожить всё. Человек выбирал, чему позволить уцелеть.

Дождь смыл запах горючего с земли. В уцелевшей банке нашли дизель и следы эвгенола. Кто-то добавил гвоздичное масло даже к огню, превращая каждый новый запах в подпись.

Вера сидела на крыльце, завернувшись в одеяло из машины скорой. Одежда пахла дымом. На ладонях подсыхали мелкие ожоги.

Илья разговаривал с дознавателем у калитки. Марину увезли в больницу. Криминалисты ещё ползали по оврагу с фонарями.

Егор приехал без вызова.

Он сначала осмотрел Илью: рассечённая щека, ожог на запястье, снова разошедшийся шов ладони. Илья отказался ехать в больницу. Егор сделал фотографию повреждений при понятых и записал отказ, не споря.

— Ты стал покладистым, — сказал Илья.

— Я научился оставлять людям их плохие решения с подписью.

Вера услышала в этой фразе и себя. Егор не посмотрел на неё, пока не закончил с Ильёй. Он поставил медицинскую сумку на ступень и сел рядом.

— Покажи руки.

— Уже обработали.

— Тогда покажи, как обработали.

Вера протянула ладони. Егор снял чужие пластыри, промыл кожу и наложил новые. Работал медленно, не касаясь там, где не требовалось.

— Дышать больно?

— Нет.

— Голова кружится?

— Только от вопросов.

— Значит, дымом не отравилась.

Он посветил ей в глаза.

— Ты всегда приезжаешь после пожара? — спросила Вера.

— Илья позвонил.

— Он решил, что мне нужен надзиратель?

— Решил, что тебе нужен человек, которому ты позволишь осмотреть себя.

— Самоуверенно.

— С его стороны — да.

Егор убрал фонарь.

Вера смотрела на его пальцы. На правой руке не было порезов. Кольца он никогда не носил. Когда-то она знала каждую линию на этих ладонях, потом научилась не вспоминать.

— Ты исследовал медицинскую карту отца?

— Поднял копии. Сердце плохое, два инфаркта, нарушение ритма. Его смерть могла быть естественной.

— Могла.

— Да.

— А могла не быть?

— Без вскрытия я не скажу. Через столько дней токсикология ограничена, но эксгумация ещё может дать ответы.

Егор перечислил, что смогут установить: старые инфаркты, следы инъекций, некоторые препараты в волосах и тканях, переломы или кровоизлияния. Не смогут восстановить точный момент аритмии, доказать действие вещества, которое быстро распалось, или вернуть уничтоженные образцы из дома.

— Если ничего не найдёте, это будет значить, что его не убили?

— Нет. Будет значить, что мы не нашли признаков убийства.

— Люди услышат первое.

— Поэтому в заключении пишут второе.

Вера подписывала согласие уже в машине скорой. Рука дрожала от ожога, и подпись получилась похожей на ту, которой четырнадцатилетняя девочка закрепила чужой протокол. Она попросила новый бланк и расписалась снова, медленно.

— Я подпишу.

— Подумай до утра.

— Почему все дают мне время, когда сами уже решили?

Егор закрыл сумку.

— Потому что решение останется с тобой, когда мы уйдём.

Илья подошёл к крыльцу.

— В овраге потеряли след у трубы. На перчатке кровь. Отправляем срочно.

— Шевцов дал образец, — сказала Вера.

— Сравнят.

Илья посмотрел на Егора.

— Заберёшь её?

— Она сидит рядом и слышит, — ответил тот.

— В доме ночевать нельзя. Проводка повреждена.

— У меня есть диван.

— У тебя всегда был диван, — сказала Вера.

Егор поднял бровь.

— Он стал старше. Как мы.

Илья протянул ей ключи от отцовского дома.

— Утром вернёмся с электриком. Ночью здесь останется пост.

— Такой же внимательный, как в порту?

Он принял удар без ответа.

— Я сам проверю.

Постовой оказался тем самым молодым полицейским, который утром охранял калитку. Он избегал смотреть на Веру.

— За домом есть второй выход из оврага, — сказала она. — Не стой у крыльца. Отсюда ничего не увидишь.

— Мне приказали не покидать вход.

— Тогда попроси напарника.

Напарника не было. Илья позвонил дежурному, но свободных людей не нашли.

— Вот так охраняли отца? — спросила Вера.

— После его смерти дом не считался местом преступления.

— Пока в нём не появился отпечаток будущего трупа.

Илья снял с себя сигнальный жилет и отдал постовому.

— Обойди овраг. Каждые десять минут связь. Я останусь до приезда смены.

— Тебя ждут в отделении, — напомнил Егор.

— Подождут.

Вера увидела, как Илья снова выбирает маленькое нарушение вместо признания, что система не работает. Раньше это казалось заботой. Теперь — способом никогда не менять саму систему.

Из сгоревшего сарая вынесли металлическую коробку. Крышка покоробилась, замок расплавился. Внутри сохранилась одна стеклянная пластинка, покрытая копотью.

На краю пластинки уцелела бумажная наклейка: «17/4». Не дата — порядок хранения, если Антон нумеровал секцию и узел так же, как Светлана. Стекло было старше бумаги. Его могли вынуть из архива и подписать недавно.

Второй мужчина на изображении стоял спиной. У него не хватало верхней фаланги большого пальца или рука просто скрывалась за инструментом. Вера не стала приближать кадр на телефоне: цифровое увеличение дорисовывало квадраты там, где эмульсия уже сгорела.

Пластинку отправили в областную лабораторию без проявки на месте. Уцелевшее изображение пришлось ждать.

Вера посветила сбоку. Под чёрным слоем угадывались силуэты двух мужчин у технического люка. Один держал молоток или длинный ключ.

— Не чистить на месте, — сказал Егор. — Стекло лопнет.

Пластинку упаковали между листами пены. Она могла оказаться единственным уцелевшим кадром из тайника Антона.

— Теперь точно уедешь, — сказал Илья.

— Уеду ночевать. Это не одно и то же.

* * *

По дороге Егор остановился у круглосуточного магазина. Вера осталась в машине и увидела своё лицо в боковом стекле: сажа у виска, распухшая губа, чужое одеяло на плечах.

Егор вернулся с водой, хлебом и новой зубной щёткой.

— Не рассчитывай смысл в щётке. У меня запасных нет.

— Раньше были.

— Раньше ты оставляла свою.

Вера взяла пакет.

— Почему мы тогда разошлись?

— Ты помнишь.

— Помню последнюю ссору. Это момент разрыва, не причина.

Егор завёл двигатель не сразу.

— После дела в больнице ты опубликовала снимок до экспертизы. На нём казалось, что хирург оставил инструмент в ране. Потом выяснилось, это тень фиксатора.

— Я не публиковала. Редактор взял из общей папки.

— Ты положила туда необработанный кадр без пометки.

— Потому что спешила на второе место.

— Вот причина. Не оправдание.

Вера вспомнила дочь хирурга, которая написала ей одно сообщение: «Вы хотя бы были уверены?» Тогда Вера не ответила. Уверенность казалась неважной рядом с возможной ошибкой врача. Теперь она видела, как легко возможное становится именем под фотографией.

— Почему ты скрыл осложнения? — спросила она.

— Главврач сказал, если отделение закроют, ближайшая хирургия будет в двухстах километрах. Я решил, что две семьи выдержат ложь ради остальных.

— Выдержали?

— Одна уехала. Вторая судилась пять лет.

Они оба знали цену своих решений и всё равно десять лет говорили о чужом.

— Я исправила подпись.

— Через сутки. Его дочь уже прочла, что отец убийца.

— А ты скрыл два осложнения, чтобы не разрушить отделение.

— Да. Мы оба называли свой страх работой.

Вера смотрела на дождь.

— Сейчас я опять вижу фигуры раньше фактов.

— Но теперь рядом есть люди, которые спорят.

— И сами прячут протоколы.

— Поэтому спорить придётся со всеми.

Квартира Егора находилась над почтой. В кухне горела одна жёлтая лампа. На подоконнике стояли банки с засохшим базиликом. Диван действительно был прежний — тёмно-зелёный, продавленный с правой стороны.

Вера приняла душ. Дым всё равно остался в волосах. Егор оставил у двери старую футболку и спортивные брюки.

На столе ждали яичница и чай.

— Ты помнишь, что я не ем яйца ночью?

— Ты не ела их после дежурств. Сейчас не дежурство.

Она села.

На холодильнике висела фотография бухты. Вера снимала её десять лет назад: серый лёд, красный буксир, пустой причал.

— Почему не выбросил?

— Хорошая фотография.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Они ели молча. За стеной кто-то включил воду. Трубы задрожали.

— В санатории мне показалось, что я снова там, — сказала Вера. — Не вспомнила. Именно оказалась.

— Запахи так делают.

— Ты объясняешь всё телом.

— Это моя работа.

— А снимки, которых не могло быть?

— Кто-то их сделал.

— Лицо Лиды взрослое.

— Ты хотела его увидеть.

— Ты не видел плёнку.

— Поэтому не спорю с плёнкой. Спорю с тем, как ты её читаешь.

Вера отодвинула чашку.

— Илья читает протоколы. Ты — тела. Отец читал чужой страх и называл это защитой.

Все вы выбираете язык, на котором вам невозможно возразить.

— А ты выбираешь кадр.

— Кадр можно показать.

— Но нельзя показать то, что осталось за краем.

Она встала. Егор тоже.

Несколько секунд они стояли слишком близко. Вера чувствовала тепло его тела и запах мыла. Не химии, не дыма, не гвоздики.

— Я не хочу быть одна, — сказала она.

— Это не то же самое, что хотеть меня.

— Не решай за меня.

Она поцеловала его первой.

Егор ответил не сразу. Ладонь остановилась у её плеча, давая возможность отступить.

Вера не отступила.

Они дошли до спальни, задевая мебель. Потом спешка закончилась. Остались знакомые движения, изменившиеся тела и осторожность, которой раньше не было. Егор спрашивал взглядом. Вера отвечала сама.

На его плече остался старый след ожога, которого Вера не помнила. Он появился после их разрыва. На её боку — тонкий шрам от стекла в аварийной машине. Они не спрашивали сразу. Пальцы находили новые границы медленнее, чем прежние привычки.

Вера остановила Егора, когда запах дыма вернулся из собственных волос. Он отстранился без вопроса, принёс воду и сел на край кровати. Через минуту она сама потянула его обратно.

Близость не закрыла ни пожар, ни мёртвых. Только на короткое время тело перестало быть уликой, которую надо снимать со всех сторон.

После она лежала спиной к нему. Его рука не касалась её, но тепло ощущалось через простыню.

— Ты жалеешь? — спросил он.

— Ещё не утро.

— Честно.

— Ты сам просил.

Егор лёг на спину.

— Утром ты снова будешь считать это ошибкой в последовательности действий.

— Возможно.

— Уже говоришь как Илья.

— Он заразный.

Вера повернулась к нему. В темноте лицо было знакомым только по контуру.

— Я не вернусь к тебе потому, что в Керне убивают людей.

— Хорошо.

— И не останусь потому, что мы переспали.

— Тоже хорошо.

— Тебя это совсем не злит?

— Злит. Но злость не даёт мне права придумать твой ответ.

Раньше Егор спорил бы. Она ждала старого движения — ладони по лицу, резкого вдоха, попытки объяснить за обоих. Он просто лежал рядом.

— Почему ты не уехал из Керна? — спросила Вера.

— Мать болела. Потом умерла. Потом я уже знал здесь слишком много людей, которых некому вскрывать и лечить.

— Благородно.

— Ленъ переезда звучит хуже.

Он рассказал о следе ожога. На ночном вызове перевернулась машина скорой, загорелся мотор. Егор вытаскивал водителя через разбитое окно. Вера читала заметку об аварии и не увидела его фамилии: пострадавших было двое, врач не упоминался.

— Ты мог написать.

— Мог.

— Почему не написал?

— По той же причине, по которой ты не отвечала отцу. Хотел, чтобы первый шаг сделал человек, который причинил боль.

— И оба ждали.

— Да.

Он не превратил совпадение в урок. Через некоторое время Вера коснулась пальцами старого ожога, затем убрала руку. Они уснули порознь на одной кровати.

* * *

Вера проснулась среди ночи от капающей воды. На лестничной площадке стояли мокрые следы обуви. Они поднимались снизу и заканчивались у двери Егора. Обратных не было.

Она разбудила его, коснувшись ступни. Егор взял скальпель из сумки. Вместе они открыли дверь.

На коврик лежала фотография изображением вниз. Вера не подняла. Сняла положение и подсветила края. Бумага сухая, следы мокрые — её положили раньше, а обувь прошла позже.

На снимке была спальня Егора, снятая через дверной проём. В углу кровати виднелось плечо Веры. Кадр сделали меньше часа назад.

По высоте кадра камера находилась в двадцати сантиметрах над полом. Дверь спальни они не закрывали. Из коридора квартиры снимать было некому — вход заперт, окна закрыты. Значит, объектив находился в вентиляционной шахте напротив проёма.

На фотографии Егор стоял у окна спиной. Вера лежала одна. Это был момент, когда он ходил за водой. Наблюдатель выбрал кадр без прикосновения, чтобы показать не близость, а доступ.

На обороте не было надписи. Только отпечаток круглой резиновой ножки, такой же как у маленьких медицинских камер для наблюдения за пациентами.

Илья приехал через двенадцать минут. За вентиляционной решёткой в коридоре нашли камеру с проводом в общую шахту.

— Он ждал здесь заранее, — сказал Егор.

Камеру установили не из квартиры. Кабель спускался внутри шахты до подвала, затем выходил в щитовую почты. Электричество брали с линии наружной вывески. Днём её отключали, ночью включали автоматически. Поэтому камера могла работать только после девяти вечера — именно тогда, когда Егор обычно возвращался с дежурства.

В памяти устройства хранились короткие записи за шесть ночей. На них Егор один входил в квартиру, готовил, проходил из ванной в спальню. Человек наблюдал не за Верой заранее. Он изучал Егора и оставил устройство до её появления.

— Кто знал адрес? — спросил Илья.

— В медицинском справочнике, — ответил Егор. — И полпосёлка.

— Кто знал распорядок?

— Любой в больнице.

Последний файл оборвался, когда Вера вошла в кадр. После этого камера перешла на прямую передачу. Запись спальни не сохранили на карте: снимок напечатали в другом месте и принесли к двери.

Мокрые следы на лестнице оказались постановкой. Они начинались у кладовки на первом этаже, где стояло ведро с водой, и заканчивались у квартиры. Подошвы не несли уличной грязи. Человек надел чистые ботинки, наступил в ведро и прошёл наверх, чтобы заставить их искать вход через лестницу.

В кладовке нашли рулон бумажных полотенец, свежую пару бахил и открытый люк в подвал. Настоящий путь шёл через щитовую. Замок там не ломали: служебный ключ имели почтальоны, электрик и управляющая дома. Один запасной пропал месяц назад, но заявление не писали — управляющая решила, что потеряла сама.

На наружной стене подвала остался след от сумки с инструментами. Ширина совпадала с сумкой курьера, снятого у полицейского архива. На этот раз камера магазина напротив могла видеть выход. Илья отправил Дениса за записью немедленно, пока суточный цикл не перезаписал ночь.

Вера смотрела на кадры шести пустых вечеров. Наблюдатель мог снять Егора раньше. Не сделал. Ждал, пока появится она, чтобы превратить его квартиру в очередную декорацию.

На корпусе не было отпечатков. Поролоновая прокладка крошилась тем же белым материалом, что в санатории.

Илья остался на площадке до рассвета. Вера и Егор лежали одетыми, не касаясь друг друга. Теперь тепло чужого тела не успокаивало. Оно означало ещё одного человека, которого можно использовать против неё.

Утром Егор сварил кофе и ушёл отвечать на звонок. Вернулся уже одетым.

— Образец с перчатки совпал.

Вера села.

— С Шевцовым?

— Вчера совпал. Сегодня — нет.

Егор открыл на телефоне два лабораторных файла. Первый был автоматическим результатом прибора, сохранённым до ручной проверки. В нём стояли мужские маркеры и пометка «низкое качество». Второй файл создан ночью под той же учётной записью, но время системы отставало на семь минут. Женский профиль был чистым, слишком чистым для крови с грязной перчаткой.

— Исходный файл удалён с прибора, — сказал он. — Копия осталась в резервной папке, потому что синхронизация прошла раньше.

— Значит, первый результат существовал.

— Да. Но совместимость с Шевцовым ещё не совпадение. Там не хватает локусов.

Вера услышала главное: подменили не только пробирку. Кто-то редактировал цифровую цепочку и знал, где искать резервную копию.

— Что значит «вчера»?

— Предварительный профиль крови на перчатке показал мужской образец, совместимый с его контрольным. Ночью сделали повтор. Теперь в пробирке женская кровь.

— Подменили пробу.

— Или перепутали маркировку.

— Где она хранилась?

— В районной лаборатории, в холодильнике под замком.

— У кого ключ?

— У лаборанта, начальника и дежурного врача.

— Шевцов имеет доступ?

— Формально нет.

Егор взял куртку.

— Поедем вместе. До проверки никому не говори о первом результате.

— Илье?

— Особенно Илье. У него в здании уже ходят через архив как через проходной двор.

Вера посмотрела на его правую руку.

— А у тебя есть ключ от холодильника?

Егор застыл.

— Есть.

— Ты дежурный врач.

— Сегодня — да.

— Ночью где был ключ?

— В кармане. Здесь.

Они посмотрели на одежду, брошенную у кровати.

Дверь квартиры не была взломана.

На связке Егора висел новый ключ — маленький, блестящий, которого он раньше не видел.

Ключ открывал не холодильник. На головке был выбит номер ячейки хранения в лаборатории. Егор позвонил дежурной и попросил не подходить к ячейке до их приезда.

Вера сфотографировала связку на тумбочке. Кольцо не было разжато. Новый ключ крепился на тонкой проволоке, закрученной инструментом. Человек вошёл в квартиру или дотянулся до одежды через вентиляционный люк в гардеробной.

Егор открыл люк. На краю осталась белая крошка и след мокрой синей перчатки.

Глава 17. Партия препарата

Холодильник в лаборатории оказался заперт.

Пломба на дверце цела. Журнал доступа лежал рядом. После полуночи никто не расписывался.

Егор открыл замок своим ключом. Новый ключ со связки не подошёл.

Он подошёл к ячейке семнадцать в металлическом шкафу у центрифуги. Внутри лежал пустой контейнер для мазков и карточка доступа без имени. На магнитной полосе сохранились последние проходы: клиника Шевцова, лаборатория, служебный вход порта.

Карточку выпустили на временного сотрудника подрядной организации. Срок закончился год назад, но систему клиники не обновили. Любой, кто сохранил пластик, мог входить в технические помещения, пока охрана смотрела только на зелёный сигнал.

— Ключ мне повесили, чтобы мы нашли ячейку, — сказал Егор.

— Или чтобы ты выглядел человеком, который её использовал.

Вера сняла проволоку на кольцо. На ней были насечки узких плоскогубцев, одинаковые с креплением бирки П-4 у Павла. Совпадал инструмент, не рука.

Внутри стояли три ряда пробирок. Контрольный образец Шевцова — на месте. Пакет с кровью с перчатки — тоже. Номер совпадал, подпись на пломбе принадлежала лаборанту.

Температурный регистратор показал открытие дверцы в 02:13 на восемь секунд. Журнал доступа молчал. Прибор работал автономно и сохранял данные на внутреннюю карту, о которой большинство сотрудников не знало.

За восемь секунд нельзя найти нужную пробирку среди трёх рядов, если не знать точное место. Но можно заменить заранее подготовленный пакет, лежащий у края.

На резиновой полке осталась круглая капля воды. В холодильнике она должна была замёрзнуть по краям, а сохранилась жидкой из-за спирта или консерванта. Кто-то протёр место подмены, но не высушил.

— Пломбу можно снять паром, — сказала Вера.

— Можно. Но она меняет цвет при нагреве.

— Тогда пакет подменили до пломбирования.

Егор вызвал лаборанта. Молодая женщина пришла через двадцать минут, заплаканная и злая. Она клялась, что вчера сама перенесла кровь из тампона в пробирку и закрыла пакет.

— Кто стоял рядом? — спросила Вера.

— Начальник. Курьер. Потом Аркадий Львович заходил по договору клиники.

— В лабораторию?

— В коридор. Он не мог войти.

— Вы выходили?

— На минуту. Подписать накладную.

Егор попросил камеры. Видеозапись показала, как лаборант выходит. Дверь остаётся приоткрытой. Через коридор проходит человек в белом халате, но в помещение не заглядывает. Через сорок секунд лаборант возвращается.

Вера попросила исходный файл, не запись с экрана. На отдельных кадрах белый халат распадался на горизонтальные полосы. Человек шёл не мимо камеры: изображение воспроизводили на небольшом мониторе перед объективом. Частота развёртки не совпадала с камерой и давала мерцание.

На одном кадре у нижнего края появился угол рамки монитора. Коридор в эти сорок секунд мог оставаться пустым. Запись подменяли не в архиве, а прямо во время съёмки.

— Кто имеет доступ к шкафу видеонаблюдения? — спросил Илья.

Начальник лаборатории назвал техника. Тот обслуживал и клинику Шевцова, и порт, и камеры в аптеке. Небольшой посёлок экономил на подрядчиках, а убийца получал одну техническую дверь на несколько мест.

Лица человека камера не захватила.

— Рост примерно как у Шевцова, — сказала Вера.

— И как у меня, — ответил Егор.

В кармане халата виднелась синяя коробка перчаток.

Илья приехал после звонка начальника лаборатории. Выслушал молча, изъяс записи, ключи и журналы.

— Почему не сообщили сразу? — спросил он.

Егор ответил:

— Хотел сначала убедиться, что это не ошибка.

— Или договориться, что говорить.

Вера посмотрела на Илью.

— Ты сам скрывал протокол девять лет.

— Поэтому знаю, как выглядит хорошая причина молчать.

Егор отвернулся.

— Проверьте состав крови. В женском образце есть консервант из банка донорской крови. Это не случайная пробирка.

Банк крови находился в том же здании, этажом выше. Списанные пакеты хранили сутки до утилизации. В журнале пропал один с группой Светланы, взятый при реанимации для совместимости. Формально кровь не переливали и пакет должны были уничтожить.

Пустой пакет нашли в контейнере для острых отходов, куда его не должны были класть. Штрихкод Светланы сняли целиком, трубку перерезали у самого зажима. На пластике сохранились два прокола от иглы: через один брали кровь для подмены, второй сделали позже, чтобы объяснить потерю герметичности при утилизации.

Егор взвесил пакет и сравнил с расчётным остатком. Не хватало семи миллилитров. Для новой пробирки требовалось меньше двух. Остальное могли разлить, хранить на следующий раз или использовать в машине Светланы, создавая след похищения.

— Две капли под ковриком, — сказала Вера.

— Объёма хватило бы на сотни таких капель.

Они запросили изъятый материал из автомобиля. Предварительная группа крови совпала, но ДНК ещё не сравнивали. Если кровь окажется Светланиной и в ней будет тот же консервант из банка, сцена в машине станет доказанной постановкой.

Лаборант села на стул у стены. Плакать перестала, лицо стало пустым.

— Меня посадят?

— За что? — спросил Илья.

— Я оставила дверь. Подписала пакет. Пароль знали все, но учётка моя.

— Сейчас запишем каждое действие. Решать будут после проверки.

— Начальник скажет, что я перепутала.

— А ты перепутала?

— Нет.

— Тогда не подписывай слово «перепутала», даже если так будет легче отделению.

Вера услышала фразу, которую Илья говорил и себе. Лаборант попросила новый лист и переписала объяснение без фразы «возможно, допустила ошибку», навязанной начальником по телефону.

Три неиспользованные пробирки из той же упаковки изъяс для сравнения. На внутренней стенке подменённой нашли микроскопическую царапину от металлической иглы. Штатные

пробирки наполняли через пластиковый переходник, он такой царапины не оставлял. Кровь переливали вручную уже после заводской герметизации.

На камере утилизаторской дверь открывал человек в маске и защитном халате. Карта принадлежала санитарке, которая в это время сопровождала тело в морг. Свою карту она оставляла в незапертом шкафчике.

Для подмены требовалось знать результаты и маршрут биологических материалов после смерти. Врач, лаборант, санитар или человек, который давно изучал их привычки.

— Чья кровь?

— Группа совпадает со Светланой. ДНК подтвердят.

— Значит, кто-то взял её кровь после смерти.

— Или до.

Вера вспомнила две капли в машине Светланы.

Подмена была подготовлена заранее.

Камеры в коридоре снимали рывками: архив хранил один кадр в две секунды. В одном человек в халате стоял у двери лаборатории, в следующем коридор уже пустовал. За две секунды пройти до поворота он не успел бы.

— Значит, вошёл, — сказала Вера.

Лаборант побледнела.

— Я бы слышала.

— Центрифуга работала?

— Да.

Дверь лаборатории открывалась картой, но при неполном закрытии замок не вставал. В журнале не осталось входа. На нижнем краю нашли белую крошку и след прозрачной лески. Человек мог придержать дверь из коридора, дожидаться выхода лаборанта и войти.

В мусорном контейнере обнаружили упаковку от пробирки той же серии. Этикетку напечатали на лабораторном принтере. В очереди заданий сохранился лишний файл с номером образца, созданный с учётной записи начальника ночью.

— Пароль знали сотрудники? — спросил Илья.

— Он был записан под клавиатурой, — призналась лаборант.

Илья поднял клавиатуру. Жёлтый стикер оставался на месте.

— Тогда подменить мог любой, кто прошёл коридор.

— И знал, какой образец станет важным до результата, — сказала Вера.

Это сужало круг. Убийца наблюдал за следствием и получал сведения быстрее официальных исполнителей.

Илья составил точную временную линию. В 18:04 прибор выдал предварительный мужской профиль. В 18:07 система отправила уведомление начальнику лаборатории и Егору. В 18:09 начальник позвонил Шевцову по другому вопросу, как утверждал. В 18:13 создали поддельную этикетку. В 18:20 пакет уже лежал в холодильнике.

Егор в это время проводил вскрытие Светланы. Его телефон оставался в шкафу. Илья ехал из санатория. Начальник лаборатории был в кабинете без камеры. У каждого имелось окно, но разной ширины.

— А я? — спросила Вера.

— Ты сидела в коридоре и могла видеть сообщение на телефоне Егора, — сказал Илья.

Она действительно проходила мимо шкафа. Временная линия включила её без скидки на роль главной героини собственного страха.

Егор снял список сотрудников, имевших доступ к предварительным данным. В нём были он сам, начальник лаборатории, Илья, районный следователь и Шевцов как руководитель клиники, чей контрольный образец исследовали.

— Он не должен видеть результаты до протокола, — сказал Илья.

— Не должен, — ответила лаборант. — Но звонит начальнику напрямую.

Телефонные соединения подтвердили: Шевцов звонил за девять минут до создания поддельной этикетки.

Этого всё ещё не хватало для обвинения. Но случайностью подмена быть перестала.

* * *

До вечера проверили всю цепочку закупки. Производитель прислал паспорта партий. Препарат аптеки Марины и препарат клиники выпускали на разных линиях с интервалом в четыре месяца. Отличались форма насечки на ампуле и состав синей краски номера.

Поставщик подтвердил количество по каждой накладной. Клиника получила двадцать ампул в одной запечатанной упаковке. Коробку принял лично Шевцов, потому что старшая медсестра была в отпуске. Его подпись стояла на контрольной ленте.

Через день после поставки две ампулы вернули как повреждённые, но производитель возврата не получил. В акте указывалось, что стекло раздавили и утилизировали на месте. Подписала та же медсестра, хотя из отпуска вернулась позже.

Препарат для Павла и Светланы могли вывести со склада ещё месяц назад. Убийства готовили до смерти Антона или независимо от неё.

Вера снимала образцы через микроскоп. На аптечной ампуле краска лежала точками, на клинической — сплошной полосой. Рядом с фрагментом перчатки из-под ногтей Павла застряла микрочастица такой же сплошной краски.

Павел коснулся ампулы клинической партии во время борьбы или поцарапал человека, который держал её.

Валентина привезла оригинал аптечной накладной. Подпись Марины настоящая, а доверенность клиники напечатана на старом бланке. Номер исходящего письма принадлежал заказу перевозочного материала годичной давности.

Камеры подтвердили: во время выдачи Марина стояла в торговом зале. Разрешение сменщице пришло по внутреннему телефону. Линия проходила через коробку в подвале, доступную из старого коллектора.

Кто-то мог говорить от имени Марины из-под здания.

Результат по мидазолему пришёл к вечеру. В крови Павла и Светланы обнаружили один и тот же препарат с совпадающим набором примесей, отличным от аптечных ампул.

Первый анализ выполнили в районной лаборатории, где уже подменили кровь. Поэтому Илья не позволил строить на нём обвинение. Оставшиеся образцы вскрыли при непрерывной записи, разделили на три части и отправили разными машинами: в область, Владивосток и ведомственную лабораторию порта, которая обычно проверяла технические жидкости.

Названия подозреваемых убрали. Пробы обозначили случайными кодами. Вместе с ними отправили чистый контроль и ампулы обеих партий. Ни один эксперт не знал, где материал жертв, где аптечный препарат, где клинический.

Ответы пришли с разницей в несколько часов. Две лаборатории назвали одинаковый стабилизатор. Третья не имела метода для точного вещества, но отделила аптечную партию от клинической по спектру примесей. Все три независимо поместили кровь Павла и Светланы в одну группу с препаратом клиники.

— Теперь подмена в одном месте не уничтожит результат, — сказал Егор.

— Уничтожит, если исходные образцы были заменены до деления, — ответила Вера.

Он кивнул. Они проверили пломбы морга, видеозапись забора крови и массу контейнеров. На пробах Павла стояла подпись Егора, на Светланиных — фельдшера и второго врача. Оба комплекта хранились в разных холодильниках до общей отправки. Чтобы заменить их заранее, потребовалось бы вмешаться в два места и знать, какие резервные пробирки выберут.

Возможность оставалась. Цена и сложность выросли. Такую опору уже можно было нагрузить.

Ампулы из аптеки Марины содержали консервант на основе бензилового спирта. У жертв нашли другой стабилизатор, характерный для партии, закупленной частной клиникой Шевцова.

Егор разложил документы на столе.

— Аптечные ампулы не использовали при убийствах.

— Тогда зачем их забрали? — спросил Илья.

— Чтобы журнал вывел на Марину.

— Или Марина передала клинике свою партию, а записи подчистила.

— Серийные номера разные, — сказал Егор. — Вот накладная клиники. Партия поступила месяц назад.

В ней было двадцать ампул. По журналу использовали двенадцать. Две разбились. Шесть должны оставаться.

На складе клиники нашли четыре.

Каждую ампулу взвесили. Одна оказалась легче на доли грамма. Горлышко не вскрыто, но в доньшке под этикеткой просверлили микроскопическое отверстие и запаляли прозрачным составом. Содержимое заменили водой.

— Значит, не хватает трёх доз, — сказал Егор. — Две ампулы исчезли, ещё одна опустошена.

Одну дозу ввели Павлу, одну — Светлане. Третья могла быть в игле вентиляции у Веры, в ловушке тоннеля или ждать следующую жертву. Расход совпадал с событиями, но без химического сравнения оставался расчётом.

Шевцов попросил зафиксировать, что отверстие скрыто под заводской этикеткой. Он сам указал на деталь, будто хотел помочь или заранее знал способ.

Шевцов присутствовал при проверке вместе с адвокатом. Он не спорил.

— Препарат используют трое врачей и четыре медсестры, — сказал он. — Доступ по электронным картам.

— Журнал показывает вашу карту в ночь смерти Павла, — ответил Илья.

— Я был в клинике.

— Вы говорили, что дома.

Шевцов снял очки.

— Заезжал взять таблетки от давления. Не считал это важным.

Журнал его карты показывал не только вход на этаж. В 00:48 открыли склад, в 00:53 техническую лестницу, в 01:07 гараж. После этого карта не использовалась до утра.

— Вы уехали на машине клиники? — спросил Илья.

— На своей.

— Камера гаража отключена. Шлагбаум открылся по вашей карте.

— Я мог взять документы из автомобиля.

— Пятьдесят минут?

Адвокат заметил, что длительность между событиями не равна времени в гараже. Формально был прав. Шевцов мог уйти через техническую лестницу, отдать карту другому и вернуться домой. Или лгал обо всём маршруте.

— Шкаф открывали в 00:48.

— Моя карта лежала в кабинете. Ею мог воспользоваться сотрудник.

— Камеры?

— На этаже ремонт. Они отключены.

Илья посмотрел на адвоката.

— У вас удивительно своевременные ремонты.

— Это не юридический термин, — ответил тот.

Вера осматривала шкаф. На нижней полке лежала белая пыль. Не такая лёгкая, как теплоизоляция, а меловая, с запахом гвоздики.

— Стоматологический цемент?

Шевцов приблизился.

— В клинике есть стоматология этажом выше.

— Под ногтями Павла нашли похожий материал.

— Тогда он мог подраться со своим стоматологом.

— Или с человеком, у которого была временная пломба.

Шевцов провёл языком по нижним зубам. Движение быстрое, почти незаметное.

Вера увидела.

— У вас недавно лечили зуб?

— Это медицинская тайна.

— Ваша собственная?

Адвокат закончил разговор.

При обыске служебной раздевалки нашли упаковку синих нитриловых перчаток. На каждой у запястья была печать производителя — синяя полоса и цифры партии. Фрагмент из-под ногтей Павла совпадал по рисунку.

Коробки той же марки стояли во всех кабинетах.

Слишком много совпадений, которые по отдельности ничего не доказывали.

Перед уходом Вера попросила показать стоматологический этаж. В коридоре пахло эвгенолом так сильно, что связь с телом Павла казалась очевидной и потому опасной.

Стоматолог объяснил: временные пломбы с гвоздичным маслом ставили десяткам пациентов. В журнале за месяц значились Павел, Шевцов, два спасателя и Светлана.

Для каждого использовали смесь из отдельной капсулы. Остатки сохраняли неделю на случай осложнений. Капсулу Павла уже утилизировали, капсула Шевцова лежала в контейнере с его номером. Материал был желтоватым и содержал редкий наполнитель — бариевое стекло.

Та же частица нашлась под ногтем Павла. Совпадение состава связывало борьбу с такой пломбой, но не с конкретным ртом: врач поставил смесь ещё четырём пациентам из старого запаса.

Двое имели алиби, один умер зимой. Четвёртым был водитель клиники. Она находилась на дежурстве и могла пользоваться машиной Шевцова.

Водителя звали Лариса. На опрос она пришла сама, принесла путевой лист и связку ключей. В ночь смерти Павла возила пациента в районную больницу. Камеры приёмного отделения снимали её с 00:32 до 02:11. До волнореза она могла добраться к четырём, но в промежутке машина клиники стояла под больничным окном, покрываясь инеем. Это подтвердили фотографии дежурной медсестры, снимавшей чужую собаку возле бампера.

— Машину Шевцова вы обрабатывали утром перед санаторием? — спросила Вера.

— Да. Стёкла, салон, коврики.

— Белая крошка была?

Лариса вспомнила не сразу. На заднем коврике лежал кусок старой изоляции и песок. Шевцов попросил не пылесосить: сказал, материал нужен строителям для сравнения. После осмотра санатория коврик исчез. Новый он забрал со склада клиники.

— Кто ещё ездил в машине?

— Аркадий Львович. Иногда инженер по вентиляции. Николай.

Она произнесла имя без фамилии. Николай дважды ремонтировал кондиционер и оставлял инструмент на заднем сиденье. В последний раз — за день до смерти Антона. Шевцов попросил Ларису дать ему запасной ключ от гаража, потому что работа затянется после смены.

— Ключ вернул?

— Лежал утром на столе.

На нём не сохранилось отпечатков, но в бороздках была современная белая изоляция из дома Николая. Он имел законный доступ к машине и мог оставить старую крошку из санатория намеренно или перенести на одежде.

Лариса также подтвердила: Шевцов носил часы наружу последние годы, но на ночных дежурствах переворачивал внутрь, чтобы корпус не цеплялся за перчатки. Эта привычка не принадлежала только прошлому.

— Вы его подозреваете? — спросила она.

— Проверяем доступ, — ответил Илья.

— Тогда проверяйте Николая рядом. Аркадий Львович никогда сам не лезет туда, где можно попросить человека помочь.

Фраза была мнением, не фактом. Но описывала способ точнее многих улик.

Узкий круг снова расширился в момент, когда казалось, что закрылся.

На рентгене Павла пломба была целой за день до смерти. Но крупинка под ногтем отличалась оттенком: цемент из его зуба белый, найденный материал желтоватый, из более старой смеси.

Шевцову ставили желтоватую смесь в другом кабинете.

Карта пациента находилась в архиве. Пока Илья запрашивал постановление, сработала пожарная сигнализация. Этаж эвакуировали, архивную комнату нашли открытой. Карта Шевцова исчезла.

Дыма не было. Датчик сработал от аэрозоля, распылённого через вентиляцию. Замок архива открыли временной картой из ячейки семнадцать. Вера поняла это, когда увидела на считывателе зелёный след от старой магнитной полосы.

Сотрудник в белом халате вышел вместе со всеми, держа папку под одеждой. На наружной камере видна только спина и синяя коробка перчаток в кармане. Та же постановочная фигура, которую уже показывали в лаборатории. Но на этот раз запись была настоящей: прохожие отбрасывали общие тени, частота не мерцала.

У человека была ровная походка. Ни хромоты, ни повреждённой руки. Если это помощник, он отделял Шевцова от непосредственного действия. Если сам Шевцов — умел менять маску лучше, чем ожидали.

После эвакуации сотрудников пересчитали по пропускам. В здании находилось сорок два человека, на улице оказалось сорок три. Лишний назвался санитаром из процедурного кабинета и ушёл за носилками до второго пересчёта.

Санитаров клиники опросили. Никто его не узнал. На кадре виднелась бирка с фамилией «Орлов», но сотрудника с такой фамилией не было. Бирку напечатали на стойке регистрации за шесть минут до тревоги. Учётная запись принадлежала администратору, которая в это время принимала оплату у пациента.

Пациент вспомнил мужчину, стоявшего за стойкой. Тот не прятался: попросил ручку, спросил, где туалет, и наклонился к принтеру, будто завязывал шнурок. Доступ занял несколько секунд. Для человека, знавшего расположение кнопок и пароль администратора, этого хватило.

Наружная камера сняла «санитара» уже без папки. У выхода он передал её второму человеку в рабочей куртке. Второй ушёл через парковку и скрылся за машиной Шевцова. Лиц не было видно, но операция снова требовала двух людей одновременно.

На выходе лаборант передала Вере запечатанный пакет.

— Это с вашей куртки после сушильни. Белая крошка.

— Что с ней?

— Состав редкий. Асбест, силикат и фенольная смола. Такую изоляцию нашли ещё в одном месте.

— Где?

Лаборант посмотрела на стоянку клиники.

— В салоне машины Шевцова. На коврике пассажира.

Вера не успела ответить. За стеклом парковки вспыхнули фары. Машина Шевцова выехала со двора.

Илья выбежал следом, но шлагбаум опустился перед ним.

Телефон Веры завибрировал.

Сообщение пришло с номера отца:

«Боковой тоннель. Сейчас. Если хочешь увидеть край».

Глава 18. Белая крошка

Вера показала сообщение Илье.

В метаданных не было геолокации. Оператор подтвердил: сим-карту Антона не перевыпускали, телефон зарегистрировался в сети через старую станцию у порта. Аппарат включили на сорок секунд и снова выключили.

По задержке сигнала оператор сузил сектор до полосы вдоль берега длиной почти три километра. В него попадали порт, котельная «Прибоя», водозабор и два жилых квартала. Точнее определить не позволяла одна базовая станция: второй луч закрывала сопка.

Телефон не передавал данные. Только зарегистрировался, отправил сообщение и принял подтверждение доставки. Батарея либо была почти разряжена, либо аппарат выключили вручную сразу после ответа сети.

— Можно понять модель? — спросила Вера.

— Идентификатор совпадает с телефоном Антона, — сказал Илья, читая ответ оператора. — Не копия сим-карты. Сам аппарат.

Значит, сообщение отправили с вещи, исчезнувшей из дома в ночь смерти. Кто-то хранил телефон две недели, заряжал и не включал до нужного момента. В памяти могли оставаться звонки, фотографии, запись последней встречи. Приманка одновременно была носителем доказательств, который нельзя позволить утопить в тоннеле.

Илья попросил оператора включить уведомление о следующей регистрации. Ответ пришёл через служебный канал и должен был знать ограниченный круг. Через минуту на анонимном поселковом форуме появился пост: «Полиция отслеживает телефон Ланского».

Утечка произошла до выхода группы. Кто-то сидел в их системе или слышал разговор в комнате.

Илья попросил не перезванивать. Вера уже набрала номер, но не нажала вызов. Звонок мог выдать, что они рядом, или активировать другой аппарат в тоннеле.

Фраза «увидеть край» принадлежала их разговору с Мерцем. Её слышали Ольга, Илья и человек, который мог слушать через ателье. Это не доказывало, что телефон держит убийца. Только что он следит за расследованием в реальном времени.

— Телефон Антона у тебя? — спросил он.

— Его не нашли после смерти.

— Номер могли восстановить по поддельному документу.

— Или телефон у того, кто был в доме.

Илья вызвал группу и велел перекрыть выходы коллектора. Шевцова объявили для задержания как минимум до выяснения причин его отъезда.

— Ты едешь в отделение, — сказал он Вере.

— Нет.

— Это приманка.

— Поэтому там будет тот, кого мы ищем.

— Или только место, где тебя убьют.

— Тогда не отпускай одну.

Он смотрел на неё несколько секунд.

— Бронежилет наденешь.

— Под пальто не влезет.

— Тогда снимешь пальто.

Егор проверил старый шлем Веры и забраковал ремешок. Спасатель выдал другой, вписал номер в журнал и заставил каждого расписаться за оборудование.

Илья хотел взять только штатных сотрудников. Начальник внутренней безопасности запретил ему руководить после истории с архивом, но официального отстранения ещё не оформили. Они потратили десять минут на звонки, пока сообщение старело.

В итоге командование передали старшему спасателю, Илья вошёл как местный проводник и вооружённый сотрудник, Вера — как единственный человек, способный распознать старый задник и места съёмки. Решение записали целиком. Если оно окажется ошибкой, у него будут имена и голоса.

Егор остался на поверхности с медицинской группой. Он вложил в карман Веры ампулу противосудорожного препарата и объяснил, что вводить её может только фельдшер.

— Тогда зачем мне?

— Чтобы у нападавшего не было доступа к нашей сумке. Не открывай.

— Карабины фотографируем до входа, — сказала Вера.

Илья понял причину. Они сняли крупно металл, маркировку и положение защёлок. На одном карабине обнаружилась свежая борозда возле оси.

— Его уже подпиливали, — сказал спасатель.

Карабин заменили и упаковали. Кто-то готовил несчастный случай ещё до их приезда, имея доступ к складу санатория или машине спасателей.

Начальник группы хотел отменить вход. Илья показал сообщение с номера Антона и карту тоннелей.

— Там может быть человек.

— Может быть ловушка.

— Одно не исключает другое.

Согласовали две страховочные линии и пост у котельной. Вера передала Егору пароль от телефона и контакт адвоката.

Камеру настроили на непрерывную запись сразу на две карты. Одну Вера спрятала под бронепластиной в запечатанном адаптере, вторую оставила в обычном слоте. Если аппарат отнят, человек найдёт первую очевидную копию и может не искать вторую.

Илья проверил номер каждой пломбы и продиктовал на свою нагрудную камеру. Затем поменялся камерой с Денисом случайным образом. Пластину для отключения могли вставить заранее, но подменяющий не должен был знать, кому достанется прибор.

У выхода поставили механические часы и бумажный журнал. Электронное время в здании уже слишком часто превращалось в часть постановки.

— Если я не выйду, не отдавай камеру местным.

— Ты собираешься вернуться.

— Именно поэтому говорю заранее.

Илья услышал.

— А мне ничего?

— Не геройствуй.

— Поздний совет.

— Тогда хотя бы не ври в рапорте.

Он проверил её страховочную систему, не касаясь тела ладонями, только тесьмы и замков. После пожара это было первое движение между ними без злости.

У входа в котельную Вера почувствовала табачный запах и выбросила пачку в урну. Не из решимости бросить. Дым выдавал её присутствие в закрытом пространстве.

Она запомнила урну. Если выйдет, заберёт пачку. Если нет — это будет последняя мелкая вещь, которую никто не сочтёт уликой.

* * *

Боковой тоннель начинался в котельной санатория. Дверь вскрыли по постановлению. За ней шла лестница к старым трубам.

Илья вошёл первым. За ним два сотрудника, потом Вера. На этот раз на ней были каска, жилет и страховочная верёвка.

Стены покрывала белая рыхлая изоляция. При каждом касании она осыпалась на плечи. — Не вдыхать, — предупредил спасатель. — Маски не снимать.

Тоннель раздваивался. Правый ход вёл к коллектору. Левый — под лечебный корпус. На полу виднелись свежие следы колёс.

Следы были разной ширины. Узкая тележка прошла к лечебному корпусу, широкая — к коллектору. На обратном пути узкая стала глубже с одной стороны, будто везла человека или тяжёлый бак.

Между колеями лежал обрывок медицинского браслета без имени. На внутренней стороне сохранилась дата, стёртая спиртом. Первые цифры совпадали с днём смерти Светланы, но браслет мог происходить из старых отходов.

Вера сняла находку, спасатель пометил место светящимся номером. Никто не наклонялся одновременно: леска могла проходить на высоте лица.

Перед развилкой стоял щит. Левую стрелку недавно подписали «П-4», правую — «ВЫХОД». Карта Антона показывала наоборот.

Спасатель выпустил в оба хода дым. В левом поток ушёл вниз, в правом вернулся через верхнюю щель. Дышать безопаснее было справа, но следы тележки шли влево.

Они выбрали левый маршрут и поставили маяк. На стенах появлялись детские рисунки мелом: дом, три фигурки, море. Первый выглядел старым, следующие повторяли его всё грубее. В последнем третью фигуру перечеркнули.

Под рисунком лежала натяжная леска. Денис остановился в сантиметре. Она соединялась с трубой, из которой торчала игла. Наступивший получил бы укол в бедро.

Леску покрыли серой пылью, чтобы она слилась с полом. На узле сохранился след зубов плоскогубцев. Игла стояла под углом, рассчитанным на человека среднего роста в защитной одежде. Это не импровизация после сообщения — ловушку установили заранее и проверяли по размеру.

В шприце оставалось две трети жидкости. Если механизм уже срабатывал раньше, кого-то могли уколоть и заменить иглу. Рядом на стене была едва заметная капля крови, высохшая до их прихода.

Илья не позволил Вере брать образец. Его собрал спасатель, сменив перчатки и инструмент.

В шприце был седативный препарат. Ловушку обезвредили и только после этого пошли дальше.

Спасатель закрепил леску на измерительной стойке и восстановил ход механизма без иглы. При натяжении труба поворачивалась на пружине и выбрасывала шприц не прямо, а снизу вверх. На человеке ростом Ильи игла пришлась бы в защитную пластину. На Вере — под нижний край жилета, в бедро.

— Высоту могли выставить по фотографии, — сказал спасатель.

Или по ней самой, когда она ходила по санаторию под скрытыми камерами. Ловушка предназначалась не первому сотруднику группы. Её разместили там, где Вера должна была наклониться к детскому рисунку.

На стене сохранились два следа от крепления. Механизм сначала стоял выше, затем его опустили на семь сантиметров. Кто-то проверял траекторию и подгонял под конкретное тело.

Илья снял размеры, не произнося имени Веры. После этого приказал идти другим порядком: она между двумя сотрудниками, никто не наклоняется без осмотра верхней и нижней зоны. Старший спасатель хотел вывести её сразу, но обратная дорога в одиночку была опаснее, а выделить сопровождение означало уменьшить группу.

Решение внесли в журнал на бумаге. Вера подписала, что понимает риск и продолжает добровольно. Подпись не делала ловушку менее точной.

— Тележка, — сказала Вера.

Они пошли по следам.

Через сто метров рация Ильи зашипела и замолчала. Связь пропала. Фонари мигнули одновременно.

Впереди загорелся красный свет.

На стене висела лампа из отцовской лаборатории.

Под ней стоял увеличитель. В рамке — негатив.

Увеличитель подключили к переносному аккумулятору. Провод уходил под настил и раздваивался: один к проектору, второй к металлической пластине в полу. Если отключить прибор обычным выключателем, пластина могла сработать.

Спасатель проверил тепловизором. Под настилом был холодный провал, по краям — четыре тёплых точки от небольших нагревателей. Они размягчали крепления и готовили обрушение к нужному моменту.

— Не приближаться, — повторил он.

Но кадр Антона включился раньше, чем они успели выбрать обход.

Илья поднял руку, останавливая группу.

— Не подходить.

Из темноты включился проектор. На стене появилось лицо Антона Ланского. Он сидел за кухонным столом и говорил без звука. Плёнка дёргалась, губы повторяли одну фразу.

Вера прочитала:

«Я нашёл резервуар».

Потом изображение сменилось. Антон лежал на полу лаборатории. Рядом стоял человек в светлой одежде.

Лицо оставалось за краем.

— Видео настоящее? — спросил Илья.

— Не знаю.

Вера шагнула ближе.

Она не собиралась касаться негатива. Хотела снять служебный край, пока проектор освещал рамку. На нём виднелись две цифры серийного номера и царапина «Л». Расстояния хватало для длинного объектива, но на каске запотело стекло. Вера подняла щиток на секунду.

Из боковой трубы ударила струя воздуха с фотохимическим запахом. Она отшатнулась и перенесла вес на левую ногу.

Именно эта плита была подпилена.

Пол под ногой провалился.

Она успела схватиться за трубу. Страховочная верёвка натянулась, но карабин вылетел из крепления — кто-то заранее подпилит металл.

Вера упала в нижний канал.

Удар выбил воздух. Фонарь разбился. В темноте зашумела вода.

Сверху кричал Илья. Потом раздался выстрел.

Вера поползла к стене. Бронежилет мешал дышать. На ощупь нашла лестницу и поднялась на колени.

Чья-то рука схватила её за каску и потянула назад.

Ремень каски натянулся на горле. Вера расстегнула его, каска осталась у нападавшего. Тот ожидал сопротивления вперёд и на секунду потерял равновесие.

В слабом аварийном свете она увидела две детали: правая линза очков треснута по диагонали, бинт у большого пальца намок. Марина описывала то же. Но голос, когда человек выругался, был моложе Шевцова.

Он сразу изменил его, задышал через маску громче. Вера поняла, что первое короткое слово могло быть настоящим.

Она ударила локтем. Человек отпустил. Вера развернулась и увидела светлую куртку, очки, маску.

Нападавший держал шприц.

Вера толкнула его в воду. Он устоял и ударил её по лицу. Во рту появилась кровь, солёная и горячая.

Она выхватила складной нож. Лезвие полоснуло по рукаву. Под тканью показалась синяя перчатка.

Человек отступил.

Сверху упал луч фонаря. Илья спрыгнул в канал и выстрелил в потолок рядом с нападавшим. Тот бросился в боковой проход.

Выстрел выбил бетонную крошку, но пуля ушла в заранее отмеченный безопасный сектор над трубой. Илья не целился в человека. Нападавший всё равно пошатнулся и схватился за ухо. Звук в тесном канале оглушил всех.

Вера успела полоснуть рукав ещё раз. На этот раз лезвие зацепило кожу ниже локтя. Кровь выступила сразу и упала в воду тремя тёмными точками. Она крикнула Илье не преследовать, пока образец не заберут.

Он побежал.

Илья побежал следом.

— Не оставляй меня! — крикнула Вера.

Он остановился.

Этой секунды хватило. В темноте хлопнула металлическая дверь.

Илья вернулся и помог Вере подняться. На его щеке была кровь.

— Остальные?

— Заперты заслонкой. Один ранен.

Вода поднималась.

Они нашли сервисную лестницу и выбрались к верхнему тоннелю. Заслонку открыли вручную. Сотрудник лежал у стены с рассечённой головой, второй пытался вызвать помощь.

Проектор погас. Негатив из рамки исчез.

На полу остались капли крови нападавшего и белая крошка с его одежды.

Илья упаковал образцы сам.

— На этот раз не потеряем.

До выхода раненому сотруднику наложили шину. Он утверждал, что заслонку опустил Илья, когда побежал за нападавшим.

Сотрудника звали Артём. Он получил удар сзади и видел фигуру меньше секунды. Куртка имела светоотражающую полосу в том же месте, что у Ильи. Позже выяснилось: запасная куртка исчезла из машины группы перед входом.

Артём слышал команду «заслонку вниз» голосом Ильи. В тоннеле у стены нашли маленький динамик с записью его распоряжений, собранных из переговоров по рации. Убийца подготовил визуальное сходство и голос.

Показание Артёма оставалось честным. Оно просто описывало то, что ему показали.

Вера попросила синхронизировать все уцелевшие записи не по внутренним часам, а по звуку выстрела. Его сняли три камеры и диктофон спасателя. На записи Дениса Ильи находился у края провала за секунду до выстрела. На камере Артёма фигура в его куртке опускала заслонку в другом коридоре почти одновременно.

Расстояние между местами — сорок метров, переход занимал не меньше двадцати секунд. Илья физически не мог сделать оба действия.

— Тогда кто был в куртке? — спросил сотрудник внутренней безопасности.

— Человек, который украл запасную, — ответила Вера.

— Вы видели лицо?

— Нет.

— Значит, это мог быть другой сотрудник группы.

Мог. Синхронизация исключала Илью из момента с заслонкой, но не говорила, кто заменил его. Служебное расследование всё равно оставалось: копии старого дела, гражданский специалист, скрытый образец и проваленная фиксация обмена камерами никуда не делись.

Артёму дали прослушать запись команды среди пяти похожих фраз, не называя говорящих. Он выбрал две: настоящую реплику Ильи и монтаж. На слух они казались одинаковыми. Анализ спектра позже показал четыре склейки и фоновый шум из полицейской комнаты порта. Голос собирали из разговоров, которые убийца слушал через вентиляцию.

Кто-то готовил подставу с первых дней, записывая не случайные слова, а команды для операции.

— Я был в нижнем канале, — сказал Илья.

— Я видел куртку и слышал голос.

На Илье была такая же полевая куртка, как на половине группы. Голос в тоннеле искажался трубами. Но показание давало основание для проверки.

Нагрудная камера Ильи перестала писать за семь секунд до падения Веры. Аккумулятор оставался заряжен. В разъёме нашли металлическую пластину, замыкавшую питание. Её вставили при проверке оборудования у входа.

Камеры действительно меняли случайно, но Денис позже признался: перед входом вернул Илье привычный прибор, потому что ремень другого был короток. Этого не записали. Человек у оборудования увидел обмен и получил возможность выбрать нужную камеру.

На пластине сохранился частичный отпечаток в рабочей перчатке и микрочастица стоматологического цемента. Такой же материал был на десятках поверхностей клиники. Связь укреплялась, лицо не появлялось.

Ловушку готовили не только в тоннеле. Операцию собирались использовать, чтобы убрать Илью из расследования независимо от исхода.

Перед выходом старший спасатель остановил группу у чистой зоны. С каждого сняли верхний слой одежды над отдельной плёнкой. Белая крошка сыпалась одинаково, но только на рукаве Веры лежали три капли крови нападавшего. Их вырезали вместе с тканью, оставив вокруг широкий чистый край.

— Куртку придётся отдать, — сказал Егор по рации.

— Она чужая.

— Тогда кому-то повезло.

У Веры был разбит нос, ушиблены рёбра и содрана кожа под подбородком от ремня каски. Она описала каждую травму до обезболивающего: удар рукой, рывок назад, падение. Если профиль крови смешается с её собственной, происхождение отдельных капель можно будет восстановить по положению.

Илья сдал одежду последним. На правом плече его куртки нашли чёрную смазку от заслонки, на левом — кровь Артёма. Ниже кармана застрял кусок синей перчатки. Он сказал, что поднял его в нижнем канале, но нагрудная запись уже не работала.

— Почему не передал сразу? — спросил старший группы.

— Боялся, что потеряется вместе с остальными.

— Поэтому спрятал у себя?

Илья молчал. Даже правильный страх снова толкнул его к неправильной процедуре.

Кусок упаковали при всех и пометили как полученный с нарушением. Другой фрагмент лежал в штатном пакете у спасателя. Если края совпадут, происхождение подтвердится независимо от кармана Ильи.

Они совместили разрывы через прозрачные стенки упаковок. Линия сошлась на двух участках, третий отсутствовал. Перчатка принадлежала одной руке и рвалась последовательно: у Павла, в сушильне, в тоннеле. Человек продолжал носить или воспроизводить один и тот же предмет дольше, чем было разумно. Возможно, потому что хотел связать сцены. Возможно, потому что настоящая кровь на внутренней стороне была ему нужна как чужая подпись.

Только после этого группа поднялась к выходу.

У выхода их встретил начальник районной полиции.

Он был не один. Рядом стояли сотрудники внутренней безопасности.

— Корсаков, оружие и удостоверение.

Илья замер.

— На каком основании?

— Соккрытие материалов дела Резник, незаконное хранение копий, допуск гражданского лица на опасный объект и ранение сотрудника при операции без утверждённого плана.

— Операцию согласовали по телефону.

— Записи нет.

— Связь пропала.

— Удобно.

Вера шагнула вперёд.

— Если бы он не вошёл, нападавший убил бы меня.

— Ваши показания примут отдельно.

Илья снял кобуру и отдал удостоверение.

Внутренняя безопасность начала описывать районного хранилища при нём. Пакет с пистолетом Антона оказался пустым: наружная пломба цела, внутренний шов вскрыт и склеен заново. Оружие исчезло после визита поддельного курьера к полицейскому архиву. Теперь у того визита появилась ещё одна цель.

— Кто сообщил о копиях?

Начальник не ответил.

Из-за ворот выехала машина Шевцова. За рулём сидел его адвокат. На пассажирском месте никого не было.

— Где Шевцов? — спросила Вера.

Адвокат опустил стекло.

— В клинике. Машину забираю на экспертизу добровольно.

— Она только что была там.

— Аркадий Львович вернулся другим транспортом.

Вера посмотрела на коврик у пассажирского сиденья. Он был новым. Чистым.

Белая крошка исчезла.

Илью увели к машине.

Перед тем как сесть, он сказал Вере:

— Никому не отдавай пакет из лаборатории.

— Он у них.

— Не тот. Второй.

Она не поняла.

Позже, снимая бронежилет, Вера нашла во внутреннем кармане маленький пакет. Илья успел положить туда кусок синей перчатки с кровью нападавшего.

Он сделал это в тоннеле, когда понял, что штатный контейнер могут изъять вместе с его удостоверением. Нарушил цепочку хранения, не указал передачу, поместил биологический материал к одежде Веры.

Пакет мог спасти образец и одновременно сделать его непригодным для суда.

Вера не открыла. Сняла пломбу, карман и собственные руки, затем позвонила областному следователю напрямую. Не Илье, не Егору. Продиктовала, как получила пакет и сколько времени носила на себе.

— Вы понимаете, что материал загрязнён? — спросил следователь.

— Да.

— Тогда зачем звоните?

— Чтобы он не стал чистым задним числом.

Следователь попросил показать пакет со всех сторон. Пломба была штатной, номер относился к набору, выданному группе до входа. Подпись похожа на Ильину, но нижний росчерк шёл в другую сторону. Время заполнили заранее: чернила под складкой не растеклись от воды, хотя сам пакет промок в тоннеле.

— Кто выдавал наборы? — спросил следователь.

— Денис получил коробку у дежурного и раздал нам.

Остаток коробки изъяли. Одного пакета не хватало сверх использованных. Кто-то до операции взял пустую упаковку, вписал нужное время и подготовил место для найденного фрагмента. Илья мог схватить уже подложенный пакет, думая, что спасает образец.

Нарушение цепочки тоже было предусмотрено. Убийца оставлял им выбор между потерей улики и способом сохранить её так, чтобы потом нельзя было доверять.

На этикетке стояло время: 04:17.

Глава 19. Внутрь циферблатом

Пакет с фрагментом перчатки Вера отнесла не в районную лабораторию.

Егор запечатал его повторно при двух свидетелях и вызвал курьера из Владивостока. До получения результата образец хранился в сейфе морга. Ключи остались у Егора и начальника учреждения, который в тот же день уехал в отпуск.

Перед повторной упаковкой каждый описал прежнюю пломбу. Илья признал, что взял пакет голой рукой поверх бронежилета. Вера — что носила его сорок минут у тела. Егор отметил возможное загрязнение и отказался называть образец судебным доказательством до решения следователя.

Один свидетель был санитаром, второй — дежурной медсестрой. Оба расписались на каждом шве. Курьер должен был прибыть без предупреждения точного времени, чтобы путь нельзя было подготовить заранее.

— Ты строишь крепость вокруг клочка перчатки, — сказал Илья.

— Потому что вы уже дважды оставили дверь открытой, — ответил Егор.

— Если и это подменяют, — сказал Егор, — придётся признать, что убийца проходит сквозь стены.

— Он предпочитает вентиляцию.

Илью отпустили после опроса, но удостоверение не вернули. Он сидел в коридоре морга в гражданской куртке и выглядел старше на десять лет.

На столе перед ним лежала копия приказа об отстранении. Оснований было пять. Допуск Веры в тоннель стоял рядом с хранением старого протокола и потерей нагрудной записи. Илья прочитал документ до конца, расписался и попросил копию. Не спорил с формулировками, хотя раненый Артём уже уточнил показания о динамике в тоннеле.

— Тебя могут уволить? — спросила Вера.

— Могут посадить за сокрытие документа, если решат, что я использовал его в личных целях.

— Использовал.

— Да.

Честность не делала последствия мягче. Она только перестала тратить время на оправдания.

— Теперь я не имею права участвовать, — сказал он.

— Раньше тебя это останавливало? — спросила Вера.

— Раньше право было. Я только пользовался им плохо.

Егор закрыл сейф.

— Кровь на перчатке может решить вопрос.

— Может, — ответила Вера. — Но сначала Мерц.

Она показала увеличенную копию руки с часами. Лицо в отражении оставалось непригодным для опознания, зато положение кисти, ремешок и манера носить циферблат внутри сохранялись чётко.

— Мерц видел полный негатив, — сказала она. — И уже пытался нарисовать часы.

— Его надо охранять, — ответил Илья.

— Ты не можешь поставить пост.

— Могу попросить человека, который ещё разговаривает со мной.

Он позвонил дежурному. Тот не ответил.

Через минуту Вера уже собирала сумку.

Илья вызвал такси: служебную машину ему запретили брать, личная оставалась у участка как предмет внутренней проверки. Водитель узнал их и всю дорогу смотрел в зеркало.

- Мерц вчера заказывал лекарства, — сказал он. — Я отвозил курьера.
- Какого курьера?
- В медицинской куртке. Сказал, от клиники.
- В дом вошёл?
- Ольга забрала пакет у калитки. А он остался у машины, будто ждал кого-то.
- Лицо?
- Маска. Очки. Сейчас все так ходят.

Водитель вспомнил, что курьер хромал, садясь на заднее сиденье, но вышел у клиники уже ровно. Хромота могла быть частью маскировки.

- Чем пахло в машине? — спросила Вера.
- Лекарством. Зубным кабинетом. Я окна потом открывал.

Илья записал номер заказа. В диспетчерской клиники такого вызова не нашли. Зато с телефона Мерца дважды звонили на внутренний номер Шевцова. Первый раз за неделю до смерти Антона, второй — утром после Павла.

В пакете курьера позже нашли лекарства по настоящему рецепту Мерца. Названия и дозы совпадали, упаковки были запечатаны. Лишним оказался флакон глазных капель, которых старик не принимал. Внутри был раствор мидазолама, достаточно разбавленный, чтобы не оставить резкого вкуса.

Ольга не дала отцу новые капли. Флакон остался на кухне, и нападавший использовал его сам через шприц. Значит, доставка была не только предлогом войти. План предусматривал, что Ольга может начать лечение раньше и незаметно ослабить Мерца.

Рецепт распечатали в клинике на бланке Шевцова, но электронная подпись принадлежала дежурному терапевту. Тот подтвердил обычные таблетки и отрицал капли. В журнале печати лишняя строка появилась под временной картой Николая.

Шевцов имел доступ к карте пациента и бланкам. Николай — к принтеру и доставке через вентиляционные работы. Один мог подготовить назначение, другой принести. Ни один предмет снова не требовал, чтобы оба находились в ателье в момент нападения.

- Мерц мог предупредить его, — сказал Илья.
- Или потребовать вернуть плёнку.
- Почему тогда молчал нам?
- Потому что один раз уже доверился Антону и потерял двадцать лет.

Такси остановилось за квартал от ателье: улицу перекрыл грузовик. Они побежали дальше под дождём.

Грузовик стоял без водителя, поперёк узкой улицы. Ключа в замке не было, ручной тормоз затянут. На кабине — логотип подрядчика, ремонтировавшего «Прибой». Диспетчер по телефону сказал, машина должна быть на другом объекте в двадцати километрах.

Илья вызвал дежурных и потребовал не трогать кабину. Грузовик перекрыл путь машине и обзор с перекрёстной камеры на вход в ателье. Его поставили за двенадцать минут до их приезда.

Тот, кто следил за ними, знал маршрут раньше таксиста или видел, как они выехали из морга.

* * *

Дверь ателье была закрыта. Ольга не отзывалась.

На витрине висела новая фотография: Вера у могилы Антона. Снято со стороны ограды, через два ряда людей. В углу отражался фотограф под чёрной тканью.

Вера узнала кадр. На похоронах напротив стоял мужчина с зонтом, но большой камеры не было. Чёрная ткань в отражении появилась после печати или фотограф снимал через затемнённое окно машины.

На снимке Шевцов бросал землю в могилу, Илья стоял рядом, Марина выходила из кадра. Павел и Светлана находились по разным краям. Будущие жертвы уже были собраны на одной бумаге.

Под рамой витрины лежал свежий осколок красного пластика. Не заколка — кусок фильтра от фотолампы. Его могли оставить при установке снимка в темноте.

— Нас снимали с первого дня.

Илья проверил замок. Цилиндр цел, вокруг ручки свежий графит. Дверь открывали отмычкой или ключом.

С заднего двора доносился вентилятор. Окно кухни разбито, но крупные осколки лежали внутри, мелкая стеклянная пыль — снаружи. Окно разбили из дома, затем изобразили проникновение.

В земле отпечатались две пары обуви. Одна принадлежала Ольге. Вторая — с широкой правой пяткой, знакомой по тоннелю. Следы входили в дом спокойно.

Ольга сама впустила человека, которого считала курьером или знакомым.

Вера сняла витрину, замок, стекло и следы. Только после этого Илья вошёл.

Илья обошёл здание и нашёл разбитое окно кухни. Стекло выдавили внутрь, осколки лежали на линолеуме.

Вера остановила его у рамы. На наружном подоконнике не было следов ладоней или обуви. Внутренний стул под окном стоял ножками поверх мелкой стеклянной пыли. Его поставили после удара.

Дверь из кухни в коридор была приоткрыта. На полу лежала линия муки из разбитого пакета. Две пары следов прошли внутрь, одна вернулась. Вторая закончилась у тела Ольги.

Нападавший не уходил через окно. Он вышел главной дверью или спустился в подвал, пока они входили сзади.

— Звони в скорую, — сказал он.

Вера набрала номер. Илья вошёл первым без оружия, держа перед собой деревянную ножку от скамьи.

Ольга лежала в коридоре. На виске — кровь, дыхание ровное. Рядом валялась аптечка и ампула с сорванной этикеткой.

Мерца в кресле не было.

Из лаборатории донёсся стук.

Три коротких. Один длинный.

Дверь заперли снаружи проволокой. Илья сорвал её. Внутри было темно и жарко. Красная лампа горела над раковиной.

Мерц лежал между столом и увеличителем. На шее затянута петля из фотоплёнки. Конец был привязан к ручке верхнего шкафа: когда старик пытался подняться, петля натягивалась.

Кресло лежало у стены. На полу остался длинный след колёс: Мерц сам откатился от нападавшего, потом упал. Фотоплёнка была рентгеновской, широкой и прочной. На шее она резала кожу, но не рвалась.

В правой ладони Мерц спрятал маленький винт. Такой удерживал заслонку задника. Он выкрутил его ногтем или получил от нападавшего. Под ногтем осталась латунная стружка.

Вера разрезала петлю в месте, далёком от узла. Этот кусок потом можно будет сопоставить с рулоном. Сначала спасение, потом следы — но не уничтожение следов ради спасения.

Вера перерезала плёнку. Илья поддержал Мерца за плечи.

— Дышит.

На коврике у двери белела крошка теплоизоляции.

Мерц открыл глаза. Правая рука судорожно сжимала металлическую заслонку задника.

— Забрал, — произнёс он.

— Кто? — спросила Вера.

— Край.

— Забрал край плёнки?

Мерц кивнул.

Илья осматривал окно лаборатории. Рама цела. Нападавший вошёл через кухню, оглушил Ольгу, заставил Мерца открыть дверь.

На столе лежала фотография руки с часами. Вера не приносила её сюда.

Это была не их лабораторная копия. Бумага толще, контраст выше, номер на краю намеренно затемнён. Кто-то принёс Мерцу изображение и заставлял назвать человека.

На обороте стояли варианты фамилий: Шевцов, Шепелев, Шестаков. Две написаны одной рукой, третья — дрожащим почерком Мерца. Он написал «Шевцов» или только обвёл уже готовое слово, определить на месте было невозможно.

Вера сняла лист под косым светом. Под фамилиями проступали продавленные слова с другого листа: «узел семнадцать», «правый канал», «до отлива». Бумагу положили поверх рабочих записей расследования или намеренно прижали к заранее подготовленной подложке. На нижнем крае сохранилась полоса свежего среза от роликового ножа.

Такие ножи стояли в ателье и районной лаборатории. Но фотобумага была редкой: тонкая матовая с зелёной маркировкой на обороте. Мерц пользовался старым гляncем, Ольга — обычной бумагой для струйного принтера. Эту пачку Вера видела утром в лаборатории, когда печатали контрольную копию края.

Илья позвонил туда. Пачка оставалась в шкафу, но пломбы на упаковке не было, листы никто не считал. Принтер записывал задания, и в 02:06 в очереди появился пустой файл без имени пользователя. В это время лаборант исследовал кровь, а начальник находился дома.

— Он получил копию до нашего опроса Шевцова, — сказала Вера.

— Или сделал сам, пока был в лаборатории.

— В 02:06 Шевцов числился в клинике.

— Его карта числилась.

На бумаге нашли микроскопическую чёрную точку от дефекта лабораторного принтера. Она повторялась на их контрольных листах в одном и том же месте. Копию изготовили на устройстве следствия. Нападавший не только слушал их выводы — получал доступ к рабочим материалам до оформления.

Вера попросила не изымать фото отдельно от стола, пока не снимут все предметы. Рядом лежал карандаш Мерца, но его грифель был мягче, чем надпись «Шевцов». Чужое слово написали твёрдым канцелярским карандашом. Старика заставили обвести уже существующие борозды, и его рука соскользнула на последней букве.

Опознание получалось созданным на бумаге буквально.

Илья не стал показывать старому фотографу оригинальный край снова. Внутреннее узнавание уже загрязнило будущие показания.

Мерц увидел снимок и задрожал.

— Врач, — сказал он.

— Какой врач?

Он повернул правую руку ладонью вверх и постучал по внутренней стороне запястья.

— Пульс. Всегда.

— Шевцов?

Губы Мерца сжались. Он кивнул один раз.

— Вы видели его в ту ночь?

— На стекле.

— Только на плёнке или в санатории?

— После. Пришёл. Искал.

— Что искал?

Мерц поднял заслонку задника.

— Край.

Фельдшер нашёл у Мерца прокол на внутренней стороне плеча. Кожа вокруг побелела, затем покраснела под пальцами. Давление падало, дыхание оставалось поверхностным. Плёнка на шее мешала, но не объясняла заторможенность.

— Что вводили? — спросил он.

Мерц показал два пальца, потом провёл ими по губам. Нападавший сначала заставил проглотить что-то или дал две дозы. Ольга вспомнила пакет с лекарствами, который принесла от калитки. Внутри были обычные таблетки от давления и маленький флакон без маркировки.

Флакон нашли под креслом. Пробка проколота, жидкости осталось на дне. Фельдшер не стал вводить антидот вслепую. Подключил кислород, поставил вену и передал токсикологу показатели. Решение заняло две минуты, в течение которых Вера держала Мерца за локоть, не позволяя ему подняться к заднику.

Ольга сидела на кухонном полу, прижимая лёд к виску.

— Я сама его впустила, — сказала она. — Показал коробку, назвал папино давление, спросил, меняли ли дозу. Всё знал.

— Откуда?

— Карта из клиники. Или подслушивал наши звонки.

Курьер попросил воды. Пока Ольга отвернулась к раковине, ударил не по голове, а по плечу, сбивая равновесие. Она упала на тумбу, виском разбила стеклянную дверцу. То, что сначала приняли за удар орудием, могло быть следствием падения. Нападавший снова оставлял несколько объяснений одной ране.

Ольга успела схватить его за куртку. Ткань разошлась у кармана. Под светлой медицинской формой была тёмная рабочая одежда и жёсткий ремень с металлическими петлями, как у монтажника. Она увидела правую кисть без перчатки: большой палец был цел, на ногте чёрная полоса.

— Бинт?

— Поверх перчатки. Пустой. Он набил его чем-то мягким.

Значит, повязка имитировала порез Шевцова, но настоящая рана могла оставаться ниже локтя — там, где Вера достала нападавшего ножом. Ольга не видела этой части руки.

Её рассказ не очищал Шевцова. Он мог сам надеть ложный бинт, чтобы при любом опознании доказать, что повязка была маскировкой другого. Но деталь большого пальца отделяла образ нападения от медицинской справки.

Скорая приехала через семь минут. Ольга пришла в сознание. Она видела человека в медицинской маске и очках. Ростом выше её, хромота на правую ногу. На руке — синяя перчатка поверх бинта.

— Он спросил, где отец держит старые негативы, — сказала она. — Голос менял. Говорил через трубку или ткань.

— Машину слышали?

— Нет.

— Запах?

Ольга закрыла глаза.

— Гвоздика. Будто зуб лечили.

Илья посмотрел на Веру.

На подоконнике нашли свежую кровь. Егор взял образец лично.

Кровь лежала на внутренней щепке рамы и на краю разбитой линзы. Нападавший задел лицо, когда изображал проникновение через окно. Ольга вспомнила, что до удара очки у него были целыми.

Рядом осталась полоска кожного клея от накладного шрама. Внутри маскировки находилась ещё одна маскировка: хромота, очки, повязка, возможно изменённые черты.

Егор разделил образец на три части. Одну отправляли с перчаткой, вторую — в областную лабораторию по другой машине, третью опечатали в сейфе как контрольную. Убийца мог добраться до одного пути. Сразу три требовали уже не прохода в вентиляцию, а целой сети.

В нижнем ящике лаборатории отсутствовала одна папка — 2006 год, август. Остальные лежали по порядку.

На месте папки остался светлый прямоугольник. Пыль у края была смазана дважды: первый раз давно, когда папку доставал Антон, второй — сегодня. Ольга подтвердила, что после июльского визита отца вернула её в тот же ящик.

В сентябрьской папке лежали конверты той же серии. На каждом Мерц указывал количество кадров и тип плёнки. За август значилось двадцать четыре кадра, но в сохранившихся контактах было двадцать два. Один пропуск объяснял негатив, спрятанный в заднике; второй кадр исчез задолго до сегодняшнего нападения.

— Антон взял? — спросил Илья.

— Он забрал только отпечаток, — сказала Ольга. — Папа считал при мне.

Мерц ударил пальцем по носилкам: один раз, отрицание.

— Тогда кто?

Он показал на себя, потом на сейф. Второй лист Мерц спрятал отдельно. Нападавший забрал папку, но не успел открыть сейф до их приезда.

Ольга отказалась ехать, пока не проверили сейф. Его открыли кодом, который Мерц выбивал пальцами: три, один, три.

Внутри лежала аудиокассета «Беляев». Запись сделана за два дня до исчезновения Лиды.

Кассету не включили на магнитофоне Мерца. Илья вызвал криминалиста с исправным аппаратом, сняли состояние ленты и сделали цифровую копию. На первых минутах слышались часы, проезжающие машины и кашель Мерца. Разговор начался позже, без подготовки.

Беляев говорил тихо. Он не признавался в сбросе отходов и не называл убийцу. Требовал сохранить негатив и передать сыну, если сам не вернётся. Мерц спрашивал, почему не идти в милицию. Беляев отвечал: «Милиция уже там была».

На фоне один раз прозвучал голос Антона. Или запись его голоса из радиоприёмника. Слово разобрать не удалось.

Голос завхоза говорил:

«Если со мной случится, камера покажет. Не режь край. На краю часы».

Мерц отвечал, что не хочет участвовать и у него дочь. Беляев смеялся: «У всех кто-то есть. Поэтому они и держат».

На коробке был адрес в Хабаровске и имя Николая Беляева-младшего. Рядом свежая пометка Антона: «связался. Не верит».

Илья позвонил по номеру. Мужчина отключился, услышав фамилию Ланского. Через минуту Вере пришло сообщение с хабаровским кодом: «Не отдавайте кассету врачу».

Она перезвонила. Мужчина ответил, но молчал. Вера назвала себя, сказала, что останки Беляева пока не найдены и никто не обвиняет его сына. В трубке щёлкнуло зажигалкой.

— Я уже говорил вашему отцу, — произнёс мужчина. — Он хотел, чтобы я приехал.

— Вы приехали?

— Не по телефону.

— Кто врач?

Связь оборвалась. Номер сразу стал недоступен.

Илья записал разговор с громкой связи, но сообщение мог отправить и человек, использующий хабаровский код как новую стрелку.

Мерца погрузили в машину. Перед тем как двери закрылись, он поманил Веру пальцем.

— Тринадцать, — сказал он.

— Что тринадцать?

Он сделал рукой движение вниз, будто считал ступени.

— Тринадцать. Потом стена.

Двери закрылись.

Илья позвонил человеку из внутренней безопасности и сообщил о нападении. Закончив, сказал:

— Теперь у нас показание свидетеля.

— После инсульта, удушения и седативного.

— Ты ему веришь?

— Я верю, что он боится одного человека. Это не то же самое.

Егор вышел из кухни с пакетом крови.

— Нападавший порезался о стекло. След хороший.

— Сравнишь с перчаткой?

— Во Владивостоке сравнят оба.

Криминалист проверил путь нападавшего по дому. Из лаборатории он вышел в коридор, но у главной двери следы исчезли. На коврике не было новой грязи, замок после прихода Ильи не открывался. Подвальная дверь стояла за шкафом с рамками и казалась запертой.

Ольга сказала, что ключ потерян много лет назад. Мерц стучал по носилкам, пока она не подошла. Показал сначала на нижний ящик прилавка, потом на свою правую туфлю. В каблуке под резиновой накладкой лежал плоский ключ.

— Папа, зачем?

— Стена, — сказал он.

Ольга закрыла глаза. О тайнике она не знала. Мерц не доверил дочери ход под ателье, но носил ключ на себе даже после инсульта. Очередная защита, которая оставляла близкого человека без права выбирать.

Подвальную дверь открыли не сразу. Сначала сняли ключ, замок и пол вокруг. На внутренней стороне порога нашли свежую белую крошку и две капли воды. Нападавший спускался туда после дождя, снял медицинскую куртку или стряхнул её у двери, затем ушёл другим выходом.

План здания показывал подвал длиной шесть метров. Наружная стена ателье находилась почти в девяти. Три метра терялись за кирпичной кладкой. Ольга думала, там фундамент старой бани. Мерц годами ставил перед стеной шкафы и запрещал их двигать.

На полу сохранился свежий след колеса от его кресла. Старик приходил к стене сам до нападения или нападавший привёз его вниз. След заканчивался у тринадцатой ступени и возвращался вверх. На обратном пути правое колесо несло красную пыль, которой у лестницы не было.

За стеной находился другой грунт или кирпич. Теперь слово Мерца получало направление, не только число.

Вера посмотрела на лестницу в подвал ателье. На третьей ступени лежала белая крошка. На шестой — ещё одна.

След шёл вниз.

* * *

Подвал закончился кирпичной стеной. На полу тянулись две рельсы от старой тележки. Они уходили прямо под кладку.

Илья отсчитал ступени.

— Двенадцать.

Вера посветила на нижнюю площадку. Под слоем пыли проступал край ещё одной ступени, залитой бетоном.

Тринадцатая.

Глава 20. Тринадцатая ступень

За стеной ателье проходил старый технический тоннель.

Это подтвердили планы городской канализации. Ход соединял фотолабораторию Мерца с прачечной санатория: раньше по рельсам возили бельё и химикаты, потом часть тоннеля заложили.

Постановление на вскрытие стены получили к вечеру. Илью не допустили. Он ждал снаружи вместе с Верой и курил её сигареты.

Областной следователь предложил Вере участвовать только после письменного отвода от всего, что связано с Антоном. Она могла снимать тоннель и останки, но не изымать предметы, подписывать выводы или оставаться одна у объекта.

— Это не недоверие к вам, — сказал он.

— Именно недоверие. Правильное.

Она расписалась. Илья не получил даже такого допуска. Его присутствие у стены ограничили коридором ателье, где он видел работу через открытую дверь.

Ольга по телефону разрешила вскрыть кладку и попросила сохранить кирпичи с надписями Мерца. Даже сейчас кто-то думал о том, что останется после следствия.

Инженер потребовал укрепить потолок. Пока ставили распорки, Вера изучала рельсы. Последний слой краски нанесли после закладки стены: коротким участком подвала пользовались уже без тоннеля.

На рельсах были три типа следов. Старые колёса оставили широкие блестящие полосы под краской. Новая тележка прорезала краску до металла. Ещё один предмет волокли поперёк, оставляя зубчатые насечки.

Вера измерила шаг насечек. Он совпадал с металлической заслонкой задника, которую Мерц держал после нападения. Возможно, старик не просто защищал деталь — использовал её, чтобы отметить путь к стене.

Под тринадцатой ступенью нашли пустоту. Небольшую, размером с коробку. В ней лежал ключ от кирпичной двери и засохшая пачка фотопластин без изображений. Мерц спрятал ключ, но нападавший знал другой вход.

Под колесом тележки нашли свёрнутую фотографию. После сушки проявился мужчина у шахты, снятый со спины. У него отсутствовала часть большого пальца.

Беляев был жив у тринадцатой ступени в день съёмки.

На следующем кадре тележка стояла пустой. Третий засвечен. Серия показывала: Мерц или Антон снимал тоннель до официального осмотра.

Тринадцатая ступень находилась под осью тележки. Мерц мог считать не лестницу, а обороты колеса — тринадцать движений от стены до шахты.

Из кладки высыпались окурки, милицйская газета и пустая ампула диазепама. Газета датировалась неделей после исчезновения Беляева. Тело спрятали во время закладки, не позже.

Окурки разделили по слоям раствора. Два оказались без фильтра, с табаком той марки, которую курил Беляев. Один — с фильтром и следом помады. Последний мог принадлежать рабочей, Светлане или человеку, использовавшему чужую сигарету как метку.

На газете сохранилось объявление о розыске Беляева. Его замуровали вместе с текстом о том, что он якобы уехал. В правом углу кто-то обвёл номер телефона милиции и написал: «не звонить».

Ампулу вскрыли заводским надломом. На горлышке не было крови. Диазепам могли ввести Беляеву, другому человеку или просто выбросить при работе.

— Ты же не куришь, — сказала она.

— Сейчас не курю. Держу зажжённую улику.

Он затушил сигарету после двух затяжек.

Строители сняли кирпичи вокруг рельсов. Из щели пошёл холодный воздух. За кладкой обнаружилась металлическая дверь без ручки. Замок открывался со стороны тоннеля.

На внутренней стороне первых кирпичей были отпечатки ткани и ладони. Кладку возводили из ателье, а дверь закрыли уже после. Последний человек остался в тоннеле и вышел другим путём.

Раствор содержал морской песок, цемент из санаторного склада и древесную пыль. Беляев как завхоз мог достать материалы. Антон и начальник милиции — заставить рабочих не задавать вопросов. Нужны были платёжные ведомости, а не догадка по составу стены.

За дверью датчик уловил слабый ток воздуха. Тоннель не был герметичным. Где-то дальше оставался открытый выход, которым пользовались сейчас.

Её срезали.

Перед резкой дверь разделили на квадраты маркером поверх прозрачной плёнки. Каждый участок сняли в белом, боковом и ультрафиолетовом свете. На нижней кромке обнаружили три слоя краски. Первый нанесли ещё при работе прачечной, второй — после закрытия тоннеля, третий совсем недавно, чтобы скрыть царапины от современного замка.

Петли находились со стороны коридора. Человек, замуровавший проход из ателье, мог закрыть дверь за собой и уйти в санаторий. Но свежая краска показывала: дверь открывали и теперь, не разбирая кладку. Значит, существовал обход, которого не было на городском плане.

Инженер простучал стены. За правой проходила пустота шириной меньше метра. В неё вели четыре вентиляционных отверстия, замаскированных решёткой. Человек мог протянуть руку к замку специальной штангой, но не пройти целиком. На внутренней ручке сохранилась дуга от такого инструмента.

— Поэтому ключ под ступенью остался, — сказала Вера. — Он не нужен тому, кто входит через нишу.

В пустоте нашли современный трос с магнитным крюком и следы белой изоляции. Трос уходил вверх, к техническому люку в ателье. Нападавший мог открыть дверь заранее, пройти тоннель и снова запереть, не трогая кирпичи. Тайный ход оказался не древним устройством, а несколькими новыми деталями поверх старой конструкции.

Из раствора взяли образцы у каждого ряда. Нижние содержали угольную пыль старой котельной, верхние — цемент того же состава, но с волокнами газеты. Дата газеты ограничивала время кладки. Современного ремонта между рядами не было. Тело, если находилось за стеной, замуровали двадцать лет назад. Красную ткань и свежие следы добавляли с другой стороны.

Один кирпич хранил отпечаток подошвы. Рабочий наступил на него до застывания раствора. Размер был маленьким, рисунок — советская резиновая обувь. Совпадения с нынешними следами не искали: за два десятилетия подошва могла принадлежать кому угодно и исчезнуть вместе с ботинком.

Только после этой фиксации диск вошёл в металл. Дверь резали по нижнему углу, вдали от замка и отпечатков. Искры летели в ателье, а из щели тянуло холодом. Когда отверстие стало достаточно широким для камеры, внутрь сначала ввели объектив и датчик воздуха. Человека за дверью могло не быть, но ловушки они уже видели слишком часто.

На тринадцатой ступени нашли бурое пятно. Экспресс-тест дал кровь, но слишком старую для немедленного профиля.

Дальше шёл низкий коридор. Следов недавнего прохода было много: белая пыль, свежие царапины от тележки, обрывки синей перчатки. Кто-то пользовался тоннелем регулярно.

Вера вошла с официальной группой как фотограф. На этот раз разрешение записали в протоколе трижды.

Её камера шла на отдельной пломбе. Первый кадр — часы группы, второй — номер допуска, третий — общий вид двери. Вера не меняла объектив внутри, чтобы не открыть корпус пыли. Запасной аппарат нёс криминалист.

Каждые пятьдесят метров группа оставляла метку и записывала состав воздуха. Рельсы звенели под ногами, хотя никто их не касался. Звук приходил из глубины: где-то работала тележка или вода двигала металл.

У первой развилки нашли свежую батарейку от фонаря и обрывок бинта с бурой кровью. Нападавший прошёл тоннель после пореза. Образец отправили по отдельной цепочке, не смешивая с кровью у Мерца.

Через двести метров рельсы упёрлись в завал. Справа обнаружилась дверь в резервное помещение. На ней мелом написано «17».

Замок отсутствовал. Дверь удерживал бетонный блок.

Спасатели сдвинули его домкратом.

За дверью находилась шахта с лестницей. Воздух пахнул гнилью. На глубине блеснула вода.

— Никто не спускается до проверки газа, — сказал старший.

Датчик показал недостаток кислорода. Установили вентиляцию. Через час вниз пошли двое спасателей и эксперт.

Останки лежали на боковой площадке, выше уровня воды. Сверху их накрывала истлевшая рабочая куртка. Рядом — резиновые сапоги, пояс с инструментами и металлическая коробка.

Кости не лежали в анатомическом порядке. Правую руку перенесли на грудь, череп повернули к стене, ноги подтянули. Это мог сделать тот, кто прятал тело, или вода во время старых сбросов. Но сапоги поставили после отложения первого слоя минерального налёта: подошвы оставили чистые прямоугольники.

На куртке сохранился карман с оборванной пуговицей. Ткань вокруг отверстия была разрезана ножом, а не порвана. Из кармана забрали предмет размером с задник или блокнот до того, как накрыли останки.

Металлическая коробка закрывалась на проволоку. На ней стоял узел того же типа, которым крепили бирку П-4. Этот инструмент и навык проходили через разные десятилетия.

Положение вещей не соответствовало падению. Сапоги стояли у стены подошвами вниз. Куртку расправили поверх тела. Коробку поставили рядом уже после смерти: под ней не было тёмного осадка, покрывавшего площадку.

На стенах шахты проходили две приливные линии. Нижняя была старой, покрытой толстым минеральным налётом. Верхняя появилась после реконструкции коллектора пять лет назад. Останки лежали между ними. Вода доходила до площадки во время сильных нагонов, но не могла поднять сапоги вертикально или перенести коробку, не смыв лёгкий журнал.

Под курткой слой осадка прерывался по форме плеч и таза. Тело положили сначала, дождались или допустили несколько затоплений, затем вернулись и накрыли. На внутренней стороне ткани налёта не было. Кто-то приходил к останкам спустя недели или месяцы после смерти.

— За чем? — спросила Вера.

Эксперт показал разрезанный карман.

— За предметом. Или проверить, осталось ли что-то.

Возле правой кисти сохранился отпечаток металлического задника. Прямоугольник в осадке совпадал с форматом Мерца. самого задника не было. Его вынули в тот же поздний визит или забрал Беляев ещё живым, а след принадлежал другой коробке.

Пуговица от кителя лежала под слоем, который образовался раньше куртки, но позже тела. Человек в форме находился здесь при первом возвращении. Он опустился на колени, потерял пуговицу, затем помог накрыть останки или наблюдал, как это делает другой.

— Антон? — спросила Вера.

— Размер и сплав совпадают с милицейским снабжением тех лет. Фамилии металл не хранит.

В швах куртки нашли серые волокна одеяла. Такие выдавали в санатории и держали в машинах милиции. Беляева могли сначала завернуть, принести на площадку, затем одеяло убрать. Одно волокно сохранило тёмную засохшую каплю. Его взяли отдельно: если кровь принадлежала другому человеку, сцена получала второго участника не по отпечатку колена, а по телесному следу.

Вера снимала каждый слой до перемещения. После десятого кадра ей хотелось ускориться: лицо Беляева уже существовало в воображении, а Илья ждал наверху. Она заставила себя менять карточку номера и выдерживать паузу. Спешка однажды уже превратила это место в пустую строку протокола.

— Его похоронили здесь, — сказала Вера.

— Или спрятали, — ответил эксперт.

— Похоронили настолько, насколько позволяла спешка. Сапоги сняли. Лицо закрыли.

На куртке сохранились три узла из проволоки. В каждый был зажат маленький предмет: сломанный ключ, монета и зубчатая шайба. Завхоз мог носить их с собой или тот, кто прятал тело, оставил знак.

Вера сняла площадку по секторам. У стены нашла отпечаток колена в высохшем минеральном слое. Рядом — второй, меньше. Над телом стояли на коленях двое.

Один след пересекала пуговица от кителя. Она не выпала при переносе: её вдавили весом человека.

— Антон был здесь, — сказала Вера.

— Пуговица доказывает форму, не владельца.

— Инициалы на ступени доказывают владельца.

— Доказывают, что кто-то вырезал инициалы.

Эксперт говорил спокойно, возвращая каждому предмету его настоящий вес. Вера была благодарна и злилась на него одновременно.

В коробке под журналом нашли два кинетических ключа от технических замков. Один подходил к четвёртой двери, второй — к резервуару. Зубцы были испачканы старой бурой массой.

Если Беляев собирался показать Антону резервуар, он принёс оба.

Вера снимала сверху, затем спустилась по разрешению.

Скелет лежал на правом боку. Череп отделился и закатился под трубу. На пальцах сохранилось обручальное кольцо. Большой палец правой руки был без верхней фаланги.

— Беляев, — сказала Вера.

Эксперт не подтвердил.

— Пока взрослый мужчина. Старше сорока. Травма пальца прижизненная и давняя.

В старой медкарте Беляева сохранился рентген правой кисти после несчастного случая на пилораме. На снимке кроме утраченной фаланги виднелся неправильно сросшийся перелом пястной кости. Та же деформация была у останков. Совпадение давало предварительное имя, но официальный вывод ждал ДНК.

Зубную карту завхозу не вели. Зато в журнале профосмотра отмечали металлическую коронку на верхнем зубе и отсутствие двух нижних. На черепе положение совпало. Эксперт сообщил следователю, что вероятность идентификации высокая, и попросил связаться с сыном до публикации.

Николаю дозвониться не удалось. Хабаровские коллеги приехали по старому адресу и нашли квартиру пустой. Сосед сказал, что мужчина уехал месяц назад, забрал инструменты и коробку с документами отца. О Керне говорил как о месте, куда должен вернуться «до того, как начнут ломать стены».

— Он знал о реконструкции, — сказала Вера.

— Это было в открытом тендере, — ответил следователь.

Знать о сносе мог любой подрядчик. Вернуться именно сейчас Николая заставило что-то ещё: письмо, звонок или страх, что тело найдут без него.

У останков взяли образец из зуба и глубокого участка бедренной кости. Поверхностные кости касались воды и рук при старых переносах. Две независимые пробы отправили разными маршрутами. Пока фамилия Беляева оставалась рабочей, а не написанной на пакете.

В металлической коробке лежали жетоны от шкафчиков, связка ключей и журнал технических сбросов. Последняя запись датирована ночью исчезновения Лиды.

Почерк Беляева обрывался на середине строки:

«Решётка повреждена. Девочка в нижнем...»

Дальше бумагу размыло.

На черепе был пролом затылочной кости. Не падение: края повреждения сходились в узкий прямоугольник, похожий на удар молотком.

Рядом нашли молоток с прямоугольным бойком. Он лежал под слоем осадка, но на металле не сохранилось крови. Размер подходил приблизительно, угол повреждения — нет. Молоток могли оставить как удобный ответ.

Эксперт снял слепок раны и попросил не называть орудие до сравнения. Второй возможный предмет — торец тяжёлого ключа для клапана. Такие висели в водолечебнице и попадали на старые фотографии Беляева.

На нижней челюсти отсутствовал свежий прижизненный зуб, но рядом лежал детский моляр из сушильни. Его подбросили к взрослому телу, смешивая две истории.

— Его убили, — сказал эксперт.

— Когда?

— По состоянию останков — примерно двадцать лет назад. Точнее после исследования.

Вера осмотрела площадку. На стене сохранился кровавый мазок ладони. Большой палец обрывался у первой фаланги. Беляев пытался подняться после удара.

Под трубой, рядом с черепом, лежала пуговица от милицейского кителя.

Илья увидел её позже на фотографии.

— Такие носили все, — сказал он.

— Включая отца.

— Включая моего.

Перед подъёмом останков эксперт обозначил каждую кость. В воде лежали куски верёвки, пуговицы и зубчатая пластина. Она подходила к замку резервуара как часть самодельного ключа.

В кармане куртки сохранилась записная книжка. Между пластиковыми обложками уцелел список фамилий. Шевцов, директор, начальник милиции, Антон. Напротив каждого — сумма или дата.

Суммы были не одинаковыми. У директора — стоимость списанного оборудования. У начальника — номер квартиры и дата. У Шевцова — две колонки ампул. Беляев собирал не список взяток, а долгов и действий, которые мог использовать на встрече.

Напротив сына стояло: «не звонить до 15-го». Ниже — адрес ателье Мерца. Беляев готовил передачу задника, но не хотел втягивать Николая раньше срока.

Страница с продолжением была вырвана. На корешке оставался обрывок слова «врач» и цифра 47.

У Антона суммы не было. Стояло слово: «дочь».

Угроза Вере действительно использовалась как цена молчания.

Но слово «дочь» могло означать не угрозу. Беляев мог записать, что Антон действует ради дочери, или планировал передать ей сведения. Вера поймала себя на том, что выбрала самый жестокий смысл первым.

Илья, стоявший за лентой наверху, не видел страницу. Она не стала пересказывать через рацию. Сфотографировала строку целиком, вместе с соседними записями, чтобы одно слово не стало отдельным обвинением.

Кольцо сняли с останков. На внутренней стороне были инициалы «Н. Б.». Николай Беляев.

Отца и сына звали одинаково. Поэтому в поздних документах инженер проходил как Николай Беляев-младший, а завхоз — без уточнения.

Лиды в шахте не оказалось.

На нижней решётке зацепился кусок красной ткани, но он был свежим. Кто-то привязал его недавно, чтобы поисковая группа спустилась именно сюда.

— Нас опять ведут, — сказала Вера.

— Зато привели к телу, — ответил эксперт.

— Не к тому.

Красную ткань сняли вместе с участком ржавчины. Волокна оказались от современной сигнальной ленты, которую используют подрядчики. Края оплавляли зажигалкой, чтобы не осыпались. На одном сохранился жир с пальцев и смазка вентиляционного троса.

След от человека, привязавшего ленту, шёл не со стороны ателье. Он начинался у вертикальной шахты за трубой и заканчивался возле решётки. На стене остались следы спускового устройства, а в верхнем канале — свежая анкеровка. Значит, приманку установили через другой вход, уже после того как дверь тоннеля закрыли кладкой.

Спасатель поднял камеру на штанге. Шахта выходила в технический двор клиники, под металлический контейнер для старого оборудования. Крышка открывалась изнутри. На ней сохранилась электронная пломба последней проверки — целая, но провод уходил не через ушко, а был приклеен поверх. Снаружи подмена выглядела законной.

В журнале двора контейнер открывали месяц назад по заявке инженера Николая Беляева. Работу принял администратор клиники, подпись которого совпадала с факсимиле Шевцова. Николай получил официальный доступ к шахте. Кто рассказал ему о теле, журнал не отвечал.

На ступенях шахты нашли современную кровь. Профиль ещё предстояло сравнить, но мазок лежал поверх старой ржавчины. Нападавший мог порезаться после встречи с Верой, спускаясь привязать ткань и проверить тело. Тогда он заранее знал, что следствие войдёт через ателье и увидит метку.

С площадки также пропала одна кость кисти Беляева. На первых фотографиях она лежала рядом с ребром, при повторном осмотре отсутствовала. Группа остановила работу и сверила видео. Кость сместилась в воду, когда подняли коробку, и застряла под нижней решёткой. Её нашли через двадцать минут.

Никто не успел обвинить человека в краже улики. Иногда исчезновение было только следствием движения, а не чьего-то плана. Вера внесла этот эпизод в журнал: он показывал, насколько легко даже под камерами возникает удобная подозрительность.

На обратном пути она заметила на тринадцатой ступени царапины. Под кровавым пятном кто-то вырезал две буквы: «А. Л.».

Инициалы отца.

Илья увидел и побледнел.

— Это мог сделать убийца сейчас.

— Кровь лежит поверх царапин.

— Тогда Антон был здесь в 2006 году.

— И не внес тоннель в дело.

Он опустился на ступень.

— Если Беляев был жив после удара, Антон мог найти его.

— Или ударить.

— Не говори это без доказательств.

— Ты сам учил.

Снаружи ждали журналисты. Кто-то уже сообщил о находке тела. Камеры развернулись к Вере, когда она вышла.

На экранах телефонов уже шла фотография шахты, снятая сверху до упаковки останков. Угол совпадал с камерой одного из спасателей. Он клялся, что не отправлял файл. Его телефон автоматически загружал снимки в семейное облако, пароль знала жена, а ссылку переслали в поселковую группу.

Утечка не требовала заговора. Хватило настройки, о которой никто не подумал.

Следователь изъясил телефоны группы для проверки. Вера отключила синхронизацию своей камеры ещё у входа и записала это в протокол. Впервые привычка к осторожности не пришла слишком поздно.

Она закрыла лицо рукой.

Один репортёр крикнул:

— Правда, что останки принадлежат пропавшей девочке?

Вера прошла мимо.

В машине Ильи, которой он временно не имел права управлять как служебной, на лобовом стекле лежал конверт.

Внутри — фотография Антона у тринадцатой ступени. Он стоял над телом Беляева и держал в руке окровавленный молоток.

Конверт лежал под дворником, но бумага оставалась сухой. Его поместили после дождя, пока все смотрели на журналистов. На капоте не было следов подхода: человек пришёл со стороны тоннеля вдоль стены и не попал в обзор камер.

В правом углу снимка отражалась часть лица фотографа. Очки, маска, светлая полоса. Слишком знакомая маска, чтобы считать её случайным отражением. Убийца подписал подделку собственным образом и тем самым заранее объявил любой найденный след постановкой.

Снимок был сделан через открытую дверь тоннеля.

На обороте написано:

«Один уже молчал. Теперь молчат двое».

Глава 21. Второе тело

Фотография Антона оказалась монтажом.

Вера определила источники. Беляева взяли с кадра шахты, Антона — с чужих похорон, молоток — из каталога инструментов. Бумагу вымачивали в чае и морской воде.

Изображение Антона нашли в районной газете за 2011 год. Он стоял у могилы своего бывшего начальника, держал сложенный зонт. Руку с зонтом заменили рукой с молотком, но на рукаве сохранилась капля дождя, которая в тоннеле не могла появиться.

Молоток продавался в местном магазине. Каталожный снимок всё ещё висел на сайте. Убийца не имел фотографии настоящего оружия или хотел, чтобы подделку разоблачили.

Чай содержал бергамот. Такой стоял у Ольги, в аптеке и в комнате персонала клиники. Морская вода добавила водоросли с пляжа «Прибоя». Старение снимка было частью театра, не попыткой пройти экспертизу.

Монтаж делал не мастер. Контуры выдавали ножницы, на рукаве Антона остался пиксельный узор цифровой распечатки. Человек знал тёмную комнату, но плохо работал с компьютером.

На обороте нашли отпечаток Николая Беляева-младшего. Слишком чёткий, поставленный большим пальцем по центру.

Дактилоскопист показал след под увеличением. Края папиллярных линий были резкими, давление одинаковым на всей площади. Живой палец на бумаге оставил бы более тёмный центр и смазанный край. Здесь использовали плёнку или штамп.

Отпечаток взяли с заявления Николая 2006 года. На копии дела отсутствовал именно лист с его подписью и пальцевой отметкой после осмотра комнаты отца. Украденные страницы получили назначение.

— Значит, человек в архиве делал этот монтаж, — сказал Илья.

— Или передал материал тому, кто делал.

Даже подделка указывала не на руку, а на доступ.

— Он мог взять снимок голой рукой, — сказал Илья.

— Или кто-то перенёс отпечаток с его документов.

В гараже Николая уже обнаружили штемпельную плёнку для переноса следов. Но сама находка опять выглядела подготовленной для полиции.

Монтаж был не полностью цифровым. Два старых негатива совместили под увеличителем и отпечатали на бумаге одной партии. Тень молотка падала в другую сторону, зерно на руке отличалось от зерна на лице.

Вера разложила этапы: цифровой кадр газеты пересняли на плёнку, негатив Беляева взяли из снимков шахты, молоток — с каталога. Затем три изображения совместили под увеличителем и напечатали как единый лист. Поэтому монтаж выглядел старым для глаза и новым для эмуляции.

Человек владел мокрой печатью, но не заботился о перспективе. Мерц с его опытом не допустил бы такую тень. Марина могла научиться печатать, но не имела источника из шахты до утечки. Николай работал с вентиляцией, а не фотографией. Шевцов пользовался лабораторией санатория, но скрывал знание марки бумаги.

Каждому подходила часть навыка. Ни одному — вся цепочка без помощника.

— Значит, отец не убивал Беляева, — сказала Вера.

— Значит, этот снимок не доказывает, что убивал, — ответил Илья.

Он сидел напротив неё в лаборатории Мерца. Ольга оставила ключ и уехала в больницу к отцу. Красную лампу не включали.

Егор привёз первые результаты по останкам. Беляев умер от удара тяжёлым прямоугольным предметом. После травмы прожил несколько минут. На рёбрах были следы давления, будто тело протаскивали ремнём. В кармане куртки нашли стеклянную крошку и остатки седативного препарата.

Стекло происходило не из окна. Оно было оптическим, с высоким содержанием свинца, от линзы старого увеличителя или медицинского прибора. Осколки попали в карман до смерти: один застрял в подкладке вместе с кровью.

На ремне сохранились волокна милицейской шинели и белого медицинского халата. Беляева тащили или удерживали люди в разной одежде. Волокна могли перейти с места хранения, но на рёбрах два рисунка давления располагались под разными углами.

Версия двух нападавших становилась сильнее. Одним мог быть Антон, но участие не равнялось смертельному удару.

Под ногтями сохранились частицы синей эмали и кожа другого человека. Эмаль совпала с медицинским шкафом старой водолечебницы. Беляев сопротивлялся там, тело перенесли в шахту позже.

На затылке было два удара. Первый слабее, сбоку; второй смертельный, сверху. Нападавший либо добивал лежащего, либо били двое разного роста.

В лёгких не было воды. На подошвах — красный гранит со двора клиники, тогда служебного корпуса санатория.

Последний маршрут складывался: клиника, водолечебница, тоннель, шахта.

— Тот же мидазолам? — спросила Вера.

— Нет. Диазепам. В санатории его использовали в 2006 году.

— Кто имел доступ?

— Медперсонал.

— И завхоз через склад отходов.

— Да.

Илья раскрыл копию дела Беляева. В официальной версии он украл деньги из кассы и уехал. Заявление о пропаже подал Шевцов, указав, что видел Беляева на автобусной остановке с сумкой.

Кассовая недостача составляла сумму, записанную напротив директора в книжке Беляева. Деньги могли быть не украдены, а списаны через него. Билет на автобус купили за наличные на фамилию Беляева, но контролёр не помнил пассажира уже через неделю.

К билету прилагалась багажная квитанция на тяжёлый ящик. Ящик прибыл в Хабаровск без владельца и пролежал на складе месяц. Содержимое в старом акте описано как фотоматериалы и личные инструменты. Получателем значился Николай Беляев-младший, но подпись не совпала с паспортной.

Кто-то отправил вещи, чтобы версия отъезда получила маршрут и конечную точку.

— Он создал версию отъезда, — сказала Вера.

— Или действительно видел.

— После того как Беляев лежал в шахте?

— Дату смерти уточняют.

Вера повернула фотографию монтажа. Фигура Антона была взята из другого кадра — похоже, из осмотра места происшествия. Молоток добавили отдельно.

— Убийца не хочет, чтобы мы просто подозревали отца. Он хочет, чтобы я увидела его убийцей.

— Потому что Антон что-то оставил тебе.

— Или потому что я должна перестать искать Шевцова.

Егор положил на стол результат анализа крови с подоконника Мерца.

Профиль совпал с кровью на фрагменте перчатки из бронежилета.

Областная лаборатория получила ту же группу маркеров в образце с подоконника, фрагменте перчатки и мазке из тоннеля. Контрольная проба, запечатанная отдельно, подтвердила результат. Районную подмену женской кровью теперь можно было выделить как самостоятельное вмешательство.

При этом на внешней стороне перчатки нашли клетки Веры и Ильи. Нарушенная передача не исчезла. В суде образец потребует объяснить весь путь, но родственный поиск по мужскому профилю оставался возможным.

Егор отправил запрос в базу добровольных доноров и старых медицинских карт, не раскрывая фамилию подозреваемого. Совпадения не было.

Шевцов исключён как источник.

— Не он, — сказал Илья.

— Или образец, который он сдал, чужой.

— Его брали при двух свидетелях.

— Тогда у него сообщник.

Егор провёл пальцем по строке.

— Профиль частичный. Можно установить родство, но точного совпадения в базе нет.

— Мужчина?

— Да.

— Возраст?

— По ДНК так не скажу.

Вера вспомнила фигуру в овраге: хромота, очки, рука у груди. Шевцов мог инсценировать нападения через другого человека. Мог подменять улики чужой кровью.

Илья достал из дела ещё один документ. Протокол допроса Антона после исчезновения Беляева, проведённый областным следователем. Антон утверждал, что в ночь исчезновения находился дома с дочерью.

В протоколе время алиби стояло с 22:00 до 01:00. Соседка подтверждала свет в окне, но не видела Антона. Вера тогда уже ехала поездом к тёте. Отец мог оставить включённую лампу и выйти через задний двор.

В журнале служебной машины отсутствовала одна страница. Следующий лист начинался с пробега на тридцать два километра больше. От отдела до «Прибоя», потом до шахты и обратно было меньше десяти. Остальной маршрут мог вести к автобусной станции или дому начальника.

Антон не просто оказался у тела. Он перемещался всю ночь и создал алиби заранее или сразу после.

— Меня уже отправили к тёте во Владивосток, — сказала Вера. — Я не была дома.

— Он создал себе алиби.

— Или прикрывал, что снова ходил в санаторий.

В первом протоколе по делу Лиды на полях была запись: «Б. требует говорить. Встреча 23:00, П-4».

Беляев назначил Антону встречу у четвёртой двери.

— Отец пришёл, — сказала Вера. — Нашёл тело и спрятал его.

— Зачем?

— Потому что рядом были улики против него. Пуговица, инициалы, встреча.

— Это объясняет сокрытие, но не убийство.

— Он мог решить, что если сообщит, обвинят его. Или начальник приказал молчать, чтобы не вскрылось дело Лиды.

— Беляев мог быть жив, когда отец его нашёл, — сказал Илья. — Тогда сокрытие уже не страх обвинения.

— Эксперт говорит несколько минут. Не час.

— Несколько минут достаточно, чтобы вызвать помощь.

— Если он видел.

Они снова упёрлись в порядок событий. Первый удар в водолечебнице, перенос, второй удар у шахты, появление Антона. Без времени каждого действия виновность менялась от свидетеля до соучастника.

На странице блокнота Беляева под ультрафиолетом нашли отпечаток пуговицы. Она лежала на бумаге до того, как оказалась возле тела. Пуговицу могли потерять при встрече, а потом перенести вместе с вещами.

Илья смотрел на снимок Антона.

— Мой отец знал.

— Откуда?

— Копия дела Беляева была у него. Он сохранил её вместе с первым протоколом Лиды.

— Значит, помогал.

— Или собирался когда-нибудь рассказать.

— Все собирались. Потом удобно умирали.

Илья попросил Егора подождать и позвонил сотруднику внутренней безопасности. Продиктовал адрес своей квартиры и сказал, где в шкафу лежит форма отца. Он хранил её после похорон, хотя старый китель ему был мал и не имел семейной ценности.

— На нём не хватает пуговицы? — спросила Вера.

— Не помню.

— Помнишь.

— Нижняя заменена. Другого металла. Я видел, когда сдавал вещи после смерти.

Корсаков-старший говорил, что потерял пуговицу на рыбалке. Илья принял объяснение, потому что не знал о шахте или не хотел связывать. Теперь сам дал основание изъять вещь, которая могла поставить отца рядом с телом.

— Если сплав совпадёт? — спросила Вера.

— Тогда совпадёт снабжение. Не человек. Ты сама так говорила.

— А волокна?

— Форма хранилась в доме, где лежала копия дела. Отец мог заворачивать в неё документы. Любой результат будет спорным.

Он заранее видел пути защиты и всё равно передал китель. Через час пришла фотография описи. Верхние пуговицы относились к одной партии, нижняя — к более поздней. На месте замены ткань зашивали вручную серой нитью. Такая же серая нить сохранилась на пуговице у Беляева.

Нить была массовой хлопковой, но узел на обороте кителя имел два витка и короткий хвост. На найденной пуговице узел не сохранился. Сравнение могло показать состав красителя, не руку, которая пришивала.

Илья выключил телефон.

— Его тоже кто-то держал, — сказал он. — Квартирой, формой, тобой. А он держал меня молчанием.

Вера не стала утешать. Сочувствие не должно было снова превратить участие отца в семейную скидку.

Телефон Егора зазвонил. Он выслушал и включил громкую связь.

Эксперт сообщил, что на поясе Беляева сохранились волокна шерсти и человеческая кровь. Кровь принадлежала не Беляеву. Профиль удалось частично выделить.

Он совпадал с образцом на перчатке нападавшего.

— Тот же человек? — спросил Илья.

— Да. Совпавших локусов достаточно для предварительной идентификации. Полный профиль подтвердят во Владивостоке.

— Как кровь человека, который нападает сейчас, оказалась на поясе двадцать лет назад? — спросила Вера.

— Пятно старое, — ответил эксперт. — Оно под слоем минеральных отложений. Современное загрязнение исключаем.

Чтобы это утверждение не держалось на одном взгляде, пояс исследовали послойно. Верхняя корка содержала соли двух разных затоплений и частицы цемента, которым закрывали тоннель. Кровь лежала под обоими слоями и проникла в волокна шерсти до того, как ткань намокла в шахте.

От пояса отделили три нити. Одну растворили для химического анализа, вторую отправили на ДНК, третью оставили нетронутой. В контрольной пробе с поверхности обнаружили клетки современных участников осмотра, но внутри узла их не было. Там сохранился только мужской профиль и кровь Беляева.

— Значит, они дрались? — спросила Вера.

— Значит, чужая кровь попала на пояс до минерального слоя. Источник и действие анализ не назовёт.

Пятно находилось у пряжки, там, где человек обычно хватается, подтягивая тело. Рядом застрял обломок ногтя. Если он принадлежал тому же профилю, мужчина мог переносить Беляева после удара. Если самому Беляеву — пытался разжать чужую руку.

Обломок дал смешанный результат. Клетки Беляева и того же неизвестного мужчины. Событие стало теснее, но не яснее.

Во Владивостоке повторили анализ по другой нити. Совпали двенадцать маркеров, достаточно, чтобы исключить случайного человека, но не близкого родственника. У Беляева был сын. Если кровь принадлежала Николаю, совпадение ожидаемо. Если другому родственнику, о котором никто не знал, база его не покажет.

Илья запросил добровольный образец через хабаровских коллег. По адресу регистрации Николай не жил шесть лет. Работодатель сообщил, что он уволился месяц назад, сказал, что едет закрывать семейный долг, и забрал только личные инструменты.

— Он готовился вернуться, — сказал Илья.

— Или уехать навсегда, — ответила Вера.

В его мастерской остались чертежи вентиляции «Прибоя», присланные с анонимного адреса. До письма Николай не имел полной схемы санатория. Знание тоннелей передал кто-то из Керна.

— Значит, нападавший был в шахте ребёнком или подростком.

— Если это тот же человек и образцы не подменены.

Егор разложил цепочку хранения. Останки вскрывали при видеозаписи, пояс упаковал областной эксперт, пробу исследовали во Владивостоке. Подмена требовала бы участия нескольких людей.

— На этот раз можно доверять, — сказал он.

— Можно считать вероятность подмены низкой, — поправила Вера.

Илья открыл старое заявление сына Беляева. В две тысячи шестом ему было двадцать три, не ребёнок. Он приезжал в Керн через три дня после исчезновения отца, осматривал комнату и уехал. Значит, кровь могла попасть на пояс уже после смерти — если сын нашёл тело раньше полиции.

Заявление Николай подал в Хабаровске. Время поездки в Керн записали с его слов, билетов не сохранилось. Соседка Беляева видела молодого мужчину у комнаты отца не через три дня, а «после сильного дождя». По архиву погоды дождь шёл в ночь исчезновения и через трое суток.

Его кровь могла попасть на пояс в обе даты. Если Николай присутствовал при встрече, ему было двадцать три — взрослый свидетель, способный вмешаться. Если пришёл позже, он увидел уже спрятанное тело и почему-то молчал.

В обоих случаях история о напуганном ребёнке не работала. Кто-то позже сделал её удобнее, уменьшив его ответственность.

В журнале приёмного покоя санатория за ночь исчезновения Беляева была строка без фамилии: «мужчина, двадцать три года, порез правой ладони, ушиб плеча». Помощь оказал дежурный врач Шевцов. Пациент отказался от госпитализации и ушёл через технический вход.

Возраст вписали цифрами, затем пытались стереть спиртом. Под ультрафиолетом они читались. В графе адреса оставался только город: Хабаровск. Слишком много совпадало с Николаем, но прямого имени не было.

— Он нашёл отца в ту же ночь, — сказал Илья.

— Или участвовал в работе и порезался раньше.

В акте осмотра комнаты Беляева Николай утверждал, что приехал через три дня и повреждений не имел. На фотографии заявления правая ладонь скрыта под столом. Подпись сделана левой рукой, хотя в более поздних документах он правша.

Шевцов знал, что молодой мужчина находился в Керне и был ранен. Он либо лечил случайного пациента с тем же возрастом, либо помог Николаю исчезнуть из первой хронологии. Эта услуга могла стать началом зависимости, которую через двадцать лет превратили в сообщничество.

В архиве клиники сохранился счёт за перевязочный материал той ночи. Его списали на Беляева-старшего, уже лежавшего в шахте. Отец оплатил лечение сына на бумаге после смерти. Так Николай исчез из журнала, не оставив недостачи.

— Он знал тоннель, — сказал Илья. — Пришёл искать отца и увидел Антона у останков.

— Тогда месть объяснима. Но почему ждал двадцать лет?

Егор указал на дату въезда в Приморье.

— Потому что узнал о реконструкции. Тело должны были найти.

— Или потому что кто-то позвал его сейчас, — сказала Вера.

В телефоне Беляева-младшего позже нашли один входящий номер из Керна. Сим-карта оформлена на умершего пациента клиники Шевцова.

Телефон обнаружили не при Николае, а в снятом доме, поэтому сообщения нельзя было считать его словами без проверки. Аппарат лежал включённым, пароль был записан на бумаге под чехлом. Любой обыскивающий должен был открыть переписку сразу.

Эксперт снял образ памяти до включения экрана. В журнале системы сохранились даты создания сообщений, время синхронизации и данные базовых станций. Большинство совпадало с видимым чатом. Два последних сообщения появились после того, как Николай уже оставил телефон дома: аппарат подключался к домашнему беспроводному интернету, отправитель мог управлять им удалённо или заранее настроить публикацию.

— Какие два? — спросила Вера.

— «Без крови» и «Они начнут говорить после первого».

Именно те фразы, которые сильнее всего превращали молчание Николая в согласие. Их время оказалось ненадёжным. Более ранние сообщения хранили подтверждения сотовой сети и не могли быть добавлены только в локальную копию без следов.

Координаты дома Антона Николай получил действительно. Фотографию записки скачал. Открыл её четырнадцать раз за неделю и увеличивал участок с фамилией отца. Потом искал расписание автобусов до Керна и схему коллектора.

В голосовых заметках нашлась одна запись. Николай произносил: «Отец не уехал. Ланской знал». Дальше слышался стук по металлу и другой мужской голос: «Сначала вернём дока-

зательство». Голос был искажён трубой. Он мог принадлежать Шевцову или любому человеку, записанному через переговорный канал.

Запись появилась до первого убийства и содержала естественный фоновый шум дома: часы, холодильник, проезжающий поезд. Её не собрали из фраз так грубо, как команды Ильи в тоннеле. Николай хотя бы раз говорил с сообщником лично или по включённой громкой связи.

Сообщение содержало фотографию записки Антона и координаты дома, который Николай снял. Отправитель обещал доказать, что Ланской убил Беляева, если сын поможет получить плёнку Мерца.

Николай отвечал коротко: «Сначала оригинал». Потом: «Без крови». Последняя фраза могла означать отказ от убийства или требование не показывать поддельный кровавый снимок.

За два дня до смерти Павла отправитель написал: «Они начнут говорить только после первого». Николай не ответил.

Молчание не доказывало согласия. Но он не предупредил никого.

Это связывало их, но пока не объясняло, кто кем управлял.

В комнате стало тихо.

— У Беляева был сын, — сказал Илья. — В Хабаровске.

— Он мог вернуться и мстить за отца, — ответила Вера.

— Подходит возраст. Знает, что Антон скрыл тело. Может обвинять всех участников.

— И откуда знает устройство санатория?

— От отца. Карты. Записи.

Егор закрыл папку.

— У вас появился человек, чья кровь связана с местом нападения и останками.

— Слишком вовремя, — сказала Вера.

Илья нашёл номер сына Беляева. Телефон был выключен. По базе он приехал в Приморье месяц назад и снял дом в соседнем посёлке.

Фамилия: Николай Беляев-младший. Сорок три года.

Профессия: инженер по вентиляционным системам.

Он работал у подрядчика, обслуживавшего санаторий, клинику, лабораторию и портовые здания. В Керн приехал по заявке на обследование старых каналов. Шевцов подписал пропуск за месяц до убийств.

В снятом доме нашли светлую куртку без рукава, набор отмычек, планы тоннелей и новые линзы для очков. Не нашли мидазолам, фотобумагу или кровь жертв. Куртку разрезали недавно, но вырезанный рукав отсутствовал.

В мусоре лежала упаковка временной пломбы с эвгенолом. По имени пациента её выдали не Николаю, а его соседу. Ещё одна деталь могла быть его следом или подброшенной частью образа.

— Вот и человек, который ходит по стенам, — сказал Илья.

Вера смотрела на фотографию монтажа. Если Беляев-младший хотел отомстить Антону, отец уже умер до первого убийства. Значит, месть перенесли на детей и свидетелей.

Это объясняло почти всё.

Именно поэтому она не поверила.

На краю отпечатка Антона виднелась царапина в форме буквы «Л».

Ту же ложную метку кто-то поставил на камере в его доме.

Монтаж сделал человек, знавший привычку Антона метить технику, но копировавший её неправильно.

Беляев-младший не мог знать эту деталь.

А Мерц мог.

И Шевцов.

Глава 22. Кассета

Дом Беляева-младшего нашли пустым.

Входная дверь была закрыта на два оборота, окна целы. Ключ обнаружили под водосточной трубой в магнитном футляре — слишком очевидном для человека с набором отмычек. На ключе сохранился только отпечаток хозяйки дома.

Внутри работал обогреватель. Счётчик электричества показывал резкий рост потребления ночью: подвал сушили или нагревали реактивы. В ванной висело мокрое полотенце, на нём — прозрачная линза от очков без диоптрий. Маскировку сняли здесь после тоннеля.

Зубная щётка и бритва исчезли. Николай знал, что по ним возьмут ДНК. Но на внутренней стороне старой кепки остались волосы, а в кружке — след слюны. Чисто уйти из жилого дома труднее, чем из постановочной комнаты.

В холодильнике стояла открытая банка тушёнки, на столе — кружка с засохшим кофе. Одежда осталась в шкафу. Телефон лежал под кроватью без сим-карты.

Хозяйку дома привезли до начала основного осмотра. Она показала фотографии комнат, сделанные перед арендой. На них не было увеличителя, шкаф в подвале стоял у другой стены, а вентиляционная решётка над гаражом была покрашена. Николай попросил не делать ремонт и платил наличными каждую неделю.

— Гостей водил? — спросил следователь.

— Одного. Врач вроде. Машина хорошая, тёмная. Лица не видела.

— Когда?

— В первый день. Потом ещё кто-то приезжал на белом фургоне, но дом я вижу только с дороги.

Хозяйка знала Шевцова в лицо и уверенно сказала, что гость был не он. Уверенность появилась после того, как следователь произнёс фамилию. До подсказки она описывала только рост и пальто. В протокол внесли оба ответа, не последний как более удобный.

На кухне висел календарь Николая. Он отмечал рабочие смены, приливы и дни, когда звонил в Хабаровск. Напротив смерти Павла стояло: «дом, камера». Напротив исчезновения Светланы: «машина 23:30». Записи подтверждали участие в слежке, но слова «убить» или фамилий жертв не было.

Отдельный блокнот лежал в ящике с инструментами. Николай записывал размеры вентиляционных каналов и номера старых замков. Между расчётами повторялась фраза: «получить край». В трёх местах он писал: «без полиции Керна», один раз — «доктор обещал область».

— Какой доктор? — спросила Вера.

— Не указано.

Последняя страница была вырвана. На корешке сохранился нажим: «если опять будет тело — выхожу». Слово «опять» связывало запись с Павлом или старым телом Беляева. Нельзя было определить, написал Николай до Светланы или после.

Блокнот выглядел настоящим: масло с инструментов, разные ручки, последовательное продавливание страниц. Подбросить его сложнее, чем коробку перчаток, но возможно человеку, который месяц имел доступ к дому.

На внутренней стороне входной двери нашли царапины от отмычки, сделанные поверх последних слоёв лака. Николай входил ключом и держал запасной под трубой. Кто-то другой открывал дверь инструментом. Следы появлялись минимум три раза: металл окислялся между повреждениями по-разному.

Дом был его жильём и одновременно местом, куда сообщник приходил без разрешения.

В гараже обнаружили инструменты для вентиляции, рулоны белой изоляции и три коробки синих перчаток. В багажнике фургона — следы приливной грязи. На верстаке сохла светлая куртка с прорезанным рукавом.

Инструменты были рабочими, со старыми царапинами и инвентарными наклейками подрядчика. Плоскогубцы оставляли зубцы того же шага, что проволока на ключах П-4, но модель продавалась тысячами.

Изоляция оказалась современной, без асбеста и фенольной смолы. По цвету она выглядела как крошка из тоннеля, по составу отличалась. Три коробки перчаток имели другой номер партии: синяя печать совпадала рисунком, но не краской.

Тот, кто собирал улики, знал внешний вид и не проверял лабораторные различия. Или рассчитывал, что до проверки Николая уже найдут виновным.

— Слишком много, — сказала Вера.

Илью на обыск не пустили. Он стоял за лентой вместе с ней.

— Для суда бывает и мало.

— Человек убегает после нападения и оставляет куртку на виду?

— Если не успел забрать.

— И перчатки той же марки. И изоляцию. И грязь.

— Ты хотела, чтобы улики складывались.

— Не так аккуратно.

В подвале нашли фотобумагу и увеличитель. На стене висели снимки Антона, Павла, Светланы и Марины. Последнее свободное место было подписано именем Веры.

Снимки напечатали на бумаге из трёх партий. Фотография Павла — старая, с кадра мастерской. Светланы — стоп-кадр портовой камеры. Марины — снимок из коллекторной операции, утёкший только вчера. Подвал пополняли по мере расследования.

Увеличитель был исправен, но лампа слишком слабая для отпечатков того размера, которые находили у Антона и Мерца. В сливе не обнаружили серебра, проявителя или фиксажной соли. Здесь либо не печатали, либо тщательно заменили сифон.

На стене за свободным местом Веры остался более старый прямоугольник от другой фотографии. Кто-то снял её перед обыском. Под булавкой сохранился волос Светланы.

Казалось, дело закончилось.

Областной следователь говорил уже о задержании. Вера попросила показать фотографии гаража по порядку. На первом кадре куртка висела мокрой. На втором, снятом через четыре минуты, нижний край был сухим.

— Так не бывает, — сказала она.

Эксперт увеличил снимки. Первый сделал оперативник на телефон, второй — штатный криминалист. Между ними дом оставался под охраной.

— Куртки разные, — заметил Илья. — Разрез на рукаве выше.

Эксперт сравнил швы. Мокрая куртка принадлежала рабочему комплекту Николая: его фамилия была выведена маркером под воротником. Сухая — новая, на размер меньше, без следов носки. Чек указывал, что её купили после первого нападения, когда образ светлой куртки уже появился в показаниях.

Оперативник, сделавший первый снимок, утверждал, что не прикасался. Между кадрами в гараж входили пятеро. У одного не работала нагрудная камера, двое стояли спиной к верстаку. Подмена могла быть внутренним вмешательством или фокусом с двумя слоями одежды.

Мокрые куртку нашли позже в вентиляционном коробе над гаражом. На ней была кровь Николая и порез от ножа Веры. Это связывало его с нападением. Сухая куртка всё равно оставалась подброшенной.

Кто-то подменил предмет уже во время обыска или первая куртка была лишь чехлом, надетым поверх второй. В кармане сухой нашли чек из магазина рядом с клиникой Шевцова. В мокрой, судя по первому кадру, карман был зашит.

— Основание для версии против Беляева подготовили в два слоя, — сказала Вера. — Если один заметят, второй останется.

В подвале увеличитель подключили к таймеру. Последняя настройка выдержки совпала с отпечатками из дома Антона. Но на ручках не было отпечатков Беляева-младшего — только следы перчаток и один частичный профиль, слишком малый для сравнения.

Настройку можно было выставить по фотографии шкалы. Сам таймер не работал: внутри отсутствовал предохранитель, контакт обгорел несколько лет назад. С такой выдержкой здесь ничего не печатали. Число оставили как надпись на декорации.

Сифон сняли целиком. В отложениях не было ни серебра, ни красителя свежей фотобумаги. Зато нашли древесную пыль от нового штифта, которым увеличитель прикрутили к столу. Штифт вошёл в старое отверстие накануне или утром: края ещё не потемнели.

Под ножкой стола лежал чек хозяйственного магазина. Увеличитель купили три дня назад за наличные. Камера магазина сняла покупателя в маске. Он был ниже Николая и расплачивался левой рукой. Куртка не светлая, а тёмная, с эмблемой клиники на груди. Эмблему можно было снять с рабочей формы или купить вместе с ней.

Криминалист проверил паутину между потолком и кабелем. Одна нить проходила перед объективом скрытой камеры, установленной в вентиляции, и оставалась целой. Камеру поставили раньше, затем мастерскую собирали ниже, не касаясь верхнего угла. Устройство записало часть работы.

На карте памяти сохранились только семь минут: человек в бахилах развешивает фотографии, меняет мокрую куртку на сухую и кладёт коробки перчаток. Лицо закрыто капюшоном. Рост ближе к Шевцову, чем к Николаю, но перспектива сверху искажала пропорции.

В конце записи человек поднял голову прямо к объективу и выключил питание. Камеру он знал. Семь минут оставил намеренно, чтобы доказать подставу и одновременно направить к новой фигуре.

— Он не хочет, чтобы мы поверили этой комнате, — сказала Вера.

— Тогда зачем построил?

— Чтобы мы поверили, что Николай невиновен во всём, раз его подставили в части.

Мокрая куртка и кровь всё ещё связывали Николая с нападениями. Подложенные предметы не стирали настоящие. Они давали ему готовую защиту рядом с виной, которую ещё предстояло разделить.

Самая убедительная мастерская преступника выглядела так, будто её собрали перед приездом полиции.

Только самого Беляева-младшего нигде не было.

Вера вернулась в ателье. Мерц оставался в больнице, Ольга не отвечала на звонки. Красная лампа освещала пустой стол.

Она вошла официально: позвонила областному следователю, включила видеосвязь и оставила дверь незапертой до приезда свидетеля. После нападения ателье опечатали, но Ольга прислала фотографию подписанного разрешения на осмотр.

Пломба у задней двери казалась целой. При боковом свете стало видно: бумагу отпарили по одному краю и приклеили обратно. Запасной ключ под водостоком лежал на месте, хотя Марина уже успела им воспользоваться. Значит, она вскрыла пломбу, вернула ключ после входа и знала, что за ней могут прийти.

В лаборатории работала одна красная лампа от аккумулятора. Электричество отключили. Марина ждала в заранее подготовленном свете, словно сама ставила сцену для разговора.

Рядом лежал дневник Лиды. Тетрадь разбухла от сырости, страницы держались на нитках. Марина открыла запись за день до санатория.

Дневник начинался за два года до исчезновения. Почерк менялся постепенно, чернила выцветали равномерно. Запись о враче находилась на настоящей странице, но последние две строки написаны другой ручкой и после намокания: чернила не растеклись вместе с остальными.

— Ты дописала? — спросила Вера.

— Нет.

— Кто знал, где дневник?

— Я. Антон однажды просил показать. Мерц фотографировал страницы.

У нижнего края стоял отпечаток большого пальца без верхней фаланги. Старый или перенесённый, определить без анализа нельзя. Беляев мог читать тетрадь при жизни, а кто-то использовать его след сейчас.

Лида писала, что Светка обещала показать «врача, который топил лекарства». Ни имени, ни плана. Ниже другим нажимом: «Если не вернусь, Марина найдёт».

— Она дописала позже? — спросила Вера.

— Не знаю. Хочу верить, что до.

На следующей странице был набросок часов. Две средние цифры номера размыла вода.

— Она видела их раньше, — сказала Марина.

— Или срисовала с рекламы. Пока это рисунок.

— Ты отрезаешь всё, чего нельзя доказать.

— Иначе доказуемое утонет вместе с ним.

Марина передвинула дневник к Вере, но роликовый задник оставила на коленях.

— Дневник отдаю. Задник откроем вместе.

Она подписала добровольную выдачу дневника на обороте чистого листа. Вера заставила переписать на официальный бланк и указать время входа в ателье. Марина раздражалась, но отвечала.

Задник она забрала у Мерца, завернула в аптечный пакет и спрятала в холодильнике за стенкой морозильной камеры. В коллектор принесла его в нижнем отделении тубуса, а пустую металлическую рамку оставила у боковой трубы как приманку. Поток унёс рамку на глазах у группы. В фургоне Марина открыла только верхнее отделение с контактным отпечатком, а в больнице переложила настоящий задник в сумку под одеждой.

Каждый этап мог добавить влагу, волокна и чужие отпечатки. Цепочка была плохой, но хотя бы перестала быть тайной.

Вера попросила назвать всех, кто мог видеть задник. Марина перечислила Ольгу, медсестру в приёмном покое и соседку по палате, которая помогла переодеться. Потом замолчала.

— Ещё кто?

— Илья.

Отстранённый сотрудник приходил в больницу ночью. Марина показала ему пустой тубус и сказала, что оригинал у следователя. Илья поверил или сделал вид. О настоящем месте хранения не знал.

— Почему сейчас сказала, что он позвонил насчёт метки?

— Он позвонил утром. Сказал, что Николай не мог скопировать букву правильно. Я поняла, что вы идёте не туда.

— И всё равно ждала меня здесь, а не следователя.

— Следователь забрал бы задник и закрыл доступ до экспертизы. Я хотела увидеть край сама.

— Увидела?

— Нет. Не рискнула открыть.

На бархате не было свежих следов её инструмента. По крайней мере это совпадало. Марина остановилась перед последним действием, но все предыдущие уже стоили двум расследованиям времени и чистоты.

Она подписала дополнение о визите Ильи. Потом сняла с шеи ключ от морозильного отсека и отдала в отдельный пакет. На ключе могли остаться следы людей, которые входили в палату. Сама Марина носила его на коже, почти уничтожив всё чужое.

— Ты простишь отца? — спросила она, пока Вера заполняла опись.

— Это не действие, которое можно внести в протокол.

— Значит, нет.

— Значит, не знаю.

Марина кивнула. Такой ответ она принимала хуже обвинения, но впервые не потребовала другого.

— Как вошла?

— У Ольги запасной ключ под водостоком. Весь посёлок знает.

На коленях у неё лежал деревянный роликовый задник.

— Ты сказала, что отдала её полиции.

— Отдала пустую. Эту спрятала раньше.

— Из-за тебя погибли люди.

Марина подняла взгляд.

— Они погибли не из-за задника. Из-за того, что сделали тогда.

— Ты могла остановить убийцу.

— Полиция могла. Двадцать лет назад.

Вера вырвала задник из её рук.

— Хватит кормить прошлым всё, что происходит сейчас.

Марина не сопротивлялась.

— Внутри край негатива. Мерц отделил его от основной полосы. Антон не успел рассмотреть.

— Почему отдаёшь теперь?

— Беляев-младший не знает метку на камере. Ты права. Значит, его подставили.

— Откуда ты знаешь, что я сказала?

— Илья позвонил.

Он всё ещё пытался расследовать без удостоверения.

Вера положила задник на чистый лист, отступила к двери и вызвала Егора как свидетеля. После этого до его приезда предмет не трогали. Илья наблюдал по видеосвязи и называл порядок действий, чтобы его отстранение не испортило протокол.

При Егоре Марина подписала отдельную добровольную выдачу задника и перечислила все места, где тот хранился после ателье. Каждое перемещение вошло в приложение как возможный источник воды, волокон и чужих следов.

Областной следователь записывал трансляцию отдельно. Он поправил Илью дважды: отстранённый сотрудник не руководит осмотром, а только сообщает сведения. Вера повторяла каждое действие своими словами и ждала подтверждения следователя.

Егор привёз переносной рентгеновский сканер для проверки технических узлов, но Мерц предусмотрел и это. На боковой стенке задника фон был выше нормы. Свинец скрывал содержимое и защищал плёнку, не давая понять, как открывается ловушка.

Они решили не снимать заслонку обычным движением. Сначала разобрали деревянный корпус по одному винту, сохранив положение пружины.

Сняли размеры, повреждения дерева, положение заслонки. Задник весил на девять граммов больше пустой модели. Плёнка объясняла четыре. Внутри скрывалось что-то ещё.

Перед разборкой взяли второй задник Мерца той же модели и повторили обычное открытие под датчиком усилия. Заслонка сдвигалась после двухсот граммов давления. У задника Марины сопротивление возникало раньше и резко возрастало. Внутри работала дополнительная пружина.

На пустой модели отработали снятие винтов в обратном порядке. Один винт удерживал не корпус, а направляющую: если вынуть первым, задник перекосятся. Мерц оставлял на подобных винтах царапину у шлица. Здесь метка стояла на другом — подсказка или новая ловушка.

Вера попросила Ольгу по видеосвязи показать, как отец обычно разбирал задники. Та поставила пальцы на нижний винт, не на отмеченный. Мерц доверял привычке человека больше, чем надписи.

Первым сняли нижний. Пружина ослабла, не натянув проволоку. Только после этого деревянная планка отошла на несколько миллиметров. В щели блеснуло стекло.

Каждый следующий шаг сначала повторяли на пустой модели. Процедура заняла почти час. Спешить требовала вся история, но именно на спешку рассчитывал человек, спрятавший раствор рядом с плёнкой.

Задник вскрыли под видеозапись. В пазу под бархатом лежала узкая полоска плёнки, свёрнутая эмульсией наружу.

Под второй планкой нашли свинцовую пластину и микроампулу. Пластина защищала край от рентгена, ампула могла уничтожить эмульсию при грубом вскрытии.

Микроампула содержала концентрированный отбеливатель. Проволока от неё крепилась к заслонке: если вытянуть резко, стекло ломалось и раствор стекал на свёрнутый край. Мерц создал ловушку не против полиции, а против человека, который знал обычный способ открыть задник.

На свинцовой пластине царапиной стояло: «сначала винт». Это подсказка для Веры или Антона, знакомых с привычкой фотографа всё разбирать, а не ломать.

В деревянном пазу нашли засохшую кровь Мерца и ещё один мужской профиль. Возможно, тот, кто пытался открыть сейф до него.

Мерц или Антон превратил задник в сейф с ловушкой.

Она была продолжением старого кадра.

Вера совместила краевые метки и царапины. Полосы сошлись точно. На краю сохранилась правая рука мужчины в отражении стекла.

Часы занимали несколько миллиметров. Увеличитель вытянул циферблат, металлический браслет и нижнюю часть корпуса. На задней крышке отражались перевернутые цифры серийного номера.

Марина принесла каталог старых медицинских часов. Модель выпускалась ограниченной партией для сотрудников ведомственных санаториев.

Каталог сам по себе был копией из интернета. Для проверки запросили заводской архив и ремонтную мастерскую. В архиве сохранилась ведомость отправки двенадцати часов в Керн. У каждого корпуса имелась заводская метка возле ушка ремешка.

На отражении метка выглядела как тёмная точка. В карточке Шевцова мастер нарисовал её в том же месте и отметил царапину от падения. Две независимые особенности совпали. Ошибка прочтения цифр уже не разрушала идентификацию.

И всё же часы могли перейти к другому сотруднику без оформления. Требовалось доказать, кто носил их в тот день, а не кому выдали в 2003 году.

Номер принадлежал экземпляру, выданному Аркадию Шевцову в 2003 году.

В архивном акте напротив номера стояла его подпись. Ниже — отметка о списании часов после закрытия санатория. Основание: «утрачены при аварии». Документ заверил директор, а принял комиссию Беляев.

— Он знал про часы, — сказала Марина. — Мог шантажировать Шевцова.

— Или пытался зафиксировать имущество перед закрытием, — ответила Вера.

Егор снял цифровой микроснимок отражения. Серийный номер читался не полностью: две цифры и характерная царапина на крышке. В каталоге ремонтной мастерской нашлась карточка тех же часов с рисунком царапины. Шевцов сдавал их за месяц до исчезновения Лиды.

Даже если номер оспорят, индивидуальный дефект корпуса останется.

Вера сделала три независимые копии: исходный скан, обработку с повышенным контрастом и протокол действий, позволяющий повторить результат. Доказательство больше не зависело от её умения или добросовестности.

Исходный файл записали на два одноразовых носителя. Контрольные суммы продиктовали на видео и распечатали. Один носитель ушёл областному следователю, второй — эксперту во Владивосток. Обработку Веры сохранили отдельно, как демонстрационный материал, не оригинал.

Она намеренно повторила усиление контраста на другом компьютере. Цифры и царапина появились снова. Никакой скрытой кисти, дорисовки или автоматического «улучшения лица» не использовали.

После всех процедур несколько миллиметров плёнки впервые стали доказательством, которое можно проверить без веры в фотографа.

— Этого достаточно? — спросила Марина.

— Достаточно доказать, что он был у стекла, — сказала Вера. — Не что убил Павла и Светлану.

— Он видел Лиду.

— Да.

На краю негатива обнаружилась ещё одна деталь. За рукой Шевцова тянулся ремень от камеры. На пряжке — волос и кусок красной нити.

Лида была рядом с камерой, когда произошла двойная экспозиция.

Егор посмотрел на часы.

— Надо передать всё официально.

— Кому? — спросила Марина. — Тем, кто отстранил Илью?

— Областному следователю. С копиями и протоколом передачи.

Вера сделала цифровые дубликаты в нескольких форматах и отправила зашифрованный архив себе, Егору и адвокату из Владивостока. Оригинал упаковали.

Когда она подняла задник, из-под бархата выпал сложенный клочок бумаги.

Почерк Антона:

«Если край подтвердит часы — искать Лиду в резервуаре. Вход через дом. Запах выдаст».

— Через какой дом? — спросил Егор.

Вера уже знала.

Через дом отца.

Глава 23. Запах гвоздики

В отцовском доме сняли пол в лаборатории.

Работу начали после того, как областной следователь принял оригинал задника. Дом снова опечатали, участников пересчитали, каждую доску подняли отдельным инструментом. Вера не касалась пола. Она стояла у двери и называла номера кадров.

Под первым рядом лежал обычный строительный мусор: стружка, гвозди, газета 1998 года. Под вторым — слой пыли с двумя следами коленей. Один широкий и старый, второй узкий, поверх него. Антон открывал канал не один или другой человек повторял его путь.

У третьей доски сохранился клочок шерсти от милицмейской шинели. Такой же материал нашли на ремне Беляева. Отец мог переносить одежду через дом после 2006 года, но совпадение требовало лаборатории.

Перед работой Вера сфотографировала каждую доску и отметила номера мелом. Под одной сохранилась дуга от колена Антона и царапины инструмента. Он открывал канал неоднократно, но скрывал доступ даже от неё.

Соседка через дорогу вспомнила, что по ночам в доме горел красный свет, а утром Антон выносил мокрую одежду. Последний раз — за три дня до смерти. Он хромал и держался за грудь.

— Почему не вызвали врача? — спросил Илья.

— Он сказал, поскользнулся в овраге. Антону попробуй возрази.

На верёвке сушилась куртка. В кармане нашли ржавый болт от решётки санатория и полоску индикаторной бумаги. Она показывала следы мидазолама.

Индикатор реагировал и на некоторые средства от давления, которые принимал Антон. Егор сделал контроль с его таблетками: цвет отличался, но на старой полоске оттенок уже выцвел.

Болт подходил по диаметру к резервуару, однако резьба была сорвана свежим инструментом. На гранях осталась синяя краска с ключа Беляева. Антон мог снять его при последнем спуске, пытаясь открыть крышку.

На подкладке куртки нашли записанное ручкой время: 03:58. Рядом — пульс 112. Отец отмечал состояние сердца во время выхода и всё равно пошёл дальше.

Антон мог взять пробу из тоннеля. Мог носить препарат сам. Вещь подтверждала его расследование, но одновременно делала подозреваемым.

— Он построил тайный вход и никому не сообщил, — сказал Илья. — Если бы умер не от сердца, мы бы смотрели на него первым.

— Поэтому настоящий убийца оставил всё на месте.

Егор осмотрел внутреннюю сторону ворота. След от пальцев был слишком узким для Антона. Кто-то тянул его за куртку или помогал выбраться.

Под досками шли старые водопроводные трубы и узкий кирпичный канал. Он соединялся с ливневой системой, затем с тоннелями санатория. Человек не прошёл бы в нём во весь рост, но мог ползти.

Канал построили позже дома. В кладке сохранились нацарапанные даты. Первая — сентябрь две тысячи шестого, последняя — за четыре дня до смерти Антона.

Между датами были длинные перерывы, затем серии по несколько ночей. Антон возвращался в 2007-м, 2014-м, после смерти Корсакова-старшего и в нынешнем июле. Каждый раз что-то заставляло его снова искать.

На кирпичах рядом с датами стояли буквы: «М», «К», «Б». Имена, направления или состояние клапана. Последняя запись содержала: «Б открыт». Если речь о боковом ходе, убийца получил прямой путь в дом за четыре дня до смерти Антона.

В пыли сохранились следы тележки шириной с медицинскую каталку. Через канал могли протащить оборудование и камеры, но тело взрослого человека не прошло бы без следов на стенах.

Он ходил под землёй все двадцать лет.

В нише лежали батареи, свечи, сухая одежда и таблетки от сердца. Каждая упаковка подписана временем отлива. Антон готовился к приступу, но продолжал спускаться один.

Там же лежал переносной диктофон без карты памяти и кислородный баллон с открытым вентилем. Баллон использовали недавно: манометр показывал почти пусто, на маске оставалась слюна Антона.

В блокноте он отмечал не только отливы. Записывал, сколько метров прошёл, когда началась боль, на каком участке пропадала связь. Последний маршрут обрывался возле семнадцатого узла словами: «слышал ребёнка».

Вера не стала превращать фразу в призрак. Там мог работать динамик, как за четвёртой дверью, или отец слышал воду в трубе. Важнее было другое: кто-то уже использовал звук против него.

На стене фотография Лиды была приклеена эмульсией к кирпичу. Под ней обнаружилась схема вентиляции клиники. Красным отмечены кабинет Шевцова и канал к подвалу аптеки.

Теперь становилось понятно, как подделали внутренний звонок и проникали в лабораторию.

Вход находился под ванной. Чугунную чашу поставили на направляющие: если снять две гайки, она сдвигалась к стене. Механизм смазали недавно.

На гайках обнаружили два набора царапин. Старые — от разводного ключа Антона, новые — от узкого инструмента с зубцами Николая. Внутри направляющей лежал кусок его рабочей карточки, отколотый при проходе.

Под ванной человек мог ждать, пока дом опустеет, и выйти без открытия двери. Вода из крана заглушала движение чугуна. Соседка вспоминала, что после смерти Антона ночью дважды слышала ванну, хотя дом стоял пустой.

Тот же путь позволял подложить фотографию, натянуть леску к чердачной камере и вернуться в канал до прихода Ильи.

— Поэтому замки и окна оставались целыми, — сказала Вера. — Он входил снизу.

Илья лежал на полу с фонарём.

— Канал выходит в овраг. Дальше труба под дорогой, санаторий, коллектор.

— Отец нашёл его.

— И сделал доступ из собственного дома.

— Чтобы ходить незаметно.

— Или чтобы ждать того, кто ходит.

На кирпиче остались следы белой изоляции и синего полимера. В щели застрял фрагмент медицинского халата.

Вера почувствовала запах раньше остальных. Слабый, сладковатый, знакомый по верёвке Павла, каске в санатории и мокрым волосам после нападения.

Гвоздика.

В канале лежал комок временного стоматологического цемента. На поверхности сохранился отпечаток зуба.

Комок застрял в трещине на высоте плеча ползущего человека. Его не занесло водой. На мягкой стороне отпечаталась жевательная поверхность нижнего моляра и тонкая линия от старой пломбы рядом.

Егор снял трёхмерный слепок. Сравнить можно было с рентгеном, если карта Шевцова найдётся, или с его зубами по постановлению. Сам цемент содержал бариевое стекло той же смеси, что крупинка под ногтем Павла.

Карту унесли, но снимок зуба остался в памяти рентгеновского аппарата. Система сохраняла последние сто исследований во временной папке, о которой администратор клиники не знал. Фамилии там не было, только дата, номер кабинета и технический код. Девятнадцатого июля снимали одного пациента — по журналу оплаты Шевцова.

Изображение передали стоматологу-эксперту без фамилии и фотографии слепка целиком. Ему дали пять рентгенов и пять трёхмерных отпечатков, среди которых были контрольные. Он сопоставил след из канала с нижним шестым зубом на нужном снимке по трём признакам: скол внутреннего бугра, узкая щель старой пломбы и разворот корня.

— Вероятность? — спросил Илья.

— Это не отпечаток пальца. Мягкий цемент искажён, часть поверхности смазана о кирпич. Но четыре другие модели исключаются. Эта совместима.

Эксперт не написал «принадлежит Шевцову». Написал: «могла быть сформирована указанным зубом». Вера оставила формулировку. Связка с датой лечения, составом цемента и записью отца делала вывод сильнее, чем одно уверенное слово.

В кэше аппарата нашёлся ещё один кадр, сделанный через неделю. На нём временной пломбы уже не было. Зуб подготовили под постоянную коронку. Пациент пришёл раньше назначенного срока после скола — того самого, о котором Дьяков позже рассказал следствию.

Связь теперь строилась из трёх мест: рот нападавшего в борьбе с Павлом, канал дома Антона, стоматологический кабинет. Всё ещё требовалось лицо с этим зубом.

— Павел вырвал убийце пломбу, — сказала Вера. — Материал остался под ногтями и на одежде. Потом часть упала здесь.

Егор осмотрел находку.

— Эвгенольный цемент. Тот же класс, что в образцах.

— У Шевцова лечили зуб девятнадцатого июля. Отец записал дату.

Илья поднялся.

— Запрашиваем карту.

— Уже поздно запрашивать. Он знает, что мы нашли номер часов.

Телефон Егора зазвонил. Клиника сообщила, что карта Шевцова исчезла. Стоматолог, ставивший пломбу, не вышел на работу.

Его нашли через час на даче. Живым, связанным в погребе. Он подтвердил: Шевцову ставили временную пломбу с эвгенолом на нижний коренной зуб. Через несколько дней тот пришёл без записи и попросил заменить её, потому что край скололся.

Дверь погреба была заперта цепью на новый навесной замок. Сосед услышал удары снизу, но решил, что Дьяков ремонтирует насос. Только когда в клинике подняли тревогу, участковый попросил проверить участок. Цепь перерезали под видеозапись, дверь подняли медленно: за ней могла стоять растяжка.

Дьяков лежал на нижней ступени, руки стянуты за спиной. Рядом стояли бутылка воды и пустая миска. Нападавший не оставлял его умирать быстро. Он рассчитывал на несколько дней тишины.

Перед первым вопросом врач потребовал осмотреть собственный рот. Во время борьбы он укусил человека за ладонь через перчатку. На десне остался кусок синего нитрила и кровь. Образец сняли до воды и еды. Профиль оказался смешанным; полный результат обещали позже.

— Повязка была справа? — спросил следователь.

— Да, но под ней рука двигалась нормально. Он держал меня этой рукой. Бинт был для вида.

Дьяков не видел глаз: очки нападавшего запотели, но за линзами стояла тёмная сетка. Голос шёл через пластиковую трубку, прижатую к маске. Один раз трубка выпала, когда они боролись. Настоящий голос был моложе, чем у Шевцова, и хриплый от напряжения.

— Узнали?

— Показалось, слышал на стройке. В клинику приходят десятки подрядчиков. Фамилию не назову.

На даче нашли следы двух машин. Одна принадлежала Дьякову. Вторая имела широкую колею фургона подрядчика, но протектор был стёрт. В сарае лежал обрывок белой изоляции современного состава — такой же, как у Николая дома, не старый материал санатория.

Нападавший оставил новую крошку там, где следствие ожидало старую. Различие опять мешало простой стрелке, но связывало похищение с техникой подрядчика.

Кровь с десны Дьякова дала тот же частичный профиль, что фрагмент перчатки и пояс Беляева. На этот раз цепочка была короткой: врач укусил нападавшего, фельдшер снял материал при вскрытии погребя, образец сразу уехал в область. Совпадение подтверждало участие Николая в похищении или его близкого родственника. Других близких мужчин в семье не нашли.

— Значит, стоматолога забрал он, — сказал Илья.

— Вероятность высокая, — ответил Егор. — Но ДНК не скажет, кто приказал и что он знал о дозе.

Дьяков услышал фамилию только после забора образца. Он не опознал Николая по фотографии: лицо в погребке закрывала маска. Зато узнал рабочую сумку, найденную в доме. На ремне был самодельный шов красной нитью. Такое можно подделать после его слов, но сумку изъяли раньше допроса.

Участие Николая становилось материальным. Его роль всё ещё требовала границ: проникновение, похищение, нападения — не автоматически убийства Павла и Светланы.

Стоматолога звали Роман Дьяков. Его заманили на дачу звонком от матери, номер которой подменили. В погребке держали с ночи, телефон и ключи забрали. На запястьях остались следы пластиковых стяжек, в крови — малая доза того же препарата клинической партии.

Дьяков видел нападавшего без очков всего секунду. Мужчина моложе Шевцова, в медицинской маске, с повязкой на правой руке. Голос сначала показался знакомым, но после допросов по телефону он боялся ошибиться.

Убийца убирал не врача, а медицинскую карту и возможность сравнить зуб. Оставил свидетеля живым, потому что смерть дала бы новый шум или потому что Николай действительно проводил границу «без крови».

Дата — утро после смерти Павла.

Областной следователь дал разрешение на задержание.

Шевцов исчез из клиники за полчаса до приезда группы.

В его кабинете нашли старую карту тоннелей, одежду со следами изоляции и упаковку фотобумаги. Но снимков Павла и Светланы не было. Не было оружия, шприцев и телефона Антона.

Карта лежала раскрытой на столе, одежда — поверх корзины, бумага — в незапертом ящике. Шевцов будто оставил набор того, что полиция уже умела распознавать. На карте отсутствовал резервуар, зато красным обвели дом Антона.

Компьютер очистили стандартной программой за двадцать минут до отъезда. В журнале сохранилось подключение внешнего диска и печать одного листа. Принтер выдал пустую страницу с вдавленным текстом: «бак, мостик, ручной сброс».

Он знал устройство резервуара лучше, чем показывала найденная карта.

— Он всё подготовил к обыску, — сказал Илья. — Оставил то, что и так уже известно.

— Чтобы мы смотрели сюда, пока он идёт в резервуар.

Вера разложила карту на столе. Боковой тоннель от дома вёл к четвёртой секции. Дальше линия раздваивалась: к коллектору и технической ёмкости под старой водолечебницей.

Марина ошиблась на одну стену.

Резервуар находился не за комнатой Светланы, а под ней.

До отлива оставалось два часа.

Областной следователь запретил вход до прибытия группы. Илья напомнил, что официально не командует. Вера спросила, готов ли следователь письменно принять риск уничтожения останков. Разговор записывался.

Через пять минут разрешили только разведку верхнего канала без вскрытия резервуара, с обязательным отходом при потере связи. Они оба понимали, что Шевцов не будет соблюдать границу постановления.

Спасатели выделили одну катушку проводной связи, датчик газа и две страховочные системы. Остальное оборудование находилось у размытого моста. Вход через дом становился не хорошим планом, а единственным достижимым.

Егор проверил всех. У Веры болели рёбра, у Ильи разошлись швы на ладони. Он перемотал руку и отказался оставаться.

Марина хотела идти четвёртой.

— Это моя сестра.

— Поэтому ты уже вошла без страховки и едва не осталась там, — ответила Вера.

Марина уступила не ей, а списку оборудования. Осталась у входа с рацией и обязанностью каждые пять минут подтверждать связь.

Перед спуском Вера разломала сигарету из выброшенной пачки. В фильтре ничего не было. Она всё равно оставила её наверху: табак в тоннеле мог смешаться с гвоздикой и увести наблюдение не туда.

Областная группа застряла у размытого моста. Вертолёт не мог подняться из-за тумана. Спасатели готовили вход со стороны санатория, но на обследование воздуха требовалось не меньше часа.

Вера начертила на карте два маршрута. Через главный коллектор — короче, но вода перекроет путь первой. Через дом — теснее, зато выше уровня прилива до семнадцатого узла.

— Если ждать, Шевцов получит двадцать минут один на один с резервуаром, — сказала она.

— Если войти сейчас, он получит нас, — ответил Егор.

Марина положила на стол часы Лиды, найденные среди вещей матери. Стрелки остановились в ночь исчезновения на четырёх семнадцати.

Егор открыл крышку. Механизм заржавел от воды, но внутри лежал сухой песок, не морской. Часы намокли в техническом помещении, потом высохли до того, как Антон передал их семье.

Под крышкой сохранилась граница коррозии. Вода доходила до оси, но не заполняла весь корпус. В море часы намокли бы полностью. На песчинках нашли железо, угольную пыль и остатки синей краски — тот же набор, что в старом резервуаре, а не на пляже.

Марина принесла фотографию дня, когда Антон вернул вещь. Часы лежали на кухонном столе рядом с газетой. Дата номера подтверждала неделю после исчезновения. Ремешок уже сняли, задняя крышка была открыта, а возле неё лежала отвёртка Антона.

— Он разбирал их при тебе? — спросила Вера.

— Принёс такими. Сказал, сушил механизм, чтобы остановка сохранилась.

На фотографии рядом с отвёрткой виднелся сложенный лист. Увеличение показало часть схемы с цифрой семнадцать. Антон знал значение номера уже тогда или только пытался разобраться. В официальной описи часов не было вовсе.

Мать Лиды позже отнесла их в ремонт. Мастер отказался: внутри находилась смесь песка и медицинского талька, механизм пришлось бы полностью промыть. Он записал это на квитанции, которую Марина сохранила. Независимый человек видел загрязнение до нынешнего расследования.

— Почему не показала раньше? — спросил Илья.

— Показывала твоему отцу. Он сказал, тальк от детских рук.

Ещё один взрослый получил маленькую неправильную деталь и положил её в удобное объяснение.

На задней крышке нацарапана цифра семнадцать детской рукой или острым камнем. Лида могла записать номер узла раньше, чем часы остановились от удара.

Царапину исследовали под увеличением. Она лежала под коррозией, значит, появилась до намокания или во время первых часов после него. Современная подделка потребовала бы снять слой ржавчины и оставить светлый металл. Этого не было.

Форма цифры совпадала с семёрками в дневнике Лиды: короткая верхняя черта и длинная ножка без перекладки. Сравнение почерка по одной цифре оставалось слабым, но возраст царапины был настоящим. Кто-то в ту ночь знал номер семнадцать и успел отметить его на вещице ребёнка.

Марина держала их двадцать лет и ни разу не открывала. Не потому, что не могла. Потому что Антон сказал: механизм сломается и последняя вещь сестры перестанет показывать время.

Он снова сохранил символ ценой информации.

— Антон вернул их через неделю. Сказал, нашли на пляже. Они были сухими.

Это означало, что часы извлекли из помещения, а не из моря. Ещё одна улика, которую Антон спрятал под видом утешения.

— Он уничтожит тело, — сказала Марина.

— Или ждёт нас там, — ответил Егор.

Илья не имел права руководить операцией. Областная группа была в сорока минутах. Спасатели требовали инженера и дыхательное оборудование.

Вера смотрела на канал под ванной.

— Через дом ближе.

— Нет, — сказал Илья.

— Ты больше не можешь мне запретить.

— Я никогда не мог. Только просил не умирать.

Она надела рабочий комбинезон, каску и страховочную систему. Егор проверил карабины. Марина дала второй ключ «П-4» — целый, без сломанного основания.

— Нашла у Лиды в дневнике, — сказала она. — Она сняла отпечаток с ключа Беляева и заказала копию. Хотела попасть внутрь без нас.

— Поэтому Шевцов её преследовал.

— Поэтому она оказалась там позже.

Илья взял фонарь.

— Я иду первым.

— Тебя отстранили.

— Поэтому терять нечего.

Они спустились под дом втроем: Илья, Вера и Егор. Марина осталась ждать областную группу и следить за временем.

Перед входом каждый назвал решение вслух. Илья шёл, потому что знал старые сигналы и путь. Егор — из-за возможного седативного и травм. Вера — чтобы фиксировать резервуар и не дать заднику снова стать частной тайной.

Марина получила право остановить их по проводу при любом изменении воды. Она проверила связь трижды и заставила повторить время возврата.

— Если опоздаете на минуту, вызываю людей в дом, — сказала она.

— Вызывай заранее, — ответила Вера.

Впервые Марина не спорила.

В канале было тесно. Кирпич тёр плечи. Через каждые десять метров Антон оставил царапину в форме буквы «Л» — настоящую, одним кривым движением.

Последняя метка стояла перед металлической дверью.

Под ней свежей кровью написано:

«Один».

Глава 24. Резервуар

Ключ «П-4» повернулся со второго раза.

Перед поворотом Илья снял замочную скважину макрообъективом Веры. На внутреннем крае виднелась свежая полоска меди: ключ уже использовали сегодня. Внизу лежала стружка от другого, сломанного ключа Марины.

Они привязали к головке тонкую леску и поворачивали с расстояния вытянутой руки. Но ложный механизм реагировал не на усилие, а на первый обычный угол. Игла всё равно сработала.

Удар в каску был слабым. Без защиты кончик вошёл бы на сантиметр. Егор снял каплю стерильным тампоном и запечатал иглу, не разбирая пружину.

Прозрачный состав пах мятой, как бутылка у Светланы. Убийца повторял не случайные предметы, а собственный способ доставки препарата.

Иглу приводила пружина старых часов. После срабатывания механизм втянул её обратно к косяку, чтобы следующий человек увидел только обычный замок. Без каски кончик попал бы Илье в висок.

Ключ требовалось повернуть назад, прижать и только потом открыть. Марина этого не знала. Человек в коллекторе мог заманить её к двери, рассчитывая на обычный поворот.

На металле остались свежая кровь и кусок бинта. Шевцов или Николай прошёл здесь раненым.

За дверью начиналась лестница. Вода стояла на нижних ступенях. Илья проверил воздух датчиком и спустился.

Под седьмой ступенью обнаружилась нажимная пластина, соединённая с сигналом в глупине. Они не стали обезвреживать, а перешагнули: пусть ожидающий не знает точного времени входа.

Пластину окружала пыль, но на ней не было следов. Николай, Шевцов или оба знали, куда не наступать. На стене на уровне колена Антон когда-то сделал маленькую кривую метку «Л», почти стёртую. Он тоже обходил сигнал.

Илья протянул над пластиной белую нить. Если кто-то пойдёт следом, она порвётся и оставит время на бумажной метке. Электронике они уже не доверяли.

На девятой ступени лежал окурочек без фильтра. Он был сухим, хотя стены мокрые. Его оставили сегодня, воспроизводя привычку Беляева, который двадцать лет не мог здесь курить.

Рация работала до двенадцатой ступени. Голос Марины оборвался. Вера отметила время и подключила проводную катушку связи. Кабель уходил вверх — единственная нить к поверхности.

Внизу тянулся детский босой след, минерализованный в старом налёте. Один. Дальше поверхность разрушила вода. Егор поставил рядом прозрачный защитный колпак, чтобы случайный шаг не задел край отпечатка.

Каждый метр давал предмет, который хотелось превратить в ответ. Их задача была пройти мимо желания и сохранить порядок.

На стенах шли номера узлов. Четвёртая секция. Семнадцатый узел. Цифры 4:17, которые все принимали за время, были адресом автоматического сброса.

На месте, где в 2006 году висели часы без ремешка, остался пустой крючок и прямоугольник чистой краски. На задней крышке часов с отцовского стола эксперты уже нашли такой же красный слой. Антон снял их отсюда и выставил стрелки как напоминание об адресе.

У семнадцатого узла сохранилась табличка с инструкцией. Ручной сброс запускался двумя рычагами в разных секциях, чтобы один человек не мог открыть поток случайно. Шевцов переделал систему: один рычаг соединялся с дистанционным приводом.

Антон обвёл на табличке аварийный клапан и написал: «заклинивает после половины». Это объясняло, почему он не открыл резервуар в одиночку. Ему требовался второй человек на мостике или доступ к пульта.

На рукояти клапана лежала свежая кровь. След ладони был полный, но смазанный. Его оставил человек без перчатки после пореза.

Резервуар находился за круглым люком. Замок сняли заранее. На металле осталась свежая кровь.

— Он ранен, — сказал Егор.

— Или снова оставил чужую.

Илья открыл люк.

Внутри было темно и тихо. Ёмкость оказалась огромной, разделённой перегородками. В центре стояла чёрная вода. По стене тянулся узкий мостик.

Луч не достигал противоположной стены. Потолок терялся над трубами, с которых падали редкие капли. Каждый звук возвращался с задержкой. Когда Егор закрыл люк от сквозняка, за ними будто прошёл ещё один человек.

Мостик состоял из решётчатых секций. Две заменили недавно, болты блестели. Под одной проходил кабель к камере, направленной на технический бак. Шевцов наблюдал за ним задолго до сегодняшнего входа.

Вера поставила у люка складной масштаб и сделала круговую панораму, пока все стояли на месте. Потом отметила первый чистый участок настила бумажным номером. Здесь нельзя было оградить каждую зону лентой: мостик был единственным путём. Они договорились ступать только по правому краю и возвращаться тем же следом.

Егор измерил температуру воды в трёх секциях. У входа она была холоднее, возле бака — на четыре градуса теплее. Верхний накопитель уже подавал небольшой поток до включения насоса или за стеной работал другой источник. В тёплой воде препарат и органические следы разрушались быстрее. Тот, кто обслуживал систему, мог промывать отдельную секцию, не запуская общий сброс.

На опоре камеры нашли календарь технических включений. Последние четыре отметки совпадали с ночами появления новых фотографий. Записи делали карандашом, но прижимные метки уходили на старые листы. Журнал вели здесь не только сейчас. Кто-то годами проверял бак, питание и обзор.

— Николай? — спросил Илья.

— Инженер мог обслуживать. Подписи нет.

Кабель камеры разветвлялся. Один конец шёл к нише управления, второй — вверх, в кабинет Шевцова бывшей водолечебницы. После закрытия санатория кабинет перестроили, но отверстие в перекрытии сохранили за шкафом. Врач мог видеть бак со своего рабочего места ещё в 2006 году.

На ограждении мостика лежал слой старой ржавчины. Два участка протёрли ладонями недавно. Первый — широкий, с белой крошкой рабочей перчатки. Второй пах спиртом и содержал нитрил. Один человек придерживался при переносе инструмента, другой работал в медицинских перчатках.

Вера сняла высоту обоих следов. Рабочий держался ниже, будто шёл согнувшись под грузом. Медицинский — выше и только правой рукой. Их маршруты совпадали до бака, затем расходились: рабочий возвращался к короткому выходу, второй — к нише управления.

— Значит, Николай привёл его и ушёл? — спросил Егор.

— Значит, здесь были две пары рук. Имена позже.

Под камерой висел микрофон. Он передавал звук резервуара и разговоры вошедших. Вера закрыла его пакетиком, не отсоединяя. Если Шевцов слушал, теперь услышал шорох и тишину. Возможно, именно поэтому не вышел сразу.

Проводная связь шумела, но голос Марины ещё проходил. Вера назвала положение и время. Марина ответила, что областная группа вошла в дом. На поверхности у них оставалось меньше преимуществ, чем рассчитывал ожидающий.

До отлива оставалось сорок минут.

Они двигались по одному. Вера снимала метки, следы обуви и обрывки ткани. Настил прогибался под каждым шагом. Внизу, под чёрной водой, проступали трубы и круглые крышки фильтров.

На первой перегородке лежала новая батарейка от слухового аппарата. На второй — пластиковый колпачок иглы. Оба предмета были сухими: их оставили после последнего подъёма воды.

— Он прошёл недавно, — сказал Егор.

Илья указал на след обуви. Подошва имела срезанный угол, как у фигуры в овраге. Рядом шёл второй след, более широкий, с глубоким отпечатком правой пятки.

— Их двое.

— Или один носил сменную обувь, — ответила Вера.

На третьей перегородке лежал телефон Антона. Экран был разбит, но диктофон работал.

Телефон подключили к внешней батарее и оставили экраном вверх. Он не мог работать после смерти Антона без подзарядки. Кто-то принёс аппарат сюда и включил запись как приманку.

Вера не взяла его сразу. Сняла кабель, батарею и положение. Илья отключил питание через ткань, затем поместил устройство в экранирующий пакет, чтобы удалённая команда не стёрла память. Пакет он передал Вере под запись: обе руки ему понадобились для лома и страховки.

Диктофон продолжал воспроизводить запись через динамик. Оригинальный файл мог быть внутри или запись могли загрузить позже. Голоса требовали технической проверки, прежде чем стать разговором Антона и Шевцова.

Последняя запись сделана перед его смертью. Антон, похоже, включил диктофон в кармане во время разговора. Слова заглушали шаги и трение ткани.

«...Беляев пришёл ко мне сам», — говорил Шевцов.

Голос Антона ответил:

«Он хотел показать резервуар».

«Он хотел денег».

«На решётке была кровь. Девочка оставалась жива».

После длинной паузы Шевцов произнёс:

«Ты уже выбрал Веру один раз. Не притворяйся, что теперь выбираешь иначе».

На фоне щёлкнули часы и прошёл поезд. Железная дорога находилась далеко от дома Антона и санатория, но рядом с ателье Мерца. Запись могли сделать там или включить радио со звуком поезда.

Перед словом «Вера» слышался монтажный стык — короткая потеря фонового шума. Фразу могли собрать из нескольких разговоров. Вера не позволила себе принять угрозу за целое признание.

— Голос похож, — сказал Илья.

— Похож. Пока только это.

Даже в резервуаре, рядом с целью убийцы, поддельный звук оставался поддельным звуком.

Запись обрывалась кашлем. Она подтверждала встречу и угрозу, но не объясняла, кто ударил Беляева и кто спрятал тело.

— Он собирал доказательство, — сказал Илья.

— Слишком поздно.

На следующем участке мостик был залит водой. Егор закрепил верёвку. Они перешли, держась за трос.

За перегородкой обнаружилась сухая камера. На полу лежали детские сандалии, зелёная футболка и красная нить.

Сандалии были разного размера. Левая принадлежала паре, найденной в 2006 году у пляжа, правая — новая, из коридора санатория. Их поставили рядом, чтобы взгляд соединил. Вера сняла подошвы и не позволила Марине услышать по связи слово «нашли».

Футболка выглядела старой, но шов на вороте был машинным современным. На ткани отсутствовали пятна минералов. Это реквизит, не одежда Лиды.

Красная нить лежала поверх пыли. Под ней сохранилась чистая линия. Её положили недавно, возможно Шевцов, возможно Николай. Настоящее тело ещё не показывало себя такими аккуратными предметами.

В дальнем углу стоял технический бак.

Крышка была приварена после 2006 года. Один шов недавно срезали.

На старом металле стояло клеймо ремонтной бригады и дата: октябрь 2006-го. Резервуар закрыли через два месяца после исчезновения. В акте ремонта, найденном раньше, бак не упоминался.

Свежий пропил шёл не до конца. Человек проверил содержимое и оставил крышку держаться на одном участке. Рядом лежал диск от резака с белой изоляцией и каплей крови.

Илья закрепил крышку страховочной верёвкой, чтобы она не упала внутрь и не повредила останки. Егор проверил воздух над щелью. Опасного газа не было, кислорода мало.

Илья вставил лом. Металл отогнулся.

Запах пришёл не сразу. Сначала холод, потом тина и старая органика.

Внутри находились останки ребёнка в светлом налёте минеральных солей. Колени прижаты к груди. На запястье сохранился кусок красной нити.

Вера не приближала объектив сразу. Сначала сняла внешнюю сторону крышки, линии свежего пропила и каждую точку страховочной верёвки. Потом попросила Илью осветить бак сверху, не направляя фонарь внутрь. Резкий нагрев мог осыпать хрупкий минеральный слой вместе с волосами и тканью.

На дне лежала тонкая металлическая сетка. Кости находились поверх, а часть одежды прошла сквозь ячейки. Тело опустили до того, как на стенах сформировался нижний налёт. Позже бак заполнялся и осушался много раз, но крышку не открывали полностью: на сварном шве не было следов повторной резки до нынешнего пропила.

У левой ступни сохранился клочок газеты. Дата — октябрь 2006 года, день ремонта. Бумагу использовали как прокладку при сварке. На полях карандашом записали давление и фамилию бригадира. Это связывало запечатывание с конкретной сменой, а не с безымянными рабочими.

В акте бригадир утверждал, что бак был пуст и очищен до ремонта. Если подпись настоящая, он солгал или крышку сваривали без осмотра содержимого. Его нужно было найти до того, как имя появится в новостях.

Егор посветил на ткань зелёной футболки, почти утратившую цвет. Под современным реквизитом в сухой комнате лежала подлинная одежда: ручной шов у плеча, заплатка изнутри, выцветший след фабричной картинки. Марина могла узнать её, но сейчас узнавание родственницы не заменяло анализ.

Они взяли только пробу воздуха над баком и воду у нижней кромки. Останки не трогали. Любое движение без полной группы могло разрушить порядок костей и ответ на вопрос, когда Лиду перенесли.

Вода когда-то доходила до середины бака. Верхние кости покрывал другой налёт, чем нижние. Тело перенесли сюда после нахождения в проточной воде: в волосах и ткани застряли мелкие водоросли из коллектора, а под ними лежал слой ржавчины от решётки.

На одной сандалиии сохранилась застёжка, вторая ступня была босой. Пряжка совпадала с той, что Марина хранила по фотографии, но идентификацию должны были дать ДНК и стоматология.

Вера сказала по связи только: «Обнаружены останки несовершеннолетнего. Не извлекаем». После паузы Марина ответила: «Приняла». Голос не изменился. Потом линия затихла, и в проводе слышалось её дыхание.

Рядом лежала маленькая металлическая пряжка от сумки. На ней ещё держался обрывок ремня камеры. Лида успела схватиться за него или несла задник, когда упала.

Вера снимала медленно. Общий вид. Положение бака. Шов. Одежда. Нить. Каждый кадр требовал назвать предмет без имени. Не Лида — останки. Не её рука — кости запястья. Так работала профессия, защищая человека за объективом и отнимая у тела последнее знакомое.

Егор заметил на внутренней стенке бака две полосы царапин.

Царапины располагались выше уровня, на котором лежали руки сейчас. Их могла оставить пряжка ремня при переносе или пальцы до того, как тело осело. На металле сохранился крошечный фрагмент ногтя.

Егор не назвал их прижизненными без микроскопии. Вера ощутила благодарность и ненависть к этой осторожности одновременно. Если Лида жила в баке, каждая секунда взрослых становилась тяжелее. Если следы появились при переносе, не имели права добавлять ей ещё одну мучительную смерть.

— Если это следы пальцев, она двигалась после того, как оказалась внутри.

Илья отвернулся. Вера продолжила снимать.

На левой голени виднелась линия, похожая на перелом. Её мог создавать минеральный слой. Даже если кость была повреждена, без извлечения нельзя определить, случилось это при падении или при переносе тела.

Егор приблизил фонарь, не касаясь.

— Вижу повреждение. Возраст не называю.

Вера повторила его слова на запись. Она уже чувствовала, как Марина услышит ответ там, где пока было только изображение под налётом.

У таза лежал кусок ржавой решётки. Его излом совпадал по толщине с секцией коллектора, где в старом протоколе нашли кровь. На металле сохранились светлые волокна шорт. Лида сначала оказалась у повреждённой решётки, затем вместе с её фрагментом была перенесена в бак или поток сам занёс обломок.

В нижнем осадке находились две пуговицы от детской одежды и металлическая скоба медицинской тележки. Скоба была покрыта тем же налётом, что дно, и попала сюда до сварки. Тележкой могли доставить тело по мосту. Та же сетчатая модель оставила следы на Павле двадцать лет спустя.

— Он повторил старый путь, — сказала Вера.

— Или использовал оборудование, которое осталось здесь, — ответил Егор.

Повторение могло быть ритуалом Шевцова, технической привычкой Николая или случайным следствием единственной доступной тележки. Но теперь новые убийства соединялись со старым сокрытием не только фотографиями.

Илья взял воду у поверхности и у дна через длинные стерильные трубки. В верхней пробе был свежий дождевой поток, в нижней — остатки старого консерванта и эвгенола. Гвоздичный запах годами мог идти не от человека, а из самого бака, где медицинские материалы разлагались вместе с водой. Убийца пользовался этим запахом потому, что знал источник.

Три пробирки опечатали сразу. Когда насос включится, слои смешаются, и восстановить прежнюю среду уже не получится.

На крышке сохранились волокна белого халата и бурый отпечаток ладони с полным большим пальцем. Не Беляев. Кто-то закрывал бак после него.

Отпечаток лежал под сварным швом. Значит, появился до октября 2006-го, а не во время свежего пропила. Папиллярные линии сохранились в ржавчине частично; их можно было сравнить, но не считать полным следом.

В волокнах халата нашли синюю нить от эмблемы ведомственного санатория. Форма врача, не рабочего. Директор, Шевцов и другие медики носили такие халаты. Но Беляев — нет.

На внутренней стороне крышки виднелся след часов: прямоугольный корпус ударился о краску, когда человек опускал металл. Размер совпадал с моделью Шевцова.

Вера подняла камеру, но руки задрожали.

— Я сниму, — сказал Илья.

— Нет.

Она сделала общий кадр. Потом ещё один. Свет фонаря лёг на маленький череп, на ткань шорт, на пряжку сандалии.

Марина ждала этого двадцать лет.

Егор не касался останков.

— Нужна группа. Мы ничего не извлекаем.

За люком щёлкнул металл.

Илья развернулся.

Дверь сухой камеры закрылась. В круглое окно смотрело лицо Шевцова.

Он появился не со стороны лестницы. Вышел из узкой технической ниши между перегородками, которой не было на карте Антона. Проводная связь сразу захрипела: Шевцов перерезал основной кабель, но резервная жила продолжала передавать шум.

Вера нажала на кнопку аварийной записи камеры, прежде чем передать её Илье. Маленький индикатор погас — режим без света. Шевцов не должен был знать, что каждое слово всё ещё сохраняется.

На его одежде не было белого халата или светлой куртки. Тёмный рабочий комбинезон, резиновые сапоги, медицинская сумка на ремне. Человек из отражения состарился, но не пытался быть похожим на собственную постановочную фигуру.

Он был без очков. На правой щеке — порез, нижняя губа распухла. В руке держал пульт управления.

— Отойдите от бака, — сказал он через переговорную трубу.

Илья ударил в дверь ломом. Сталь не поддавалась.

— Областная группа уже здесь, — сказал Егор.

— Нет. Марина отправила их к главному входу. Оттуда до вас двадцать минут, если найдут спуск.

— Что вы хотите?

Шевцов посмотрел на Веру.

— Задник.

— Оригинал уже у следователя, — сказала Вера.

— У следователя рамка. Ты вынула край раньше.

Он не мог знать порядок вскрытия, если не смотрел трансляцию или не получал сообщение от присутствующего. Областной следователь, Егор, Марина, Илья, два свидетеля. Утечка оставалась рядом даже сейчас.

— Кто вам сказал?

— Антон всегда делил улику. Ты делаешь так же.

Шевцов ответил не на вопрос. Вера запомнила.

— Она не у меня.

— Копии.

— Уже отправлены.

— Тогда пароли.

Вера подняла экранирующий пакет с телефоном Антона.

— Сначала откройте дверь.

— Сначала ты выйдешь одна.

На пульте загорелась зелёная лампа. В резервуаре заработал насос.

Вода пошла не из моря. Её подавал верхний накопитель, заполненный дождём. Поэтому приливное окно не защищало их. На стене шкала поднималась по одному делению каждые двадцать секунд.

Егор проверил решётку в полу. Поток сначала затопит мостик, затем сухую камеру, а бак с останками останется ниже и может быть смыт при обратном сбросе.

Илья ударил ломом по петле ровно два раза и остановился. Шум мешал слышать Шевцова и мог повредить стекло, за которым стояла Вера.

Вода начала подниматься.

— До отлива ещё полчаса, — сказал Илья.

— Система ручная, — ответил Шевцов. — Таблицы больше ничего не значат.

Он открыл узкую створку сбоку, достаточную для одного человека.

— Вера.

Илья схватил её за руку.

— Не ходи.

Вода дошла до порога сухой камеры.

Егор проверил стену и покачал головой. Другого выхода не было.

Вера передала Илье камеру.

— На карте есть аварийный клапан. Семнадцатый узел за третьей перегородкой.

— Я тебя не отпущу.

— Тогда утонем втроём рядом с ней.

Она освободила руку и шагнула в створку.

Шевцов закрыл дверь за её спиной.

— Телефон, — сказал он.

Вера протянула пакет с аппаратом Антона.

Шевцов взял пакет левой рукой. Правая оставалась в кармане. Он сорвал пломбу, вытащил аппарат. Экран не принял его палец, и он бросил телефон Вере под ноги.

— Покажите, — сказала Вера.

— Что?

— Руку. Ту, что была на стекле.

Он вынул правую руку.

На запястье были старые часы, повернутые циферблатом внутрь.

Корпус имел ту же царапину возле ушка. Это были часы с негатива или предмет, восстановленный по их виду. Серийный номер Вера не могла прочесть через грязное стекло.

Шевцов заметил, куда она смотрит, и повернул руку так, чтобы номер скрыл ремень.

— Номер всё равно у нас, — сказала Вера.

— У вас отражение двух цифр и вера Марины.

Он знал слабое место доказательства. Значит, видел копию или обсуждал её с тем, кто присутствовал при вскрытии.

— Теперь веришь снимку? — спросил Шевцов.

За стеклом вода поднялась Илье до пояса.

Глава 25. Четыре минуты воды

Шевцов снял часы и положил в нагрудный карман.

— Пароли, — повторил он.

— Телефон заблокирован. Отпечаток отца вам не поможет.

— Архив отправила ты.

— Адвокату. Он откроет его, если я не позвоню через час.

Шевцов нажал кнопку на пульте. За стеклом вспыхнула вторая лампа. Вода поднялась Илье до груди. Егор держался за перегородку и пытался дотянуться до трубы под потолком.

На стекле дрожал их отражённый свет. Илья что-то показал Вере двумя пальцами, потом ткнул вниз. Она не сразу поняла: под водой проходила тяга аварийной задвижки. Ручное колесо находилось в их секции, а привод — здесь, под настилом. Пока насос работал, открыть оба можно было только одновременно.

Шевцов встал так, чтобы закрыть от неё пульт. Он заранее выбрал место. Видел стекло, дверь, воду и обоих мужчин. Вера видела только его спину и красную полосу индикатора, убывавшую по делениям.

Она подняла телефон Антона. Экран не принимал мокрый палец. До условного звонка адвокату оставалось сорок две минуты, и Шевцов знал, что это блеф. Настоящая страховка была у Ильи: камера, запись и контрольная группа у верхнего входа. Но вода могла закончить всё раньше, чем группа пробьёт заклинившую дверь.

Под потолком мигнул зелёный глазок камеры Ильи. Связь держалась, но изображение уходило вверх через старый кабель санатория. Если Шевцов перережет питание, на сервере останется лишь то, что уже успело передаться. Вера не знала, дошёл ли разговор о резервуаре. Не знала даже, слышит ли группа их сейчас или смотрит на неподвижный кадр пустого коридора.

Вода за стеклом поднималась ровно. Не плескалась, не бурлила. Закрытая секция наполнялась снизу, и от этой аккуратности становилось хуже. Егор снял куртку и обмотал ею ладонь, чтобы удержаться за скользкую трубу. Илья попробовал подсадить его к потолочному люку. До крышки не хватило полуметра.

Шевцов наблюдал за ними без торопливости. Он рассчитал объём секции заранее. Знал, сколько времени займут попытки, и потому позволял им двигаться.

— У тебя нет часа.

— У вас тоже.

Вера посмотрела на его правую руку. На бинте у основания большого пальца проступила кровь. Порез был глубоким — тот, который она нанесла в сушильне или тоннеле. ДНК с перчатки принадлежала Беляеву-младшему, но нападавших было двое.

— Где Николай? — спросила она.

Шевцов чуть повернул голову.

— Какой Николай?

— Сын Беляева. Вы использовали его. Рассказали, что Антон Ланской убил Беляева, дали тоннели и фотографии. Он устраивал сцены, а вы выбирали жертв.

— Ты всегда видишь лишнего на краю.

— Его кровь на поясе отца. Ему было двадцать три. В заявлении он солгал, что приехал через три дня. Он пришёл сюда с отцом в ту ночь. Видел вас.

Шевцов не ответил. Но большой палец на пульте сдвинулся.

— Он пришёл с отцом, — продолжила Вера. — Беляев спрятал сына в тоннеле перед встречей с Антоном. После удара Николай пытался помочь, испачкался кровью. Вы нашли его и убедили, что ударил Антон.

Она не знала, прятал ли его Беляев. Знала только возраст, кровь и ложную дату в заявлении. Остальное собрала из паузы Шевцова и того, как он перестал смотреть на воду.

— Вы оставили ему версию, в которой он опоздал на несколько минут, — продолжила Вера. — Достаточно виноват, чтобы молчать. Достаточно зол, чтобы однажды согласиться вам помочь.

— У тебя фотографическая болезнь, — сказал Шевцов. — Пустоты кажутся изображением.

— Поэтому вы заполняете их раньше других.

— Пароль.

— Потом Николай увидел настоящий край негатива и понял, что вы были у стекла. Поэтому напал на Мерца сам. Искал плёнку раньше вас.

Шевцов ударил её тыльной стороной ладони.

Вера упала на колено. Телефон Антона скользнул по настилу и остановился у края воды. За стеклом Илья бил ломом по задвижке. Металл начал гнуться.

Шевцов схватил Веру за волосы.

— Ты позвонишь адвокату.

— Он спросит кодовую фразу.

— Скажешь.

— Я её не знаю.

Он потянул сильнее. Вера прижала ладонь к настилу и нащупала металлическую скобу.

— Тогда первым утонет Корсаков.

— Павел тоже был первым?

Рука в её волосах ослабла на миг.

— Вы не собирались убивать Светлану, пока она не увидела вас у Павла. Поэтому в её машине оказалась его кровь.

— Светлана двадцать лет носила кровь на руках.

— А вы решили, что имеете право её смыть?

За перегородкой Илья перестал бить по металлу. Он смотрел на Веру, ожидая следующей реплики. Ей нужно было удерживать Шевцова лицом к себе, пока Егор снова нырял к тяге. Каждый вопрос покупал несколько секунд. Каждый мог стать последним.

— Вы приезжали к ним по одному, — сказала она. — Павлу показали снимок, Светлане пообещали вернуть заколку. Никому не пришлось ломать дверь. Вы всегда сначала просили помочь.

— Люди открывают тому, кого знают.

— И доверяют врачу, когда он говорит, что укол безопасен.

Шевцов посмотрел на шприц, выступавший из бокового кармана её фотосумки. Тот самый, который они нашли у клапана. Вера нарочно оставила сумку расстёгнутой. Пусть думает, что она собирается достать улику. Его взгляд сдвинулся ещё на несколько сантиметров от пульта.

— Я никому ничего не должен объяснять.

Это было ближе всего к признанию, которое он собирался дать.

Вера дёрнула скобу. Под настилом открылся технический люк. Пар ударил Шевцову в лицо. Он отшатнулся. Вера вырвалась и схватила пульт.

Они упали вместе.

Шевцов прижал её запястье коленом. Пульт выскользнул и ударился о решётку. Зелёная лампа погасла, но насос продолжал работать.

Корпус пульта раскрылся. Под крышкой мигали две жёлтые лампы, а между ними торчала красная перемычка. Вера потянулась к ней. Шевцов заметил движение и наступил на корпус. Пластик хрустнул, перемычка ушла внутрь.

— Остановить можно только на щите, — сказал он.

Щит находился за его спиной, в узком шкафу с проржавевшей дверцей. До него было два шага. Вера согнула ногу и ударила пяткой по дверце. Та распахнулась, обнажив ряд старых автоматов. Над каждым сохранилась выцветшая бумажная полоска. Номера шли не по порядку: пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, снова шестнадцать. После ремонтов провода меняли, подписи оставляли прежними.

Егор за стеклом показал четыре пальца, затем один. Секция четыре, узел семнадцать. Светлана записала схему, но выбрать нужный автомат по этой схеме было нельзя. Шевцов использовал старую нумерацию именно потому, что она вела к нескольким одинаковым меткам.

Вера ударила по нижнему ряду ладонью. Погас свет. Насос не остановился.

— Не тот, — сказал Шевцов.

В темноте он улыбнулся. Вера слышала это по голосу.

Вера рванула руку. Кожа на запястье сдвинулась под его коленом, будто перчатка. Боль пришла позже. Она ударила свободной ладонью по мокрому металлу, пытаясь нащупать пульт, но пальцы встретили только решётку и холодную воду.

За стеклом Егор нырнул. Его спина исчезла, затем показалась у нижней тяги. Илья держал его за ремень одной рукой, второй бил ломом по корпусу клапана. Каждый удар отдавался в настиле.

— Механика, — сказал Шевцов, тяжело дыша. — Даже мёртвая система доводит цикл до конца.

Вода просачивалась через круглое окно тонкой струёй. Трещина расходилась по стеклу от края к краю. Илья бил уже не по задвижке, а по креплению рамы. Если выбить окно слишком рано, перепад давления швырнёт осколки в лицо. Если ждать, Егор не успеет протиснуться.

Вера увидела, как Илья снял с шеи страховочный карабин и заклинил им раму. Егор под водой нащупал тягу, дёрнул дважды. Красная полоска на стене опустилась ещё на деление.

Шевцов тоже посмотрел туда. Его колено на миг ослабло. Вера повернула запястье вдоль сустава, оставляя кожу под подошвой, и высвободила большой палец. Потом всю кисть.

Он вытащил из кармана шприц.

Вера перехватила руку обеими ладонями. Игла остановилась у её шеи. Бинт Шевцова пропитался кровью. Запах гвоздики стал резким.

За стеклом раздался звон. Илья выбил круглое окно. Вода хлынула через отверстие на настил.

Шевцов потерял равновесие. Вера ударила его рукой о край решётки. Шприц упал в воду.

Егор протиснулся через разбитое окно первым. Илья остался у клапана, пытаясь повернуть колесо под водой.

— Семнадцатый узел! — крикнула Вера.

— Он заклинил!

Шевцов поднялся и ударил Егора металлическим пультом. Егор упал. Вера схватила Шевцова сзади, но он был тяжелее. Локоть вошёл ей под рёбра.

На мостике появилась ещё одна фигура.

Николай Беляев-младший стоял у люка. Без маски, в мокрой светлой куртке. Правый рукав разрезан, на щеке синяк. На груди между молнией и ремнём мигал красный огонёк рабочей камеры.

В руке он держал молоток.

— Отойди от него, — сказал Николай.

Шевцов замер.

— Ты должен был ждать у выхода.

— Я видел снимок.

— Монтаж.

— Часы ваши.

Вера отступила к Егору.

Николай поднял молоток.

— Как вы вошли? — спросила Вера.

— Через верхнюю шахту.

— Там группа.

— Была. Доктор включил пожарную тревогу у северного корпуса. Их отвели к лестнице.

Шевцов коротко взглянул на пульт. Ещё одна заранее подготовленная задержка. Николай заметил этот взгляд.

— Вы сказали, сигнал нужен, чтобы вывести людей из зоны сброса.

— И вывел.

— Отсюда вывел. От нас.

Николай говорил тихо. Молоток дрожал сильнее с каждым словом. Он пришёл сюда не с готовым решением. Прошёл шахту, увидел воду и только тогда понял, для чего освобождал аварийный путь.

Он выглядел старше фотографии из базы. Под мокрыми волосами белел узкий шрам. Вера вспомнила царапину на вентиляционной решётке в доме и человека, который мог провести кабель сквозь старую шахту, не сломав ни одного крепления. Перед ней стоял не безумец из поселковых слухов. Инженер, двадцать лет носивший чужую версию той ночи и успевший сделать ради неё достаточно, чтобы уже не выйти чистым.

— Отец не крал деньги. Он хотел рассказать.

— Твой отец торговался, — ответил Шевцов. — Как всегда.

— Вы сказали, Ланской его убил.

— Он спрятал тело. Какая разница?

— Для меня есть.

— Тогда спроси у неё, — Шевцов кивнул на Веру. — Её отец выбросил твоего в шахту. Я нашёл тебя возле тела и вывел наружу.

Николай сжал рукоять. Костяшки побелели.

— Вы отвели меня в котельную. Дали воду. Сказали ждать милицию. А потом пришёл Ланской и повторил то же самое слово в слово.

Вера почувствовала, как под ногами включился второй насос. Шевцов и Антон не договаривались при Николае. Значит, кто-то передал Антону готовую историю раньше официального осмотра. Не доказательство убийства, но ещё один шов на старой версии.

— Положите молоток, — сказала она Николаю. — Он хочет, чтобы здесь осталось только одно объяснение. Опять.

Тот не опустил руку, но посмотрел на воду за стеклом. Этого хватило.

Вера двинулась к щиту. Шевцов заметил, но не мог одновременно следить за ней и за молотком. Она нашла пальцами край красной перемычки в разбитом пульте и потянула. Искра обожгла ладонь. Насос взвыл выше, будто его не выключили, а перевели на аварийный режим.

— Что вы сделали? — крикнул Егор.

Шевцов качнул головой.

— Она убрала ограничитель.

Вода за стеклом поднялась сразу на ширину ладони. Илья отпустил раму, чтобы удержать Егора. Вера поняла цену ошибки раньше, чем успела почувствовать ожог.

— Ручной клапан! — крикнула она. — Не питание. Питание больше не трогать.

Николай опустил молоток на несколько сантиметров. Его взгляд метнулся к разбитому пульту. Инженер в нём на секунду оказался сильнее сына Беляева.

Шевцов воспользовался этой секундой.

Шевцов нажал скрытую кнопку на стене. Из потолка опустилась заслонка, разделяя мостик. Николай успел броситься вперёд, но металл ударил его по плечу и сбил в воду.

Молоток улетел к баку.

Шевцов побежал к выходу.

Вера прыгнула за Николаем. Вода была ледяной и мутной. Он всплыл у перегородки, захлёбываясь. Она схватила его за ворот и подтянула к лестнице.

Повреждённая рука Николая не держала перекладину. Вера завела его кисть за нижнюю скобу и прижала своим предплечьем. Поток тянул обоих под настил. На секунду ей показалось проще разжать пальцы. Он только что признал участие в нападениях; на его совести были Светлана, камеры, украденная плёнка. Потом Николай вдохнул воду и дёрнулся, и выбирать стало нечего.

Николай ударился затылком о лестницу. Глаза закрылись. Вера зацепила ремень его куртки карабином, но шов под воротником начал расходиться. Она просунула ладонь под ремень, чувствуя, как металл режет обожжённую кожу.

— Ногу на скобу! — крикнул Егор.

Она не видела скобы. Егор нырнул рядом и направил её ботинок. Опора нашлась. Вместе они подняли Николая на одну перекладину, потом на вторую. Он закашлялся только на мостике и сразу попытался оттолкнуть Веру здоровой рукой.

— Я сам.

— Уже нет, — сказала она.

Егор дополз до них по перегородке. Его левая бровь была рассечена ударом пульта. Вместе они вытянули Николая до плеч, пока Илья не подал страховочный конец.

— Зачем вы убили Павла? — спросила она.

— Я не убивал.

— Ваша кровь на перчатке.

— Он поймал меня в доме. Я ставил камеру. Ударил. Потом доктор сказал, что сам всё исправит.

— Светлана?

— Я привёз машину. Она уже была связана.

Николай закашлялся.

— Мерц?

Он отвёл взгляд.

— Я хотел край. Не убить.

— Мерц лежал без сознания, — сказала Вера. — Вы забрали плёнку и ушли.

— Я вызвал скорую с автомата у порта.

— Через двадцать семь минут.

Николай прикрыл глаза. На этот раз не спорил.

Илья крикнул из-за перегородки:

— Клапан пошёл!

Колесо повернулось. Вода на мгновение остановилась, затем потянулась вниз. Обратный поток ударил так сильно, что Веру сорвало с лестницы.

Егор поймал её за страховочную систему.

— Четыре минуты, — сказал он. — Через четыре минуты откроется основной сброс.

— Шевцов идёт к коллектору.

Илья выбрался на мостик.

— Областная группа у верхнего входа.

— Он не пойдёт вверх.

Вера посмотрела на бак с останками Лиды. Поток уже захлёстывал основание. Если крышка сорвётся, вода унесёт кости в коллектор.

Крепления бака проржавели. Один анкер вышел из бетона и лежал на боку, второй двигался в гнезде при каждом толчке воды. Через прозрачное смотровое окно было видно тёмный осадок и светлую дугу кости. После двадцати лет Лида могла исчезнуть за четыре минуты, теперь уже по их вине.

Егор протянул верёвку под нижней трубой. Илья лёг на живот, поймал свободный конец багром и вытянул с другой стороны. Первый узел соскользнул по мокрому металлу. Они затащили второй, ниже, у самого основания.

— К опоре мостика, — сказал Николай.

— Её вырвет вместе с баком.

— Не к стойке. К поперечной балке под настилом. Там сварка целая.

Илья посмотрел на него, проверяя не слова, а конструкцию. Ударил рукоятью ножа по балке. Металл ответил плотным звуком. Верёвку пропустили вокруг неё.

Крышка дёрнулась. Из-под уплотнения вышел пузырь воздуха. Егор прижал её плечом, пока Илья делал оборот. Вода уже доходила им до пояса.

— Если бак опрокинется, не держите руками, — сказал Николай. — Сломает пальцы.

— Это вы его обслуживали? — спросил Илья.

— Отец. Я менял насосы после закрытия.

Вот почему Шевцов выбрал его. Не за ярость. За знание каждого болта.

— Сначала закрепить бак, — сказал Егор.

— Он уйдёт, — сказал Илья.

— Если побежим сейчас, уйдёт она, — ответила Вера.

Слово прозвучало так, будто Лида могла снова исчезнуть сама. Илья посмотрел на тёмную воду под мостиком, затем на створку, за которой скрылся Шевцов. Двадцать лет назад взрослые тоже выбирали между живыми детьми, уликами и собственной свободой. Теперь выбор был проще и от этого не легче: сохранить останки или гнаться за человеком.

Илья снял с нагрудной камеры страховочный шнур и передал Егору. Сам остался у клапана, удерживая колесо в промежуточном положении. Если отпустить, поток усилится; если закрыть до конца, вода ударит обратно в короткую трубу.

— Вера, фиксируй узлы, — сказал он. — Егор, две петли под нижнее кольцо. Николай, скажете, где целая балка.

Николай показал не сразу. Смотрел на выход, куда ушёл Шевцов. Потом подполз к краю настила и ткнул здоровой рукой под третий поперечный шов.

— Там.

Он впервые помог не потому, что врач приказал или Вера предложила скидку на вину. Просто назвал правильное место.

Камера Ильи записала последовательность: движение бака, положение костей через смотровое окно, первый сорванный анкер, каждую петлю. Если крышка всё же уйдёт, останется доказательство, что находилось внутри до воды.

Илья колебался одну секунду. Потом снял верёвку и обвязал крышку.

Николай сидел у стены, прижимая повреждённое плечо.

— Есть короткий выход, — сказал он. — За насосом. Шевцов сделал его для себя.

— Веди, — ответила Вера.

— Ты останешься, — сказал Илья.

— Камера у тебя. Сними всё. Я вернусь.

— Вера.

Она уже шла за Николаем.

До основного сброса оставалось три минуты.

Николай указал на трубу под насосом. Решётка держалась на четырёх болтах, два он заранее ослабил.

— Вы готовили путь Шевцову, — сказала Вера.

— Он говорил, мы вынесем доказательства и отдадим области. Не местным.

— А камеры в доме? Отпечаток Павла?

— Я делал то, что должно было напугать свидетелей. Он обещал, никто не умрёт.

— Вы видели тело Павла на снимке.

Николай отвернулся.

Красная лампа над насосом погасла. В темноте остался только аварийный свет, и лицо Николая стало плоским, как на документальной фотографии.

— Уже после. Доктор сказал, Павел напал первым и захлебнулся. Что если я уйду, всё повесят на меня из-за крови.

Вера слышала знакомый механизм: маленькая незаконная услуга, затем знание, которое делает человека соучастником, потом преступление, выход из которого существует только через следующее.

— Светлану вы привезли сами.

— Она согласилась встретиться. Хотела отдать заколку и рассказать про отца. Я ввёл препарат по инструкции. Дозу рассчитал он.

— Вы видели, как она перестала держать голову.

— Я думал, это действие препарата.

— Это и было действие препарата.

Он вытер рот тыльной стороной ладони. Ответа, который отделил бы ошибку от выбора, у него не нашлось.

— Вы инженер.

— Поэтому и поверил врачу.

Илья крикнул, что верёвка на баке закреплена. Егор оставался рядом с останками, удерживая крышку от потока.

— Если хотите выйти отсюда не убийцей, помогите сейчас.

Николай взял арматуру и сорвал оставшиеся болты. За решёткой открылась узкая труба.

Первый болт он вывернул ключом, найденным под насосом. Второй не пошёл. Николай прижал арматуру к грани и навалился всем телом. Раненое плечо провалилось, рука обмякла. Вера подхватила рычаг снизу. Вдвоём они провернули гайку на четверть оборота.

— Ещё, — сказал он.

— Плечо не выдержит.

— Оно уже не выдержало.

Со стороны резервуара донёсся хлопок. Страхочная верёвка натянулась струной. Бак сдвинуло, но балка удержала. Илья закричал, чтобы они уходили: ручной клапан открылся, остановить полный сброс уже нельзя.

Николай ударил по решётке ногой. Та открылась внутрь трубы и сразу застряла на нижней петле. Проём остался слишком узким для плеч. Вера взялась за прутья и потянула. Ржавчина сдирала кожу, металл не двигался.

Егор добрался до них, молча вставил багор между рамой и стеной. Все трое надавили. Петля лопнула. Решётка ушла под воду и исчезла в темноте трубы.

— Я с вами, — сказал Егор.

— Останешься у бака, — ответила Вера. — Если верёвка пойдёт, перецепишь к лестнице. И снимай узел до конца.

Он хотел возразить, но посмотрел на её обожжённую ладонь, на Николая и на тёмный проход. Потом отдал ей свой фонарь.

— Через две минуты прилив закроет наружную дверь.

— Значит, Шевцов тоже спешит.

Из трубы дохнуло морем. Вода уже шла по её нижнему краю, хотя до основного сброса оставалась минута с лишним. Наружная часть коллектора заполнялась приливом. Короткий выход мог оказаться ловушкой, но возвращаться к мосту означало потерять Шевцова и дать ему запустить вторую заслонку.

Вера включила фонарь на телефоне Антона и сунула аппарат во внутренний карман. Николай проверил кромку трубы рукой, нашёл выступающий болт и загнул его арматурой. Даже сейчас он работал аккуратно. Та же аккуратность помогла ему поставить камеры в доме и пройти через вентиляцию. Навык ничего не говорил о намерении. Только о возможности.

Сверху ударил металл. Шевцов пытался опустить вторую заслонку.

— Он знает, где мы, — сказал Николай.

Из трубы донёсся скрежет, затем три быстрых удара. Шевцов закрывал наружную заслонку вручную. Николай опустился на колени и посветил внутрь. На мокром металле блестящие две параллельные борозды от сумки или ящика. Значит, врач уходил не с пустыми руками.

— Что он вынес из сушильни? — спросила Вера.

— Чёрную сумку. Забрал перед тем, как включить насосы.

— Вы видели содержимое?

— Ампулы. Задник. Телефон вашего отца.

— И позволили взять?

Николай посмотрел в трубу.

— Я думал, там доказательства против Ланского.

— После Павла и Светланы вы всё ещё так думали?

— После них я уже думал, как не оказаться в той же сумке.

Ответ прозвучал без жалости к себе. Это не делало его меньше виноватым, зато впервые было похоже на правду.

Вера сняла с ремня пустой чехол для объектива и натянула на обожжённую ладонь. Ткань сразу промокла. Телефон Антона переложила в нагрудный карман молнией вверх. Если трубу зальёт, обе руки понадобятся, чтобы удержаться.

— На середине развилка, — сказал Николай. — Левый ход к морю, правый к служебной двери. Шевцов пойдёт вправо.

— Откуда знаете?

— Слева нет лестницы при приливе.

— А справа?

— Кодовый замок. Код у него.

— Тогда зачем ему закрывать заслонку?

Николай задержал свет на царапинах. Нижняя борозда обрывалась у кромки, будто тяжёлый предмет пришлось проталкивать боком.

— Чтобы мы не увидели сумку.

За спиной Илья позвал Веру. Она обернулась. Он стоял по пояс в воде и держал камеру над головой. Красный индикатор записи горел. Рядом Егор прижимал ладонь к натянутой верёвке, чувствуя каждый рывок бака.

Илья ничего больше не сказал. Поднял свободную руку и показал на глаза, потом на камеру: вижу, записываю. У верхнего входа могла ждать группа. Могла уже спускаться. Но рассчитывать приходилось на тех, кто находился здесь.

Вера включила запись на телефоне Антона и вслух назвала время, место, имя Николая и направление выхода. Тот поморщился.

— Боитесь, что я сверну не туда?

— Боюсь, что потом вы скажете, будто трубы не было.

Николай сунул арматуру в проход и толкнул. Металл не встретил препятствия. Он лёг на живот. Повреждённая рука осталась прижата к груди.

— Тогда идите первым.

Глава 26. Неразрезанный край

Короткий выход был трубой диаметром чуть больше метра.

Николай полз первым, Вера следом. Вода шла по локти и ускорялась. Позади гремел насос.

В трубе нельзя было развернуться. Каска осталась у мостика, и Вера дважды ударилась теменем о сварные швы. Николай тянул повреждённое плечо, шипел на каждом движении, но не останавливался. Из темноты впереди доносился короткий электронный писк: Шевцов набирал код у наружной двери.

Телефон Антона завибрировал у Веры на груди. Звонил Илья. Она не могла достать аппарат, только чувствовала толчки сквозь мокрую ткань. Связь между секциями ещё работала. Значит, Илья и Егор удержали бак и не дали потоку унести останки.

Николай замер перед сужением.

— Дальше решётка, — сказал он. — Я снял её вчера.

— Для него?

— Для нас обоих.

Он протиснулся боком. На металле осталась кровь с рукава. Вера запомнила место, хотя вода смывает след через минуту. Если они выберутся, Николаю придётся повторять этот путь уже под камерами и с понатыми. Если не выберутся, память о кромке ничего не изменит.

Труба вывела в коллектор за затвором. Шевцов стоял у металлической двери и набирал код. Рядом лежала сумка.

Он услышал плеск, обернулся и достал пистолет Антона.

— Николай, — сказал он. — Последний раз: уйди.

Николай поднялся на колени.

— Вы знали, что она жива.

— Кто?

— Лида.

— Тебе было двадцать три, а вёл ты себя как испуганный мальчишка. Видел воду и тени.

— Я слышал её после того, как вы ударили отца.

— Ты слышал трубу.

— Она звала Светку.

Шевцов не дрогнул. Только отвёл ствол от середины груди Николая к левому краю, туда, где пуля могла пройти между рёбрами и не застрять в кости. Так врач выбирал точку для укола. Вера увидела движение раньше Николая.

Шевцов направил пистолет ему в грудь.

Вера прижалась к стене. До основного сброса меньше двух минут. Внизу по каналу уже шла пена.

— Оружие оставьте, — сказала она. — Выход откроется только с другой стороны. Группа там.

— Код знаю я.

— Антон сменил его. Цифры на часах — не время и не узел. Последние четыре цифры серийного номера.

Шевцов посмотрел на панель.

Вера соврала. Но он поверил достаточно, чтобы опустить взгляд.

Николай бросился на него.

Выстрел оглушил тоннель. Пуля ударила в трубу. Николай сбил Шевцова на решётку. Пистолет упал в воду.

Они дрались молча. Шевцов бил точно, в горло и раненое плечо. Николай — тяжело, вслепую.

В узком коллекторе силе мешали стены. Локоть Шевцова дважды ударился о бетон. Николай прижал его к решётке всем весом, но ступня сорвалась в желоб. Оба упали. Шевцов оказался сверху и вдавил большой палец под челюсть Николая.

Вера шагнула к ним, поскользнулась и ударилась коленом. Пистолет качнулся на воде в полуметре от неё. Она потянулась, течение отнесло оружие дальше. Пришлось лечь грудью в желоб, поймать скобу одной рукой и зацепить спусковую скобу двумя пальцами другой.

Вера добралась до оружия. Течение потащило пистолет к щели. Она прижала его ботинком и подняла.

— Стойте!

Оба не услышали или не захотели.

Шевцов вывернулся и толкнул Николая в канал. Потом шагнул к Вере.

— Ты не выстрелишь.

— Уже стреляли за меня достаточно.

Она держала пистолет двумя руками. Ствол дрожал.

Мушка расплывалась. Вера не стреляла с тех пор, как ушла из экспертного управления. Тогда мишень была сухой бумагой, за спиной стоял инструктор и заранее говорил, когда нажать. Теперь за Шевцовым находился Николай, под ногами росла вода, а указательный палец онемел от холода.

Она убрала палец со спуска. Так оружие дрожало меньше.

Шевцов остановился. За его спиной Николай цеплялся за решётку.

— Сумку откройте, — сказала Вера.

— Зачем?

— Медленно.

В сумке лежали ампулы, запасные перчатки, плёнки и инструменты. На дне — роликовый задник с не проявленной плёнкой.

Вера не тронула ничего. Содержимое освещал её фонарь, и каждое движение воды меняло картину. На одной ампуле сохранилась аптечная наклейка, на другой номер партии был стёрт ножом. Перчатки лежали в открытом пакете того же размера, что фрагмент из затвора старой камеры. Под задником блеснула связка ключей с зелёной пластиковой биркой санатория.

— Поднимите руки, — сказала она.

Шевцов медленно выпрямился.

— Ты уже потрогала эту сумку в резервуаре.

— Нет.

— Николай трогал. Илья трогал. Любой адвокат разнесёт её по предметам.

— Поэтому она нужна вам так сильно?

— Поэтому она ничего не стоит.

Он говорил уверенно, но смотрел на задник. Не на ампулы и не на ключи. Вера сместилась на полшага, перекрывая прямой путь к сумке.

Шевцов собирался унести всё, что связывало его с убийствами и 2006 годом.

— Отойдите от сумки.

Он сделал шаг в сторону.

В коллекторе взвыла сирена.

Основной сброс начался.

Вода ударила из боковой трубы. Веру отбросило к стене. Пистолет вылетел из рук. Шевцов схватил сумку и побежал к двери.

Николай попытался перехватить его, но повреждённое плечо не поднялось. Шевцов ударил сумкой в лицо. Металлический задник внутри хрустнул о скулу. Николай осел на колени, не выпуская ремень из пальцев. Шевцов протащил его два метра по решётке и только тогда вырвался.

Панель приняла код с третьей попытки. Замок щёлкнул.

За дверью была не суша. Отлив уже закончился, море вернулось в наружную часть коллектора. Чёрная вода стояла почти до верха.

Шевцов отшатнулся.

Поток из резервуара ударил сзади и понёс его к морю.

Николай поймал его за ремень сумки. Ткань натянулась. Шевцов повис между двумя потоками.

— Тяни! — крикнула Вера.

Николай смотрел на человека, которого считал другом отца и которому помогал мстить. Ремень начал рваться.

Он всё-таки потянул.

Шевцов ударил его ногой в лицо. Пальцы Николая разжались.

Вода унесла Шевцова за дверь.

Сумка осталась в руке Николая.

Вера закрыла створку, но замок не держал. Они вдвоём навалились на металл. Через щели хлестала вода.

Рычаг скользил в ладонях. Николай подставил под него арматуру, принесённую из резервуара, и упёр конец в стену. Металл выгнулся, но створка перестала отходить на каждый удар. Вера услышала, как в наружной шахте Шевцов цепляется за ступени. Потом раздался плеск: сумку он уже потерял, и держаться мог обеими руками.

С другой стороны ударили. Один раз. Потом ещё.

Шевцов был жив.

— Откройте! — крикнул он.

Вера удерживала рычаг обеими руками.

— Там есть лестница к волнорезу! — сказал Николай. — Если успеет подняться.

Удары прекратились.

Через минуту сверху донеслись выстрелы и команды областной группы.

Вера не разжала рук. Вода давила на створку снаружи короткими тяжёлыми толчками. Арматура ползла по бетону, оставляя белую царапину. Николай упёрся здоровым плечом рядом с ней. Кровь из рассечённой скулы стекала на подбородок и падала в воду.

— Он поднялся? — спросил он.

— Слышали команды.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Телефон Антона снова завибрировал. На этот раз Вера сумела вытащить его. Экран был залит водой, имя Ильи расплывалось под треснувшим стеклом. Она провела пальцем трижды, пока вызов не открылся.

— Мы у наружной створки, — сказала она.

В ответ донеслось шипение и два слова:

— Шевцов взят.

Николай слышал. Лоб коснулся металла. Ни облегчения, ни торжества на лице не появилось. Только усталость человека, который слишком долго ждал чужого приговора и получил собственный.

Когда насос остановился, вода уходила ещё семь минут. Створку разрешили открыть лишь после того, как спасатель закрепил её тросом с верхней площадки. Первым в коллек-

тор спустился сотрудник группы с нагрудной камерой. Он потребовал положить оружие, хотя пистолет лежал в желобе далеко от Веры. Она показала пустые руки. Николай лёг лицом к решётке сам.

Один выстрел ушёл в воздух. Позже на видеозаписи будет видно, как Шевцов поднимает найденный на площадке обломок трубы и не бросает после первой команды. Второй стрелок держал его на мушке, пока двое вытаскивали врача через ограждение. Нагрудная камера записала светлую полосу на его левом запястье и пустой нагрудный карман. Часы, которые он убрал туда у резервуара, сорвались в коллекторе.

Шевцова задержали у аварийной лестницы. Он выбрался из воды без сумки, потерял часы и повредил ногу. На запястьях остались следы от металлической решётки. При нём нашли пульт резервуара и ключ от служебной двери дома Антона.

Перед наручниками фельдшер осмотрел его руки. Правый большой палец двигался полностью, порез находился ниже, у основания ладони. Повязка скрывала старую рану, которую Шевцов несколько раз открывал заново, чтобы она совпадала с нападениями. На левом предплечье был свежий след зубов. Дьяков укусил похитителя за ладонь, поэтому эта рана ему не принадлежала. Ещё одно действие выполнял Николай или третий человек; сравнение предстояло отдельно.

Шевцов потребовал записать, что его вытащили из воды сотрудники области, а Николай удерживал дверь и мог утопить его. Следователь записал обе детали. Попытка спасти и возможная попытка причинить вред могли существовать в одной минуте.

Одежду врача сняли в медицинской палатке, каждый слой упаковали отдельно. Под рабочим комбинезоном оказался пояс для инструментов с пустым гнездом от молотка и металлической пылью. Сам молоток оставался у резервуара в руках Николая. Совпадение гнезда проверяли по потёртостям, а не по размеру на глаз.

Вера увидела его уже на верхней площадке. Шевцов сидел у бетонной тумбы, закутанный в серое одеяло. Один ботинок сняли, штанина была разрезана до колена. Он выглядел не разоблачённым чудовищем, а промокшим пожилым человеком, которому больно. Когда следователь попросил назвать фамилию, Шевцов произнёс её ровно и потребовал врача.

Николая уложили рядом на носилки. Он попытался сесть, чтобы показать вход в короткую трубу, и получил приказ не двигаться. На его запястье защёлкнули один браслет наручников; второй пристегнули к раме носилок. Помощь резервуару не отменяла того, что он сделал до неё.

Илья вышел последним. В одной руке держал над водой камеру Веры с записью, другой помогал Егору нести жёсткий контейнер с извлечёнными останками. Ни один из них не посмотрел на Шевцова.

Телефон Антона Вера передала сотруднику группы отдельно от сумки. На записи отметили, где его нашли, кто упаковал и почему аппарат оказался у неё во время выхода.

* * *

В сумке находилось достаточно, чтобы дело не зависело от слов Шевцова.

Её открывали в сухой комнате под тремя камерами. Каждый предмет сначала снимали на месте, затем извлекали отдельным инструментом. Вера стояла за стеклом и называла знакомые вещи раньше, чем следователь успевал читать бирки.

Сумку сушили не раскрывая, на сетке, чтобы сохранить рисунок потёков и частицы из коллектора. Перед осмотром с неё сняли отпечатки, волокна и воду из внутренних швов. Там нашли красную пыль из лаборатории Антона, белую теплоизоляцию из тоннеля и песок с волнореза. По отдельности это были обычные частицы. Вместе они повторяли маршрут постановок.

Осмотр начался в три двадцать ночи. На часах над дверью секундная стрелка отставала и раз в минуту дёргалась дважды. Вера смотрела на неё, пока техник менял перчатки после каж-

дого предмета. У стола стояли следователь из области, криминалист и адвокат, назначенный для защиты Николая. За стеклом работал отдельный регистратор. Никто не мог потом сказать, что находки разложили в удобном порядке.

Телефон Антона, переданный Верой по отдельному протоколу, поместили в прозрачный контейнер и подключили к переносному источнику питания через сухие контакты. Экран загорелся, показал фотографию Веры в детстве и погас. Копирование памяти отложили до лаборатории. Задник не раскрывали: его закрепили в светонепроницаемом пакете, записали температуру и влажность. Ампулы уложили горизонтально, чтобы вода из коллектора не протянула загрязнение под алюминиевые колпачки.

Одних часов не хватало. Шевцов снял их у резервуара, а из коллектора вышел с пустым карманом. Поисковая группа поставила решётчатые ловушки у обоих выпусков и промывала осадок вручную. Вера не знала, унесло часы в море или они застряли под насосом. Серийный номер на негативе уже можно было сравнить с архивом клиники, но сам предмет дал бы следы ремонта, потёртости ремешка и ответ на вопрос, кто носил его недавно.

Часы нашли к утру в корзине аварийного фильтра. Стекло треснуло, ремешок сорвало. На внутренней стороне крышки сохранилась гравировка клиники и цифры, совпавшие с отражением на старом негативе. Вода смыла свежие следы, зато под осью заводной головки осталась старая частица проявителя. В двадцатилетней карточке ремонта значилась та же замена механизма и фамилия Шевцова.

Телефон Антона. Часы. Задник. Коробка игл. Ключ от вентиляционного люка дома.

В боковом кармане лежал список. Напротив имён Павла и Светланы стояли даты, дозы и маршруты. Напротив Марины — знак вопроса. Напротив Веры — слово «край».

Под списком обнаружили сложенный лист из технического журнала. На нём Николай рассчитал время заполнения двух секций и отметил аварийный выход. Четыре минуты отнормировались к полному сбросу, а не к времени смерти. Цифры на стекле и метки, которые Светлана успела оставить на кафеле, наконец получили проверяемый смысл: узел семнадцать, секция четыре.

Почерк оказался не Шевцова, а Николая. Он признал список своим, но утверждал, что записывал указания врача, не понимая назначения доз.

— Наивность не отменяет действий, — сказал следователь.

— Я знаю.

Николай впервые не добавил оправдания.

В необработанных плёнках сохранились технические кадры: Шевцов проверяет положение тела Павла до съёмки; удерживает Светлану; меняет ролик в камере над сушильной. Он создавал доказательства против «призрака» и случайно оставлял себя на обрезках.

Один кадр показывал Антона живым в последнюю ночь. Шевцов стоял за его стулом, но не касался. На столе лежали таблетки и стакан воды. Снимок не доказывал убийство. Токсикология после эксгумации должна была ответить отдельно.

Плёнку проявляли без Веры. Она наблюдала через окно, пока другой эксперт вскрывал задник в тёмном боксе. Процесс снимали непрерывно. Первый участок оказался засвечен водой, второй сохранил краевую маркировку и заводские метки партии. Монтаж исключали по межкадровым промежуткам: номера шли подряд, эмульсия старела одинаково, царапина от прижимного столика проходила через все изображения.

На кадре с Антоном часы Шевцова отражались в полированной стенке чайника. Рука врача находилась возле спинки стула. На следующем кадре её уже не было, а Антон смотрел прямо в объектив. Между снимками прошла секунда. Что они сказали друг другу, плёнка не сохранила.

Вера попросила записать обе фотографии как самостоятельные факты. Следователь предложил формулировку «контроль над потерпевшим». Она зачеркнула её.

— Здесь человек стоит за стулом, — сказала она. — Всё остальное проверяйте отдельно. Вера не позволила вписать смерть отца в готовую схему без результата.

На шприцах сохранились препараты той же партии, что в крови жертв. В телефоне Антона — удалённые сообщения с угрозами и запись встречи. На перчатках — биологические следы Павла и Светланы. Плёнки содержали исходные кадры постановок до монтажа.

Следователь разделил находки на независимые цепочки. Препарат связывал убийства с клиникой, но к складу имели доступ несколько человек. Ключи связывали Шевцова с домом Антона, но он бывал там после смерти. Пульт и схема связывали его с резервуаром. Необрезанная плёнка, серийный номер часов и фрагмент перчатки помещали его у стеклянной двери в 2006 году. Ни одна цепочка не держала дело одна. Вместе они оставляли всё меньше места для случайности.

Неразрезанный край старого негатива подтвердил номер часов. В затворе камеры обнаружили фрагмент медицинской перчатки с ДНК Шевцова — он застрял там ещё в 2006 году и оставался защищённым от влаги.

Возраст фрагмента нельзя было определить напрямую. Защита могла утверждать, что перчатка попала в затвор вчера, при осмотре камеры. Поэтому эксперты сняли прижимную пластину и исследовали налёт под ней. Кусок латекса лежал ниже слоя окислов и старой серебряной пыли. Чтобы поместить его туда после изъятия, пришлось бы разобрать механизм, нарушив заводской лак на винтах. Лак оставался целым.

ДНК тоже проверили повторно в другой лаборатории. Первый профиль был смешанным: Шевцов и неизвестный мужчина. Второй образец взяли с внутреннего сгиба латекса, куда не попадали пальцы снаружи. Там остался только Шевцов. Не признание. След руки, которая когда-то полезла в чужую камеру.

Номер часов прошёл отдельный путь. Архив клиники прислал скан карточки, областная группа изъяла бумажный оригинал, а мастер, менявший механизм, нашёл старую книгу заказов у себя в гараже. В трёх местах совпали дата, повреждение корпуса и четыре последние цифры. Мастер не помнил лица клиента. Вера попросила так и записать.

Николай дал показания о тоннелях, инсценировках и нападениях. Признал, что помогал Шевцову проникать в дом, устанавливал камеры и похитил плёнку у Мерца. Утверждал, что не знал о намерении убивать. Следствие должно было проверить каждое его слово.

Его рассказ проверяли по мелочам, которые нельзя было подсмотреть в материалах: погнутому болту в короткой трубе, модели передатчика за четвёртой дверью, месту, где он выбросил упаковку от перчаток. Две детали совпали. Третья оказалась ложью: упаковку нашли не там, где он указал, а возле дома Светланы. Николай признался, что ездил туда раньше согласованной встречи и следил за окнами.

Он продолжал уменьшать свою роль даже после того, как перестал защищать Шевцова. Шевцов от показаний отказался.

На первом допросе он назвал только имя, адрес и лекарства, которые принимал от давления. Адвокат сидел рядом, закрыв ладонью чистый лист блокнота. Следователь положил перед ними снимок часов, затем список доз, затем кадр у стеклянной двери. Шевцов рассматривал каждый столько, сколько требовалось, и возвращал лицом вниз.

— Вы узнаете свои часы?

— После двадцати лет похожих вещей можно собрать десяток.

— Ваша фамилия в карточке ремонта.

— Карточки переписывали при переезде клиники.

— Ваш биологический материал в затворе камеры.

— Камеру держали все сотрудники санатория.

Он отвечал заранее приготовленными фразами. Но на снимке резервуара задержался. Большой палец правой руки начал тереть место, где обычно лежала заводная головка часов.

Камера допроса сняла движение. Вера попросила не вписывать его в протокол как реакцию на доказательство. Жест показывал тревогу. Причину ещё предстояло установить.

Когда следователь спросил о Лиде, Шевцов попросил перерыв. Это тоже ничего не доказывало. Перерыв ему дали.

Антон не оправдали одним решением. Его действия получили отдельную оценку: сокрытие улик, подмена протоколов, укрывательство смерти Беляева. Он не убивал, но сделал возможными двадцать лет лжи.

Илье вернули удостоверение не сразу.

Веру опрашивали двенадцать часов.

Она трижды прошла путь от резервуара до наружной створки: сначала словами, затем по схеме, потом на видеозаписи. На четвёртом часу обнаружилось расхождение. Вера утверждала, что пистолет упал после первого удара воды. Камера Николая, закреплённая на куртке, показывала: оружие выбило из её рук на секунду раньше, когда завывла сирена. Она исправила время в протоколе.

На седьмом часу следователь спросил, зачем она прыгнула за Николаем. Вера ответила, что он тонул. Вопрос повторили в другой форме. Потом ещё раз: знала ли она, что его показания понадобятся против Шевцова. Она попросила записать дословно.

— Я вытащила его, потому что он был жив.

На десятом часу принесли фотографию сумки до вскрытия. На ремне нашли кровь Николая, на застёжке — след Шевцова, на внутреннем клапане — старый отпечаток Антона. Последний мог появиться при любой прежней встрече. Вера снова потребовала отделить его от ночных следов.

К концу опроса у неё распухло колено, ожог на ладони покрылся пузырями. Врач перевязал руку прямо за столом. Подписывала Вера левой, медленно, сверяя каждую страницу.

Когда она вышла из здания следственного управления, рассвело. Егор ждал у машины.

— Лиду подняли, — сказал он.

Егор протянул ей стакан воды. Вера сделала глоток и почувствовала вкус бумаги: весь день пила из таких же стаканов в комнате допроса. На заднем сиденье лежала сухая куртка. Рукав был распорот, чтобы не задеть повязку.

— Кто сообщил Марине?

— Я. Следователь был рядом.

— Что сказал?

— Что нашли останки. Что опознание будет по ДНК. Больше ничего.

Вера кивнула. Ни фотографии резервуара, ни описание одежды не должны были попасть к Марине до официального опознания. Даже сейчас порядок имел цену.

На ступенях управления появился Илья. Увидел их, но не подошёл. В руках держал конверт с удостоверением и временный пропуск без фотографии. Он остался внутри системы и уже платил за это.

Вера кивнула.

— Марина там?

— Да.

— Поехали.

Глава 27. После проявки

Лиду хоронили через три недели.

Гроб был закрытым и слишком коротким. Марина стояла у изголовья без костылей. На могиле рядом оставили место для таблички Светланы: её мать решила перенести прах дочери из Владивостока позже.

На крышке лежала красная заколка-бабочка в прозрачном пакете. После экспертизы её получила мать Светланы и перед церемонией отдала Марине. Пластмасса выцвела, одно крыло было надломлено. Среди живых цветов заколка выглядела вещью из школьного ящика, случайно принесённой не на то место.

Пришло полпосёлка. Те же люди, которые неделю назад пересылали снимки с волнореза и спорили, кому мстила Лида, теперь стояли молча. Несколько человек отворачивались от Марины. Один мужчина попытался пожать ей руку, но она не заметила или сделала вид.

Вера держалась в стороне.

Она не снимала похороны.

Илья пришёл без формы. Проверка закончилась выговором, временным понижением и передачей дела областному управлению. Он не пытался оправдываться.

Егор стоял рядом с Верой, но не касался её. После той ночи они виделись каждый день и ни разу не называли это возвращением.

Мерц сидел в инвалидном кресле. Ольга держала зонт над ним. Когда гроб опустили, старик поднял правую руку и сделал движение, будто закрывал заслонку задника.

Дождь попал ему на очки. Ольга сняла их и вытерла полую плаща. Без очков Мерц казался потерянным. Он произнёс что-то, и Ольга наклонилась к его губам.

— Говорит, опоздали с проявкой, — передала она.

Марина услышала. Плечи у неё напряглись, но она не ответила.

Марина бросила первую горсть земли.

Потом подошла к Вере.

— У меня остался её дневник.

— Отдай следствию.

— Уже скопировали. Оригинал хочу оставить.

— Оставь.

Марина посмотрела на могилу.

— Я думала, когда найду её, станет тише.

— Стало?

— Нет.

Они не обнялись.

— Я дала ей прочитать твоё заявление, — сказала Марина, глядя на могилу Светланы.
— Её матери. Там про заколку и про то, как Светлана вернулась.

— Зачем?

— Она спросила, была ли дочь хорошим человеком.

— И что ты сказала?

— Что в шестнадцать лет Светка сделала больше, чем взрослые после неё.

Марина присела и положила ладонь на мокрую землю. Пальцы вошли в рыхлую глину.

— Я двадцать лет думала, что если найду виновного, узнаю, куда деть злость. Теперь их двое. Один убил. Другой спрятал. Остальные молчали. Злости стало больше, а места всё равно нет.

На дорожке за ними остановилась мать Светланы. На похороны она пришла одна, без зонта, и всё время стояла в стороне. В руках держала прозрачный пакет с выцветшим школь-

ным снимком. Светлана и Лида сидели на подоконнике, касаясь плечами. Красной заколки на снимке ещё не было.

Женщина протянула фотографию Марине.

— Мне сказали, это ваша.

— У меня есть такая же.

— Тогда пусть будет две.

Марина взяла пакет. Они не обнялись. Несколько секунд стояли друг напротив друга, разглядывая один снимок с разных сторон. Потом мать Светланы спросила, правда ли дочь вернулась в санаторий одна.

— Правда, — ответила Вера. — Она вернулась за Лидой.

Женщина кивнула и ушла к воротам кладбища. Сапоги скользили в глине. Никто не бросился поддержать её; она не просила.

Когда рабочие начали убирать доски у могилы, Марина вынула из кармана вторую красную заколку — новую, купленную утром. Поддержала над землёй и спрятала обратно.

— Эту оставлю себе, — сказала она. — Одной хватит.

Вера не стала говорить, что время поможет. После похорон отца она ненавидела эту фразу.

* * *

Дом Антона Вера выставила на продажу. Лабораторию разобрала сама. Химию передала на утилизацию, часы без ремешка отдала следствию. Экспонетр и вторую, меньшую камеру Мерца отвезла Ольге; старый аппарат с латунной скобой оставался вещдоком.

На работу ушло четыре дня. Каждая полка оставляла на стене более светлый прямоугольник. В банках под раковиной кристаллизовался старый фиксаж. На сушильной верёвке висели деревянные прищепки с номерами дел. Вера снимала их по одной и складывала в коробку, хотя понимала, что они никому не нужны.

На дне нижнего шкафа нашлась незапечатанная пачка фотобумаги. Антон написал на обёртке: «Для Веры, матовая». Бумага отсырела, углы склеились. Сохранить её для печати было нельзя. Вера отделила один лист, и эмульсия сошла с него серой кожей.

Она выбросила пачку в пакет для химических отходов. Один чистый лист оставила между страницами отцовского блокнота. Не как улику. Впервые за эти недели — просто потому, что захотела.

Егор пришёл вечером с рулоном плотных пакетов и двумя стаканами кофе. Не спрашивал, можно ли помочь. Снял со стены металлические направляющие, замотал острые концы картоном, вынес тяжёлый увеличитель.

— Ты неправильно держишь, — сказала Вера.

— Двадцать килограммов железа невозможно держать нравственно верно.

Она впервые за последние дни рассмеялась. Коротко, почти болезненно. Егор поставил увеличитель на пол и не улыбнулся в ответ, чтобы не спугнуть.

Позже они сидели на кухне среди коробок. Его ладонь лежала на столе рядом с её рукой. Между пальцами оставалось два сантиметра.

— Я не хочу обещать, что останусь, — сказала Вера.

— Не обещай.

— И делать вид, что та ночь всё исправила, тоже не хочу.

— Она многое испортила.

— Уже честнее.

За окном остановилась машина риелтора. Женщина вышла, увидела свет на кухне и не стала звонить. Сфотографировала фасад, записала что-то в планшет и уехала. Завтра чужие люди будут измерять комнаты, спрашивать о сырости и торговаться из-за трещины над окном. В объявлении дом назовут тихим и близким к морю.

— Если не продастся? — спросил Егор.

— Закрою на зиму.

— Лабораторию жалко?

— Иногда. Потом вспоминаю запах.

— Я о твоей, не об отцовской.

Вера посмотрела на пустой дверной проём. Своей лаборатории в этом доме у неё никогда не было. Она только знала, где лежат щипцы, сколько секунд держать бумагу в растворе и какую ступень обходить ночью. Чужое место может помнить движения лучше человека.

— Заберу увеличитель, — сказала она. — Если ты донесёшь его до машины нравственно верно.

— Это уже шантаж.

Он улыбнулся. На этот раз Вера тоже.

Егор повернул ладонь вверх. Вера накрыла её своей, но через минуту убрала. Этого было достаточно.

Под ванной кирпичный канал залили бетоном после полного осмотра.

На стене осталась копоть от пожара. Надпись «Третий — ты» смылась не сразу. Вера тёрла стекло растворителем, пока пальцы не заболели.

Илья принёс коробку с личными вещами Антона.

— Всё, что можно вернуть.

Внутри лежали кошелек, ключи, складной метр, блокнот без вырезанных страниц и фотография Веры в четырнадцать лет. На этом снимке она опять стояла у края кадра. Но отец не обрезал её. За плечом оставалось пустое место.

На обороте Антон написал только дату. Ни просьбы простить, ни объяснения. Вера провела пальцем по вдавленным цифрам и положила снимок лицом вниз. Отец оставался человеком, который искал её всю ночь, прикрыл её утром и после этого двадцать лет защищал собственную трусость тем же словом «спас».

Она любила его. Факт не делал его поступок меньше. Поступок не отменял любовь. Два изображения легли друг на друга и не совместились.

— Я написал рапорт о старом деле, — сказал Илья. — Включил свою подпись и девять лет молчания.

— Что будет?

— Решат не здесь.

— Боишься?

— Да.

Вера положила фотографию обратно.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Раньше ты называл страх осторожностью.

Он кивнул.

У двери Илья остановился.

— Ты уедешь?

— После отчёта.

— Вернёшься?

— Не знаю.

Это был честный ответ. Он его принял.

* * *

Перед отчётом Вера просмотрела все свои фотографии по порядку.

Она делала это не дома. Областное управление выделило комнату без окон, два монитора и отдельный диск. Каждый файл открывался из копии, оригиналы оставались опечатанными.

За стеклом дежурил другой специалист. После всего случившегося доверять Вере без контроля означало бы снова заменить процедуру отношением.

В первый день она дошла только до тела Павла. На втором просмотрела санаторий и остановилась на лице Светланы. Третий начала с кадров, которые хотелось пропустить: собственная рука на чужой сумке, сдвинутая линейка, открытая до приезда группы дверь.

Егор приносил еду и оставлял у проходной. Илья пришёл один раз дать пояснение о времени на нагрудной камере. Они разговаривали через стол как специалист и отстранённый сотрудник. Только у двери он спросил, спит ли она. Вера ответила: иногда. Этого хватило.

К каждому спорному снимку она прикладывала соседние кадры и запись действия. Там, где последовательности не было, ставила красную пометку «разрыв». Разрыв не означал ложь. Он означал место, в котором нельзя делать вид, что камера видела всё.

Она начала с кадра, сделанного в день приезда: мокрая лестница дома, чемодан у двери, рука Марины на перилах. Потом был волнорез, красный свет лаборатории, пустые окна «Прибоя». На экране события выглядели последовательными. В жизни между ними оставались часы ожидания, ошибочные звонки, сорванные поиски и люди, которых подозревали потому, что они вовремя не ответили.

Вера создала отдельную папку для отбракованных снимков. Не удаляла ни одного. Смазанный кадр иногда честнее резкого: он показывает, что фотограф дёрнулся.

Она отмечала места, где подошла слишком близко, изменила угол предмета, позволила памяти назвать фигуру раньше анализа. На волнорезе сняла тело до официальной группы — полезно и неправильно. В лаборатории касалась плёнки — нужно для проявки, губительно для чистоты следов. В санатории вошла одна и создала риск для других.

Илья добавил свои ошибки: не оформил дом местом происшествия после смерти Антона, скрыл старую копию протокола, допустил Веру к операции без утверждённого статуса, передал образец в обход процедуры.

— Если приложим это, защита разорвёт часть доказательств, — сказал он.

— Если не приложим, разорвёт всё, когда найдёт сама.

Егор добавил нарушение хранения контрольной пробы. Марина признала кражу задника, проникновение в дом и сокрытие дневника.

Николай подписал собственное дополнение. Перечислил места, где ставил передатчики, время слежки за Павлом и Светланой, ложный вызов к санаторию. На полях следователь отметил три расхождения. Николай исправил два и отказался менять третье: продолжал утверждать, что не знал дозу препарата. Вопрос оставили открытым.

Получился документ не о безупречном расследовании, а о людях, которые мешали правде, даже когда пытались её найти.

Отчёт занял сто сорок семь страниц.

Вера разделила подтверждённое, вероятное и необъяснённое. Отдельно описала вмешательство Антона в дело, собственное участие в краже камеры и все случаи, когда касалась предметов до официального осмотра. Не скрыла ни сигареты, ни вход в тоннель, ни то, что несколько фотографий сделала вопреки указаниям.

Следователь дважды возвращал документ из-за формулировок.

Сначала потребовал заменить «не установлено» на «вероятно». Вера вернула правку с пустым полем для основания. Второй раз попросил убрать из приложения её фотографию, на которой край резервуара закрывала собственная тень. Кадр был плохим, но показывал, почему первое измерение глубины оказалось неверным. Он остался.

На третьем чтении они спорили о четырёх минутах. Для обвинения было удобнее назвать цифры сообщением Светланы о способе убийства. Технический журнал говорил другое: полный цикл сброса, узел семнадцать, четвёртая секция. Светлана могла помнить маркировку с

той ночи, могла увидеть её позже в тоннеле. Выбрать один вариант без доказательств означало снова вложить в мёртвого человека нужные слова.

В окончательной версии Вера оставила оба и приписала: «Источник знания не установлен».

В тот же день пришло заключение по смерти Антона. Повторная токсикология не обнаружила седативных препаратов, а медицинские данные соответствовали острой сердечной недостаточности. Все три таблетки с блюда совпали с его назначениями; ветеринарные ампулы соседка подтвердила распиской из лечебницы. Шевцов не убил его. Он оказался в доме вскоре после смерти, забрал часть плёнок и попытался направить первое объяснение. Это было преступлением другого рода, и Вера вписала вывод отдельной строкой.

Она перечитала её трижды. Ей хотелось, чтобы смерть отца тоже получила виновного с именем. Бумага желания не поддержала.

— Вы пишете против себя, — сказал он.

— Я пишу как было.

— Так никто не пишет.

— Поэтому пришлось вернуться через двадцать лет.

В окончательном обвинении человеческие преступления получили человеческое объяснение. Седативные препараты. Тоннели. Камеры. Поддельные фотографии. Страх, долг и привычка взрослых решать, какую правду выдержат дети.

Шевцову предъявили обвинения по новым убийствам, похищению, покушению и преступлениям, срок по которым ещё можно было считать. События 2006 года выделили в отдельное производство. Юристы спорили о давности и формулировках. Останки Лиды, необрезанный негатив и запись Светланы уже не зависели от того, какое решение примет суд.

Николая оставили под стражей. Его помощь в резервуаре вошла в протокол рядом с тем, что он сделал до неё. Ни следователь, ни Вера не называли это изкуплением.

Одна вещь осталась без ответа.

Первый цифровой снимок на волнорезе исследовали три лаборатории. Монтажа не нашли. Светлая детская фигура отсутствовала на соседних кадрах и на записи нагрудной камеры Ильи. Тень падала в соответствии с фонарями.

Следователь назвал её оптическим эффектом.

Вера внесла в отчёт: «Причина изображения не установлена».

* * *

Перед отъездом Вера встретила дочь Павла. Кира забрала его часы и фотографию из мастерской.

Она была выше отца и так же кусала внутреннюю сторону щеки перед трудным вопросом. Фотографию держала за края, как Вера научила её пять минут назад. На снимке Павел стоял у спасательной лодки, шурился от солнца и сердился на человека за камерой.

— Он был трусом? — спросила она.

— В ту ночь — да.

— А потом?

— Потом каждый год мог рассказать и не рассказал. Но спасал людей из воды. Одно не стирает другое.

Кира ждала более простого ответа. Вера не дала.

Мерц передал Вере старый экспонометр. На чехле он нацарапал: «Свет не врёт. Врёт фотограф». Вера оставила прибор себе.

Ольга вынесла ещё и пустую коробку от того самого задника. Внутри сохранилась надпись Мерца: дата, тип плёнки, фамилия Антона. Ни слова о фигуре в стекле.

— Он хочет, чтобы вы не делали из него мудреца, — сказала Ольга. — Тогда он просто побоялся идти в милицию.

Мерц стукнул пальцем по подлокотнику.

— Один раз, — перевела она. — Говорит, побоялся один раз, а потом приходилось бояться дальше.

Вера положила коробку рядом с экспонометром.

Марина пришла проводить её не на вокзал, а к дому. Принесла пакет с вымытой кружкой Антона и красной заколкой, которую купила перед похоронами.

— Кружку оставь, — сказала Вера.

— Она твоя.

— Нет. Она стояла у вас, когда отец приходил с фотографиями.

Марина не спорила. Заколку положила на подоконник.

— Эта тоже никому не принадлежит.

Новая пластмасса блестела слишком ярко. Она не была уликой, памятью или заменой потерянной вещи. Просто предметом, купленным человеком, который не знал, что взять на похороны сестры через двадцать лет.

— Оставь себе, — сказала Вера. — Или выброси. Только не прячь в стену.

Марина усмехнулась. Потом обняла её одной рукой, неловко из-за ещё больной ноги. Вера ответила не сразу.

— Если суд ничего не решит про тот год? — спросила Марина.

— Мы всё равно знаем, где она была.

— Это мало.

— Да.

Они не стали делать вид, что найденное тело вернуло потерянное время. Марина забрала кружку и заколку. На подоконнике остался сухой круг пыли.

В последний вечер она пришла в «Прибой» с официальным разрешением. Здание готовили к сносу. Вход в коллектор заварили, резервуар осушили. На площадке работали следователи и строители.

Билет лежал в кармане куртки. Автобус уходил в шесть десять утра; дом должен был принять риелтор после обеда. Егор предлагал отвезти её до вокзала и получил тот же ответ, что Илья: если проснётся — пусть приезжает.

Вера оставила у Марины ключ от лаборатории до передачи дома. Второй ключ запечатала вместе с документами. Свои камеры уложила в жёсткий кофр. Пистолет Антона остался в хранилище вещдоков. Она не просила вернуть его после суда.

У ворот санатория охранник проверил разрешение дважды. В журнале посетителей напротив фамилии Веры уже стояла старая запись — день, когда она вошла без допуска. Новую он вписал ниже и дал ей расписаться. В этот раз время входа, цель и номер камеры были указаны правильно.

Вера снимала пустые помещения для архива. Четвёртую дверь разобрали. За штукатуркой оказалась вентиляционная ниша, динамик и провода. Никаких следов ребёнка.

В коридоре пахло мокрым бетоном и сваркой. Рабочие срезали старые таблички с дверей. Каждую складывали в пронумерованный ящик: палата, процедурная, бельевая. У входа в подвал стоял новый замок, яркий на фоне ржавого металла.

Марина просила сохранить кусок стены у лестницы, где Лида нацарапала рост. Следователь разрешил вырезать бетон после окончания осмотра. До этого отметку закрыли прозрачным щитом. Возле неё больше не лежали цветы и записки от любителей призраков.

В сушильне сняли лески. Корзина для обрезков стояла в пакете для улик. На стенах остались светлые прямоугольники от фотографий.

Она поставила камеру на штатив и включила таймер.

Проверила горизонт, выдержку и пустую карту памяти. Открыла дверь в коридор до упора, чтобы в стекле шкафа не осталось отражения. Осмотрела нишу, потолок и пространство за штативом. Потом сделала контрольный кадр без себя.

Комната была пустой.

В кадре должны были остаться Вера, пустая комната и открытая дверь.

Она встала по центру. Не у края.

Затвор щёлкнул.

Вера проверила экран.

Сначала увидела только себя. Усталое лицо, тёмная куртка, руки опущены. Потом увеличила правую часть кадра.

В открытой двери стояла девочка в зелёной футболке. Босая, с сандалиями в руке.

Лицо было повёрнуто к коридору.

Вера обернулась.

Дверь оставалась пустой.

Она проверила предыдущий кадр, последующий, отражения в металлических шкафах. Девочки нигде не было.

Удалить снимок она не смогла.

Но и в отчёт не добавила.

Вера выключила камеру и вышла из сушильни. За спиной один раз щёлкнул затвор.

Она не вернулась проверить.